

И. ФРИДРИХ

КРАТКАЯ
ГРАММАТИКА
ХЕТТСКОГО
ЯЗЫКА.

И. ФРИДРИХ

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА ХЕТТСКОГО ЯЗЫКА

*Перевод с немецкого
и вступительная статья*
А. В. ДЕСНИЦКОЙ

Под редакцией
акад. В. В. СТРУВЕ

И * Л

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва · 1952

HETHITISCHES ELEMENTARBUCH

VON

JOHANNES FRIEDRICH

ERSTER TEIL

KURZGEFASSTE GRAMMATIK

Heidelberg

1 9 4 0

О ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ

1. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ХЕТТСКОГО ВОПРОСА

Трудно переоценить значение, которое имеют для истории древнего Востока, а также для языкознания открытие и дешифровка памятников на малоазийских языках II тысячелетия до н. э., в особенности многочисленных текстов на так называемом хеттском языке.

Пристальный интерес к историческим судьбам древней Малой Азии естественно вызывался в науке теми сведениями, которые в египетских источниках второй половины II тысячелетия до н. э. (восемнадцатая-девятнадцатая династии) сообщались относительно могучего государства Хета, расположенного на север от Египта. С этим государством Египет долгое время боролся за господство в Сирии. Историческое сражение при Кадеше (1312 г.) и последующее заключение договора о дружбе между Египтом и хеттским царством (1295 г.) говорят о большой роли, которую играло хеттское государственное образование в этот период истории древнего мира. Вавилонские и ассирийские хроники также повествуют о могущественном народе хатти в восточной Малой Азии, который в стремительном набеге (около 1600 г. до н. э.¹) захватил столицу южного Междуречья, город Вавилон, и на протяжении II тысячелетия, вплоть до гибели хеттского государства около 1200 г., являлся одной из ведущих сил на Переднем Востоке.

В библии также содержится ряд упоминаний о хеттах (Hittim) в северной Сирии.

Однако все эти сведения носили отрывочный характер и не давали возможности проникнуть в глубь „хеттского вопроса“, который, как указывал в 1900 г. крупнейший историк древнего Востока Б. А. Тураев, в течение длительного времени оставался

---

¹ Хронология основных событий истории хеттского царства устанавливается исключительно путем сопоставления с показаниями синхронных египетских и ассиро-вавилонских источников. В настоящей статье хронологические даты приводятся согласно указаниям акад. В. В. Струве. Новейшие данные по истории Вавилона дают возможность несколько приблизить период так называемого „древнего хеттского царства“.

„сгих'ом и неразрешимой задачей для ориенталистов“, в равной мере интересую „и египтологов, и ассириологов, и лингвистов, и историков, и изучающих „Ветхий Завет“, а также исследователей классической древности, арменистов и ученых, занимающихся иранскими культурами“¹.

Вследствие отсутствия достаточных конкретных исторических сведений понятие „хеттов“ долго оставалось неясным и неопределенным, распространяясь на все племена и народности, населявшие в древности Малую Азию, обширные области верхнего течения рек Тигра и Евфрата, а также Армению. Так, например, Б. А. Тураев в 1903 г. писал, что имя „хетты“ „в настоящее время сделалось условным обозначением всей северной группы — обитателей первобытной Армении (Ванского царства или Урарту), киликийцев и др. Этнографическое место хеттов среди других народов пока не может быть определено“². Но тут же отмечалось, что „родины хеттов следует считать Каппадокию, где находятся древнейшие памятники их культуры и религии (в Эюке и Богазкёе)“³. Далее, Б. А. Тураев указывал, что вряд ли обширная область от Эгейского моря до Кархейиша „была заселена в древности единым народом; вернее всего, что западная часть Малой Азии усвоила себе хеттскую культуру. Во всяком случае, даже в области, несомненно занятой народами хеттской расы, различались диалекты (хеттский собственно, митанни, ванский, арцапи и др.)“⁴. В заключение, характеризую состояние изучения хеттского вопроса к началу XX в., Б. А. Тураев в следующих словах определял задачи и перспективы исследований в этой области: „До сих пор области хеттской культуры в археологическом отношении не были исследованы систематически; раскопки почти не производились, довольствовались только лежащим на поверхности земли. Можно надеяться, что более энергичные изыскания, в связи с приобретением для науки туземной письменности хеттов, дадут возможность определить роль этого интересного народа в истории человеческой культуры. Что она была не мала, можно судить уже а priori из положения хеттов, связывавшего древний культурный мир с западом и через Кавказ — с севером“⁵.

Последующие научные открытия блестяще подтвердили этот прогноз.

¹ Б. А. Тураев, К истории хеттского вопроса, Петербург, 1900, стр. 1 (отдельный оттиск из т. XII „Записок Русского археологического общества“).

² Б. А. Тураев, статья „Хетты“ в Энциклопедическом словаре, изд. Брокгауза и Ефрона, т. XXXVII, стр. 181.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 183.

⁵ Там же, стр. 186—187.

Естественно, что интересы историков древнего мира были уже с конца XIX в. направлены на разыскание письменных памятников самого хеттского народа. Загадочные иероглифические надписи монументального характера, обнаруживаемые в большом числе на древних памятниках северной Сирии и восточной части Малой Азии, с давних пор привлекали к себе внимание путешественников и исследователей и в течение долгого времени казались единственным наследием письменности хеттского народа¹. Однако, как выяснилось в дальнейшем, основная масса этих памятников относится не к периоду существования во II тысячелетии могучего хеттского царства, а сохранилась от небольших государств, сложившихся на обломках этого царства на юго-востоке Малой Азии и в северной Сирии и сохранявших полусамостоятельное положение до VIII в., когда они были окончательно поглощены Ассирией. Дешифруемая до сих пор еще с большим трудом так называемая хеттская иероглифическая письменность не оправдала тех надежд, которые возлагались на нее историками древнего мира, до открытия клинописных текстов, позволивших разрешить загадку хеттского вопроса.

Обнаружение в египетском архиве из Тель Амарна двух клинописных документов на ранее не известном языке, свидетельствующих о переписке египетского двора с малоазийской страной Арзава, и попытки их дешифровки и лингвистического определения явились первым шагом к изучению хеттской клинописи.

Однако подлинная база для научной постановки хеттской проблемы была создана лишь в результате раскопок, проведенных археологической экспедицией Г. Винклера и Макриди-Бея в период 1906—1912 гг. в районе деревни Богазкёй (150 километров к востоку от Анкары). Раскопки обнаружили остатки разрушенной и сожженной неприятелем столицы хеттского царства, города Хаттуш. В числе многочисленных археологических памятников самой замечательной находкой явились остатки архива хеттских царей. Было найдено около 13 000 целых и разбитых глиняных таблечек с клинописными текстами. Последующие раскопки добавили к этому числу еще свыше 3 000 таблечек.

Этот богатейший архив, получивший в науке название богазкёйского, составляет основу для изучения языков малоазийских народов II тысячелетия до н. э., а также их истории.

Небольшая часть богазкёйских таблечек (около 300) была составлена на аккадском языке, игравшем большую роль в эту эпоху как язык деловой переписки для всей Передней Азии.

¹ Б. А. Тураев. К истории хеттского вопроса. 1930.

Эти тексты оказались непосредственно доступными для прочтения их ассириологами.

Что касается основной массы текстов богазкёйского архива, то они были написаны также аккадской клинописью, но на неизвестном языке (на том же, что и обнаруженные ранее в Тель-Амарна два так называемых арзавских письма). Этот язык, видимо, принадлежавший господствующей народности царства Хатти во II тысячелетии, сразу получил в науке наименование „хеттского“. Кроме подавляющей массы хеттских текстов, в богазкёйском архиве были обнаружены впоследствии отрывки текстов на других языках — на так называемом хаттском или „протохаттском“, хуррийском, лувийском и палайском.

Несмотря на то что написанные аккадской клинописью хеттские тексты с самого начала давали возможность фонетического чтения и, кроме того, изобиловали шумерскими идеограммами и многочисленными аккадскими словами и словосочетаниями, дешифровка этих текстов, составленных на языке, который явно не имел ничего общего ни с аккадским, ни с шумерским, представляла значительную трудность. Эту задачу блестяще разрешил чешский ученый Б. Грозный уже в 1915 г. В 1917 г. в большом труде „Язык хеттов“¹ он подтвердил результаты своих исследований.

„В этой работе,— пишет Б. Грозный,— мне удалось — как это в настоящее время признано всеми специалистами — разрешить загадку хеттского языка, составить его первую грамматику и неожиданно для всех, констатировать индоевропейский характер его строения“².

Изучение многочисленных и разнообразных по содержанию хеттских клинописных текстов, найденных в богазкёйском архиве, дало возможность перейти в трактовке хеттского вопроса от гипотез и преждевременных, недостаточно обоснованных на конкретных фактах выводов к исследованию таких ценных первоисточников, как исторические хроники хеттского царства, документы юридического и бытового характера и др. Языковые отношения древней Малой Азии также приобрели несравненно более ясные очертания по сравнению с тем, еще недавним

¹ В. Грозный, Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm, Leipzig, 1917.

² Б. Грозный, Хеттские народы и языки, „Вестник древней истории“, № 2 (3), М., 1938, стр. 23. Подробнее о дешифровке и истории изучения хеттских текстов см. указанную выше статью Б. Грозного, а также статьи А. А. Фреймана, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, Изв. отд. лит. и яз. АН СССР, № 3, 1947, и М. Я. Немовского, Хеттский язык как проблема индоевропейской, кавказской и общей лингвистики, „Сборник науч. общ. этнографии, языка и литературы при Горском пед. институте“, I. Владикавказ, 1929.

прошлым, когда лингвистика оперировала исключительно крайне неопределенными и туманными понятиями „азиатических“, „субарейских“, „хеттских“ (в широком смысле слова, т. е. без должного уточнения этого термина) и тому подобных языков.

2. ЯЗЫКОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ БОГАЗКЕЙСКОГО АРХИВА

За период, истекший со времени открытия Б. Грозного, изучение хеттского языка продвинулось очень далеко благодаря трудам как самого Грозного, так и ряда других ученых. Установленная Грозным принадлежность хеттского языка к индоевропейской группе (семье) языков давно уже не вызывает сомнений. Более того, использование метода исторического сравнения с родственными языками позволило глубже и полнее изучить хеттскую языковую структуру. Богатство и разнообразие текстов (которые в настоящее время еще далеко не все опубликованы) дают широкие возможности для всестороннего исследования хеттского языка во всех его аспектах.

Как уже было упомянуто выше, в ходе изучения богазкёйских текстов обнаружилось материалы также по языкам других народов древней Малой Азии. В хеттские тексты оказались включенными кое-где небольшие отрывки на совершенно не родственном хеттскому, притом явно не индоевропейском языке, который сами хетты называли „хаттским“ (*ḫattili*, по имени самой страны Хатти; ср. также название ее столицы Хаттуш). Свой же язык хетты называли „несийским“ (*našili* и *nešumnilil*), как предполагает Б. Грозный — по имени древнейшего центра хеттского царства, города Неса. В то же время характерно, что самих себя хетты называли „людьми страны Хатти“.

Отсюда следует весьма существенный вывод, что наиболее древнее население Малой Азии составляли племена, говорившие на неиндоевропейских языках, одним из которых являлся хаттский, или „протохаттский“ язык. Народность, стоявшая во главе хеттского государственного образования о II тысячелетии до н. э., не являлась для Малой Азии коренной, исконной, о чем говорит принадлежность ее языка к индоевропейской лингвистической группе.

Однако экономические, политические и культурные связи хеттской народности с коренными племенами и народностями Малой Азии были, несомненно, очень сильны. Сложившаяся во II тысячелетии хеттская государственность унаследовала вместе с именем страны Хатти традиции экономического и культурного развития древнейшего населения этой области.

Многие исследователи полагают, что в эпоху, к которой относится основная масса хеттских клинописных текстов

(XIV — XIII вв.), хаттский язык уже исчез из обращения и употреблялся лишь при религиозных обрядах, став мертвым и мало доступным для понимания. В настоящее время еще трудно определить, в какой степени и когда этот язык древнейшего населения страны подвергся ассимиляции индоевропейскому языку господствовавшей в хеттском государстве народности. Возможно, что на протяжении II тысячелетия он еще сохранялся в некоторых районах страны, хотя в опубликованных текстах упоминаний об этом нет, и термином „человек страны Хатти“ обозначалась принадлежность к сложившейся на территории Каппадокии народности, говорившей на хеттском (несийском) языке.

Характерно, что отрывки на хаттском языке имеют ритуальный характер (молитвы, заклинания) и включены в тексты религиозного содержания, составленные на хеттском (несийском) языке. Это указывает на непосредственную зависимость религиозных представлений хеттов от верований древнего населения страны.

Не приходится сомневаться в том, что словарный состав хеттского (несийского) языка должен был обогатиться в свое время значительным количеством заимствований из хаттского, а возможно и из других неиндоевропейских языков Малой Азии и Переднего Востока. В пользу такого предположения говорит наличие в хеттском языке довольно большого числа слов, не имеющих индоевропейских этимологий.

Таким образом, мы видим, что собственно „хеттским“ (или „хаттским“) языком исторически являлся не тот язык, за которым закрепила это название сложившаяся научная традиция, а неиндоевропейский язык древнейшего населения страны Хатти, от которого сохранились немногочисленные и до сих пор еще слабо изученные памятники. Однако попытка ввести в научный оборот термин „несийский язык“ взамен термина „хеттский“ не увенчалась успехом. На протяжении свыше трех десятков лет название „хеттский“ твердо закрепилось за принадлежащим к индоевропейской лингвистической группе языком богазкёйского клинописного архива, являвшимся языком господствовавшей в хеттском государстве II тысячелетия до н. э. народности. Для обозначения же языка древних хаттов используются термины „хаттский“ или „протохаттский“ язык.

В лингвистическом отношении „протохаттский“ язык обнаруживает своеобразную структуру, напоминающую структуру языков Кавказа. Характерной для него чертой являлось наличие префиксальной флексии. Так, например, формы множественного числа существительных получали особый префикс *le-*; формы прилагательных также различались с помощью специальных префиксов, возможно аналогичных так называемым „классным пре-

фиксам" в некоторых северокавказских языках. Обращает на себя внимание нагромождение префиксов при образовании глагольных форм.

Изучение „протохаттского“ языка представляет значительные трудности и сравнительно мало продвинулось вперед. В языкознании уже не раз выдвигалось предположение о возможности существования генетического родства между этим древним языком и языками Кавказа. Такое предположение является исторически весьма вероятным. Но для того чтобы оно превратилось в твердо установленное научное положение, конечно, недостаточно внешнего сопоставления типов грамматического строения, а необходимо тщательное и углубленное сравнительно-историческое исследование на основе конкретных лингвистических фактов. Это может быть достигнуто лишь тогда, когда изучением этой проблемы непосредственно займутся специалисты по иберийско-кавказским языкам.

Исследования в этой области имеют большое значение для изучения древней истории народов Кавказа и Закавказья. Историческая наука устанавливает преемственную связь культуры этих народов с древними культурами Передней Азии. Лингвистическое обоснование генетического родства иберийско-кавказских языков с языками древнейшего населения Малой Азии и прилегающих областей позволит полнее и глубже осветить историческое прошлое народов Кавказа и Закавказья. Богазкёйский архив хеттского царства содержит ценные материалы для изучения этой проблемы.

Не менее интересны в этом отношении также и содержащиеся в архиве отрывки текстов, отдельные слова и словосочетания на хуррийском языке, составляющие существенное дополнение к найденному в Тель-Амарна (Египет) письму митаннийского царя Тушратты (около 1400 г. до н. э.), материалам из Рас-Шамра (Сирия) и другим памятникам этого языка. Хуррийские племена, населявшие обширные области верхнего течения Тигра и Евфрата и область озера Ван, играли большую роль в истории Передней Азии во II тысячелетии до н. э. В середине II тысячелетия хуррийское государство Митанни составляло одну из ведущих сил в экономической и политической жизни народов ближнего Востока¹.

¹ Несомненный интерес представляет засвидетельствованное языковыми фактами наличие в митаннийском государстве индоиранского (или собственно индийского) этнического элемента. Об этом говорят некоторые из сохранившихся хуррийских имен собственных, имеющие явно выраженный индоиранский характер (Parsasatta, Artatama, Artašuvāra, Tušratta, Mattivaza, Wasasatta, Saussatar, Suta-na и др.; см. A. Götz, *Hethiter, Churriter und Assyrer*, Oslo, 1936, стр. 33). Характерно, что при заключении договоров митаннийские цари призывали в качестве свидетелей богов Митру, Варуну, Индру и Насатиев, при-

Хуррийский язык, так же как и „протохаттский“, не принадлежал ни к индоевропейской, ни к семитской лингвистической группе. Родственным хуррийскому признается урартский язык, сохранившийся в надписях IX—VI вв. до н. э. Генетическая связь хуррийского и урартского языков исторически вполне понятна, так как государство Урарту возникло в IX в. до н. э., видимо, в результате консолидации хуррийских племен на территории позднейшей Армении. Историческое изучение хуррийского и урартского языков, исследование их связей (возможно генетических) с иберийско-кавказскими языками, а также с „протохаттским“— все это представляет целый комплекс проблем, существенно важных для исследования древнейшей истории народов Закавказья и Передней Азии.

Культура хеттского царства развивалась в тесном взаимодействии с хуррийской и, вероятно, под сильным ее влиянием. Существует мнение о том, что система аккадской клинописи была заимствована хеттами через посредство хуррийцев. Связи с хуррийцами сказались в развитии материальной культуры, искусства, а также религиозных верований хеттов (помимо экономических и культурных традиций, непосредственно унаследованных ими от древних хаттов).

Словарный состав хеттского языка, повидимому, включил немало заимствований из хуррийского. Вопрос этот еще недостаточно изучен, но исследование его представляет большой интерес не только с точки зрения хеттологии. Для изучения культурного взаимодействия древних народов Передней Азии и Закавказья лексические связи хеттского языка с хуррийским, позднейшей формой развития которого, повидимому, явился так называемый „халдский“ язык государства Урарту, имеют существенное значение.

Помимо „протохаттских“ и хуррийских, в богазкёйском архиве представлены также материалы еще по двум, не известным ранее языкам.

принадлежащих к древнеиндийскому пантеону. Наконец, о существовании индоиранского (или, вернее, индийского) этнического элемента в государстве Митанни говорит наличие в составленном митаннийцем Киккули хеттском трактате о коневодстве целого ряда специальных технических терминов, прошедших, несомненно, из древнеиндийского языка, например aikavartanna „один поворот“ (ср. др.-инд. eka „один“ и vartanam „поворот“), panzavartanna „поворот пять раз“ (ср. др.-инд. pañca „пять“) и др.

Вопрос о том, когда и какими путями этот этнический элемент проник в северную Месопотамию и каково было его отношение к коренному хуррийскому населению, пока еще остается нерешенным. Во всяком случае, для древней истории Передней Азии, а также для постановки проблемы о времени и путях расселения племен, говоривших на индоевропейских языках, отмеченный факт может иметь немалое значение.

В хеттские тексты вкраплены кое-где небольшие отрывки, отдельные слова и словосочетания на языке, обозначаемом как „лувийский“ (хетт. luṣiili „по-лувийски“). Нередко лувийские формы выделяются в хеттской клинописи с помощью специального значка (так называемый „гlossовый клин“).

В документах хеттского царства упоминания о лувийцах (URU^ULiṣṣina) встречаются часто. Лувийцы являлись самостоятельной народностью в составе этнически пестрого хеттского государственного образования и в основном населяли обширные территории в южной части Малоазийского полуострова (древние области Арзава, Кизватна и др.). В основной области хеттского царства (страна Хатти), т. е. в области реки Галис (Каппадокия), лувийцы, видимо, составляли некоторую часть населения. Об этом говорят не только письменные свидетельства (например, хеттский „Судебник“), но также и наличие лувизмов в текстах, наиболее приближающихся к живой разговорной речи („Автобиография Хаттушиля III“), в письмах и в особенности в магических заклинаниях.

В лингвистическом отношении лувийский язык определяется как близко родственный хеттскому, но отличный от него, индоевропейский язык. Следует отметить, что в ряде своих форм лувийский язык сохранял несколько более архаичное состояние индоевропейской языковой структуры, чем хеттский. Так, например, в 3-м лице ед. ч. наст. вр. лувийский язык имел окончание -ti (anpi-ti „выполняет“, ср. др.-инд. bhāra-ti „несет“) и в 3-м лице мн. ч. — окончание -nti (ṣaṣṣa-nti „одевают“, ср. др.-инд. bhāra-nti „несут“). В хеттском же языке, в результате фонетического изменения (переход t перед i в аффрикат z), древние окончания -ti и -nti выступали как -zi и -nzi (ija-zi „делает“, ija-nzi „делают“).

К сожалению, опубликованные до сих пор данные по лувийскому языку слишком фрагментарны.

Еще беднее материалы палайского языка (palaṣṣinili „по-палайски“), на котором также говорила одна из народностей хеттского царства (URU^UPalaṣṣina = „палаец“) — люди страны Пала, относительно географического положения которой до сих пор еще нет единства во мнениях. Палайский язык также определяется как индоевропейский, более близкий к лувийскому, чем к хеттскому (так же как в лувийском окончания 3-го лица ед. ч. наст. вр. -ti и 3-го лица мн. ч. -nti); ср. также 3-е лицо ед. ч. повелительного наклонения от глагола „быть“ палайск. aṣ-du „пусть будет“, 3-е лицо мн. ч. a-ṣa-an-du „пусть будут“ с хетт. eṣḍu, aṣandu и лат. esto(d), suntō(d).

Помимо языков, обнаруженных в клинописных записях богазкёйского архива, следует также кратко остановиться на так называемом „хеттском иероглифическом“ языке. Выше уже упоминалось

о том, что на первой стадии хеттологических изысканий внимание исследователей преимущественно обращалось к многочисленным надписям, сделанным своеобразным иероглифическим письмом. Большая часть этих надписей была обнаружена в северной Сирии, но некоторое количество их найдено и на основной территории хеттского царства (например, в святылище Язили-Кая около Богазкёя), а также на печатях хеттских царей (наряду с клинописным текстом).

После того как богазкёйский архив раскрыл перед наукой подлинную картину жизни хеттского рабовладельческого общества, доставив неоценимые материалы по изучению истории малоазийских народов и их языков во II тысячелетии до н. э., интересы языковедов и историков вновь обратились к так называемым „хеттским“ иероглифическим надписям, все еще остававшимся загадочными.

Процесс дешифровки этой письменности продвигался медленно и с большими усилиями, но в настоящее время можно ожидать окончательных результатов в связи с тем, что в 1947 г. в восточной Киликии была обнаружена значительная по своему размеру билингва, составленная на финикийском и „иероглифическом хеттском“ языках.

В ходе напряженной работы ученых различных стран над дешифровкой и лингвистическим определением таинственных иероглифических надписей выяснилось, что надписи эти составлены также на индоевропейском языке, хотя и родственном хеттскому, но не совпадающем с ним и отличающемся от хеттского в ряде существенных моментов (так, например, по отражению древних заднеязычных звуков язык иероглифических текстов сближается с так называемой группой языков *satəm* — индоиранскими, славянскими, балтийскими, армянским, албанским, в то время как хеттский обнаруживает состояние заднеязычных, характерное для итальянских и других языков, относимых к так называемой группе *centum*).

Некоторыми особенностями своей морфологической структуры „иероглифический хеттский“ язык явно сближается с лувийским языком (например, окончание 1-го лица ед. ч. прош. врем. -*ḫa* и др.).

Отношения „иероглифического хеттского“ с другими индоевропейскими языками древней Малой Азии представляют ряд спорных вопросов. Некоторые исследователи отождествляют его с лувийским, другие же рассматривают его как самостоятельный язык в составе древнеанатолийской лингвистической группы, в которую, помимо него, входили также клинописный хеттский, палайский и лувийский языки.

Возможные предположения, связанные с лингвистическим определением иероглифических материалов, осложняются еще тем,

что до сих пор не выяснено, имеем ли мы в данном случае дело с одним языком или с разными, в особенности если вспомнить о том, что иероглифические памятники были распространены не только в северной Сирии, но и в центральной части Малой Азии.

Необходимо также учитывать и хронологическую сторону вопроса. Лишь небольшая часть иероглифических текстов относится к эпохе существования хеттского царства в Малой Азии, т. е. ко II тысячелетию до н. э. Основная масса надписей, локализованная в северной Сирии, имеет более позднее происхождение, относясь к первой половине I тысячелетия. Надписи эти дошли от той эпохи, когда в северной Сирии существовали мелкие государственные образования, возникшие на обломках хеттского царства в восточной его части и продолжавшие сохранять хеттские культурные традиции. Происхождение иероглифической письменности и соотношение ее с клинописью, которая являлась общераспространенной системой письма в древних странах Передней Азии, составляет до сих пор неразрешенную загадку.

Вообще, как можно убедиться из предшествующего изложения, изучение языков древней Малой Азии и прилегающих областей оставляет еще открытыми немало неясных, часто спорных вопросов. Тем не менее добытые в результате целого ряда открытий лингвистические материалы дают основание для научной классификации и составляют необходимую базу для углубленных сравнительно-исторических исследований. В особенности это стносится к хеттскому (несийскому) языку, изучение которого уже сложилось в самостоятельную лингвистическую дисциплину.

3. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕ ХЕТТОВ. ХЕТТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Основной территорией хеттского царства была северо-восточная часть Малой Азии (Каппадокия) — собственно область течения реки Галис (ныне Кызыл-Ирмак), в излучине которой и находилась столица царства, город Хаттуш. В различные периоды существования этого царства гегемония хеттской государственности простиралась на всю восточную половину Малой Азии, на некоторые западные ее районы, а также на области верхнего течения Евфрата и северную Сирию.

Хеттская народность исторически сложилась в результате смешения и скрещивания древних хаттских (или «протохаттских») племен с переселившимися в Малую Азию племенами, говорившими на языке индоевропейской группы. В процессе этого скрещивания язык древнейшего населения страны, видимо, в значительной

мере подвергся ассимиляции; язык же пришедших в Малую Азию племен сохранил свое качество, обогатив лишь свой словарный состав значительным количеством лексических элементов, не имеющих индоевропейских этимологий и, видимо, заимствованных из языков коренных обитателей страны. Что касается традиций экономического и культурного развития древнего населения Малой Азии, то они были целиком унаследованы сложившейся хеттской народностью.

К сожалению, территория Малой Азии еще недостаточно обследована в археологическом отношении. Однако и имеющиеся данные раскопок Алишарского холма (80 километров к юго-востоку от Богазкёя), а также некоторых других точек показывают непрерывность местной культурной традиции на протяжении эпохи меди (так называемый 1-й алишарский слой) и, далее, эпохи бронзы (2-й слой), захватывавшей III и значительную часть II тысячелетия до н. э. Принятый первоначально за более поздний, но хронологически одновременный 2-му, так называемый 3-й алишарский слой резко отличается (в основном по типу керамических изделий) от преобладавшей в Малой Азии в III и II тысячелетиях культуры, сближаясь со 2-м троянским культурным слоем, а также с балканскими археологическими памятниками. Этот слой постепенно растворяется в основном для восточной Малой Азии типе материальной культуры. Есть основания связывать сравнительно кратковременное появление нового типа с эпохой переселения в Малую Азию племен, принесших с собой языки индоевропейской группы¹. Можно предполагать, что переселение это совершилось в конце III тысячелетия и представляло собой одно из тех „великих сказочных странствий“ пастушеских племен, вызванных сокращением площади производства в связи с избытком населения, „которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе“².

Относительно возможных путей переселения существуют различные точки зрения. Большинство исследователей склоняется к тому, что хетты-неситы, так же как и другие малоазийские народы, говорившие на индоевропейских языках, переселились в Малую Азию из юго-восточной Европы, через Балканы. Имеющиеся археологические материалы как будто бы говорят в пользу этой гипотезы, обладающей и некоторыми лингвистическими основаниями (особые связи хеттского языка с италийскими и др.).

Однако в последнее время гипотеза о балканском пути переселения хеттов в Малую Азию встречает серьезные возражения. Против нее выступают такие авторитетные представители хетто-

¹ А. Гётце, *Kleinasiens*, „Kulturgeschichte des Alten Orients. Handbuch der Altertumswissenschaft“, III, 1, 3, 1933, стр. 37 — 48.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. IX, стр. 278 — 279.

логии, как Б. Грозный и Ф. Зоммер. Уже в работе 1940 г. Грозный, резко изменив свою прежнюю точку зрения, заявил, что хетты „пришли через Кавказ, а не через Балканы“¹. В позднейших работах он развил свое положение о приходе хеттов из южной России через Кавказ, подчеркнув тесные связи хеттов с переднеазиатской культурой².

Зоммер также поддерживает точку зрения о кавказском пути переселения хеттов в Малую Азию³. Так же как Грозный, он подчеркивает то обстоятельство, что древнейшие центры хеттского государства (города Manda, Sala, Tamalkija, Hatra, Zalpa, Nemmuva) были расположены к востоку от собственной территории страны Хатти; экономика и культура хеттского царства, основная направленность политических интересов хеттской государственности в течение ряда веков — все это указывает на теснейшие связи с Востоком. Самый факт заимствования аккадской клинописи не от ассирийских торговых поселений в Каппадокии, а из другого источника говорит, по мнению Грозного и Зоммера, о том, что хетты получили клинописное письмо на своем пути через Верхнюю Месопотамию.

В хеттских исторических хрониках никаких упоминаний о переселении не обнаружено.

В настоящее время было бы преждевременно пытаться утвердить в качестве окончательного какое-либо из предлагаемых решений относительно путей переселения хеттов в Малую Азию. Для этого пока мало данных. Следует отметить, что, несмотря на решительные возражения Грозного и Зоммера, общераспространенная гипотеза о балканском пути переселения хеттов, лувийцев и других малоазийских народов древности, говоривших на индоевропейских языках, отнюдь не опровергнута. Нам кажется, что лингвистические данные, как и имеющиеся данные археологии, свидетельствуют в основном в ее пользу. Решающее значение в исследовании этой исторически и лингвистически несомненно очень важной проблемы могут иметь результаты археологических изысканий.

В клинописных документах хеттского царства хетты выступают перед нами как сложившаяся народность, которой противопоставляются другие народности (лувийцы, палайцы), существовавшие в государстве. В хеттском „Судебнике“ специально определяются юридические права и обязанности хетта (LÚ URU Hatti) и лувийца (LÚ URU Luđiaš), назначаются различный объем возмещения за убийство хеттского купца в зависимости от того, произошло ли

¹ Б. Грозный, „Доисторические судьбы Передней Азии“, „Вестник древней истории“, № 3 — 4, 1940, стр. 45.

² В. Грозный, Die älteste Geschichte Vorderasiens und Indiens, Praha, 1943, стр. 145.

³ F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 1—10.

убийство в самой стране Хатти или в странах Лувия, Пала и т. п.

Хеттское государство являлось типичным примером непрочных военно-административных объединений рабского периода, которые „представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“¹. Об этом говорят как разноразличные материалы богазкёйского архива, так и содержащиеся в исторических документах хеттского государства описания непрерывных войн, преследовавших цели захвата новых территорий и получения новых источников рабской силы, описания беспрестанных карательных экспедиций против непокорных областей.

Хеттское рабовладельческое общество формировалось в общем процессе развития древних классовых обществ Передней Азии. Особенное значение имели экономические и культурные связи со странами Междуречья — Ассирио-Вавилонией. Выдвижение хеттов во II тысячелетии на роль ведущего государственного объединения Малой Азии определялось спецификой экономического развития центральной области хеттского царства, богатой ископаемыми — серебром, медью, а также строительным лесом. Основу хеттского хозяйства составляли скотоводство (особенно разведение овец) и земледелие (но не ирригационного типа). Широкое развитие имели ремесла.

Высокое для того периода экономическое состояние хеттского общества, основанное на массовом использовании в сельском хозяйстве, на строительных работах и в рудниках рабской силы, запасы которой пополнялись постоянными войнами, а также на интенсивной торговле с различными странами Переднего Востока и Средиземноморья, создало предпосылки для широкого захвата территорий и превращения хеттского государственного объединения в могущественную державу, успешно конкурировавшую с Египтом и Ассирией.

Историю хеттского государства принято делить на два периода: 1) „Древнее царство“ (XVIII—XVI вв.)² и 2) „Новое царство“ (XV—XIII вв.).

Из явлений внешней истории „Древнего царства“ выделяется деятельность (в середине XVIII в.) основателя династии хеттских царей Лабарны (Табарны)³, впервые расширившего границы хетт-

¹ И. Ст а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, М., 1951, стр. 12.

² Относительно хронологии см. примечание на стр. 3.

³ Это имя, сделавшись титулом хеттских царей, встречается в текстах в двух формах: Лабарна и Табарна. Чередование звуковой формы, по всей вероятности, объясняется двойственной передачей чуждого хеттскому языку „протохеттского“ латерального африката *ʔ* (ср. аналогичные фонемы в некоторых северокавказских языках). Имя царя Лабарны, как и большинство хеттских имен собственных, является унаследованным от коренного населения страны Хатти.

ского государства от моря до моря (т. е. от Черного до Средиземного): около 1600 г. — взятие города Алеппо (Halpa) в северной Сирии, около 1595 г. — стремительный поход в Месопотамию, сопровождавшийся захватом и разгромом Вавилона. Отметим также династические реформы царя Телипина (около 1550 г.), завершившие период междоусобиц и конфликтов между царской властью и родовой знатью.

Далее следовал период ослабления хеттской государственности, о котором в письменных документах не сохранилось никаких сведений¹. К этой эпохе относятся расцвет и усиление могущества хуррийского государства Митанни (северная Месопотамия).

Борьбой с гегемонией Митанни в Передней Азии начинается новый подъем хеттского государства (в период так называемого «Нового царства»). В результате этой борьбы власть хеттских царей распространяется на области северной Месопотамии, где сохраняются ослабленные и подчиненные хеттам остатки царства Митанни, и на северную Сирию. Расширяя границы своего непрочного государственного конгломерата, хеттские цари вновь захватывают ряд отпавших областей на востоке и на западе самой Малой Азии.

Овладев северной Сирией, хеттское царство становится опасным конкурентом Египта. Длительная напряженность хеттско-египетских отношений завершается в 1312 г. знаменитой битвой при Кадеше. Египтяне пытались приписать себе победу в этом сомнительном для обеих сторон по своему исходу сражении. Однако объективным результатом сражения явилось, по мнению некоторых исследователей, закрепление власти хеттов в северной Сирии. В 1295 г. хеттский царь Хаттузилъ III и египетский фараон Рамсес II, опасаясь растущего могущества ассирийской державы, заключили договор о дружбе. В этом договоре стабилизировалось соотношение сил между двумя могущественными державами.

В течение длительного периода своего существования хеттскому государству приходилось вести тяжелые оборонительные войны с причерноморскими кашкейскими племенами, которые совершали опустошительные набеги на северные области страны Хатти, захватывая нередко важные ее центры. В XIII в. над хеттским царством начинают собираться грозовые тучи на западных его границах, вызванные движением племен юго-восточной Европы на Балканы и в средиземноморские области.

Последний период существования хеттского царства характеризуют тщетные попытки хеттских царей удержать в повиновении

¹ Согласно хронологии, устанавливаемой акад. В. В. Струве, этот период сводится до минимума (не более 120 лет).

непокорные страны в западной и юго-восточной частях Малой Азии. В конце концов, около 1200 г., непрочное хеттское военно-административное объединение рушится. Причиной окончательного крушения хеттского царства явилось внезапное вторжение „народов моря“, о котором с ужасом повествуют египетские источники.

Новое переселение племен с севера привело в движение многочисленные племена восточного Средиземноморья, среди которых были филистимляне, шарданы, туруша (этруски), данайцы, возможно, ахейцы и др. Вторгнувшись со стороны Крита, вся эта масса племен нахлынула на территорию хеттского царства. В результате стремительного нашествия были уничтожены и сожжены хеттские города. Мощное хеттское государство перестало существовать. Хеттские клинописные памятники с этого времени больше не встречаются.

В результате так называемого „эгейского переселения народов“ этнический состав населения Малой Азии в I тысячелетии до н. э. существенно изменился. Остатки хеттского населения, по всей вероятности, отступили на юго-восток, в области северной Сирии, где образовался ряд мелких государственных объединений, просуществовавших еще несколько веков и сохранявших в известной мере хеттские культурные традиции. Часть населения отступила, вероятно, к северо-востоку, в области Закавказья.

Центральные области хеттского царства заняли кашкейские племена и родственные фригийцам племена мушков. Значительная часть Малой Азии (северо-западные области) была заселена переселившимися с Балкан фригийцами и т. д. О том, как далеко заходила волна эгейского переселения, свидетельствует закрепление филистинских племен в Палестине, давших этой стране дшшедшее до наших дней название.

За исключением катастрофы, постигшей хеттское царство, все основные моменты его истории освещены в клинописных материалах богазкёйского архива. Особую ценность представляют исторические тексты („Автобиография Хаттушиля III“, „Декларация царя Телипина“, „Анналы Муршиля II“ и др.), а также договоры хеттских царей с правителями соседних стран и зависимых от хеттской государственности областей.

Для изучения общественного строя хеттского государства богазкёйские тексты также дают богатейший материал.

„При рабовладельческом строе, — пишет И. В. Сталин, — основной производственных отношений является собственность рабовладельца на средства производства, а также на работника производства — раба, которого может рабовладелец продать, купить, убить, как скотину. Такие производственные отношения в основном соответствуют состоянию производительных сил в этот период. Вместо каменных орудий теперь люди имели в своем распоряжении металлические орудия, вместо нишенского и при-

митивного охотничьего хозяйства, не знавшего ни скотоводства, ни земледелия, появились скотоводство, земледелие, ремесла; разделение труда между этими отраслями производства, появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами, возможность накопления богатства в руках немногих, действительное накопление средств производства в руках меньшинства, возможность подчинения большинства меньшинством и превращения членов большинства в рабов. Здесь нет уже общего и свободного труда всех членов общества в процессе производства, — здесь господствует принудительный труд рабов, эксплуатируемых нетрудящимися рабовладельцами. Нет поэтому и общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Ее заменяет частная собственность. Здесь рабовладелец является первым и основным полноценным собственником.

Богатые и бедные, эксплуататоры и эксплуатируемые, полноправные и бесправные, жестокая классовая борьба между ними — такова картина рабовладельческого строя¹.

Все характерные черты рабовладельческого строя, с исчерпывающей ясностью указанные **И. В. Сталиным**, были присущи хеттскому обществу.

Особенно показательным документом в этом отношении является хеттский „Судебник“, в целом ряде статей которого кодифицирована власть рабовладельцев над рабами. Рабы были бесправными. К ним применялись тяжелые наказания (отрезание ушей, носа), за неповиновение господину рабы подвергались жестокой казни. В хеттском обществе „раб должен был за строптивость подвергнуться особо суровому наказанию, так как, вследствие многочисленности рабов, их надо было держать в повиновении жестокостью кары за всякую попытку неповиновения воле господствующего класса“².

Основной формой социальных отношений было крупное рабовладение, интересы которого в первую очередь нашли отражение в законодательстве хеттских царей³. Значительные массы рабов концентрировались в хозяйстве крупнейшего рабовладельца-царя, в хозяйствах жреческих храмовых общин и родовой знати. Наряду с крупными рабовладельцами существовали и мелкие, хозяйства которых также обслуживались рабской силой. Огромные количества перемещенного из покоренных областей населения по бесправности своего положения приближались к рабам. Беднейшие слои свободного населения, попадая в тяжелую

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 555.

² В. В. Струве, О „гуманности“ хеттских законов, „Вестник древней истории“, № 4, 1947, стр. 16.

³ Там же, стр. 16.

долговую кабалу, в свою очередь пополняли класс рабов. Бесправным, полурабским было и положение многочисленных ремесленников, прикрепленных к хозяйствам царя, храмов и крупных рабовладельцев.

Специальные статьи „Судебника“, предусматривающие частые случаи побега рабов, неповиновения, действий, направленных против хозяина (поджоги и т. п.), говорят об остроте отношений между классами эксплуатируемых и эксплуататоров. Имеются в источниках и глухие указания на восстания рабов.

Рабским трудом обеспечивался сравнительно высокий уровень развития производительных сил в хеттском обществе. Добыча и обработка металлов (серебро, медь, железо) составляли важную отрасль хозяйства страны Хатти. Производство бронзовых изделий, в том числе оружия, стояло на значительной высоте. Большое значение в экономике страны имело скотоводство (разведение крупного и мелкого рогатого скота, свиней, коневодство). Зерновое хозяйство (ячмень, эммер или полба) также было одним из основных элементов хеттской экономики. Значительного уровня достигало развитие ремесел. В текстах содержится упоминание о кузнецах, гончарах, строителях, плотниках, скорняках, ткачах и т. д.

Разделение труда между всеми вышеперечисленными областями производства составляло один из определяющих моментов структуры хеттского общества. В связи с этим значительное развитие получил и торговый обмен. В „Судебнике“ содержится список установленных государственной властью твердых цен на ряд важнейших продуктов производства (мясо, кожи, молочные продукты, зерно, сало, вино, мед, ткани, одежда и др.), а также на земельные участки. Цены установлены в вавилонских денежных единицах. Помимо обмена внутри страны, значительная торговля велась также с соседними странами.

Власть хеттских царей полностью обеспечивала интересы рабовладельческой аристократии. „Государство, — пишет И. В. Сталин, — возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства“¹. В древний период хеттского царства еще сохранялись некоторые учреждения, унаследованные от первобытно-общинного строя, на обломках которого сложилось рабовладельческое общество. Пережитком родоплеменного совета являлось собрание родовой знати (панкуш), с которым принуждены были считаться в своих действиях хеттские цари. В эпоху „Нового царства“ большую роль играл Совет (тулия), состоявший из высших сановников и родственников царя.

¹ И. В. Сталин, Вопросы ленинизма, 11-е изд., стр. 604.

Семейно-правовые отношения хеттского общества характеризовались наличием патриархальной семьи, с неограниченной властью мужа и отца над женой и детьми, с обычаем продажи невест.

Огромную роль в хеттском государстве играли многочисленные категории жрецов, обслуживавшие культы „тысячи богов“ страны Хатти. Жрецы составляли мощную прослойку в хеттской рабовладельческой аристократии. Храмовые хозяйства, обладавшие значительными земельными угодиями, сосредоточивали при себе большие количества рабов. Особое положение в хеттском царстве занимали наделенные особыми привилегиями так называемые „священные города“ (древнейшие культовые центры страны Хатти — Арийна, Нерик, Циппаланда и др.), население которых в основном составляли жрецы и персонал, обслуживающий храмы и храмовое хозяйство.

В жизни хеттского общества разного рода религиозные обряды занимали очень большое место. Жреческие функции наряду с функциями военачальника составляли значительную часть обязанностей хеттских царей. В богазкёйском архиве содержится множество описаний культовых празднеств, жертвоприношений, а также правила поведения для жрецов. О роли магии свидетельствуют бесчисленные формулы заклинаний, описания магических действий, наблюдения над приметами и т. п. Основу хеттской религии составляли верования и обряды, унаследованные от древнего хеттского („протохеттского“) населения. Значительное влияние оказали хуррийские, а частично и вавилонские верования и культы.

Разнообразные материалы богазкёйского архива свидетельствуют о сравнительно высоком уровне хеттской письменности. Сохранились имена целого ряда писцов, которые от поколения к поколению трудились над составлением и перепиской клинописных текстов. Работа эта пользовалась почетом. Должность „старшего писца“ была одной из высших государственных должностей в хеттском царстве.

Используя аккадскую клинопись, хеттские писцы оперировали значительным количеством шумерских и аккадских идеографических обозначений, служивших для передачи соответствующих по смыслу хеттских слов и выражений. В связи с этим изучение аккадского, а возможно, и шумерского языков входило в систему обучения хеттских писцов. О занятиях хеттских писцов аккадским и шумерским языками свидетельствуют найденные в архиве отрывки кратких шумеро-аккадо-хеттских словарей.

Архив хеттских царей содержался в определенном порядке, о чем можно судить по сохранившимся „каталогам“, т. е. спискам названий отдельных клинописных таблеток¹.

¹ E. Laroche. La Bibliothèque de Hattusa, „Archiv Orientalni“, т. XVII, ч. II, 1949, стр. 14 и сл.

Основная масса богазкёйских материалов относится к XIV—XIII вв. Однако имеются и гораздо более древние тексты, сохранившиеся от эпохи „Древнего царства“ в позднейших списках. К числу их относятся такие исторически важные документы, как „Декларация царя Телипина“ (с изложением истории „Древнего царства“), „Завещание Хаттушиля I“ (аккадо-хеттская билингва) и некоторые другие тексты. „Судебник“ также принадлежит к более древним памятникам.

Таким образом, у нас есть возможность проследить развитие хеттского языка на протяжении нескольких столетий. Сравнение архаичных текстов с более поздними показывает, что хеттский язык в течение засвидетельствованного письменными памятниками периода изменялся сравнительно мало. Незначительные изменения проявляются в употреблении отдельных местоименных форм и некоторых союзов:

Наблюдения над характером языка хеттской письменности (языковое единообразие текстов, развитие сложноподчиненного предложения, изобилие существительных с отвлеченным значением, образованных по живым, продуктивным типам) позволяют предположить, что это был выработанный письменный язык, имевший уже длительную традицию своего развития. В то же время во многих текстах ясно выступает непосредственная передача живой разговорной речи. Так, например, один из интереснейших исторических документов — „Автобиография Хаттушиля III“ — изобилует разговорными оборотами (особенно при передаче косвенной речи).

Хеттский письменный язык был распространен не только на территории страны Хатти; им пользовались также в некоторых других областях хеттского государства. Об этом можно судить по составленному на хеттском языке письму правителя лувийской страны Арзава к египетскому фараону. Характерна также заключенная в письме просьба прислать ответ „по-несийски“ (pešunnilī), т. е. по-хеттски.

Однако, как констатирует Ф. Зоммер, точное географическое определение территории, на которой хеттский язык употреблялся как разговорный, пока невозможно¹.

Итак, материалы богазкёйского архива открыли широкие возможности для изучения истории хеттского царства, его общественного строя, культуры, письменности. Для языковедения многочисленные и разнообразные по содержанию хеттские тексты представляют исключительный интерес. Они позволяют не только детально изучить один из языков древнего мира, но открывают

¹ F. Sommer, *Hetiter und Hethitisch*, Stuttgart, 1947, стр. 31.

совершенно новые перспективы для сравнительно-исторического изучения группы (семьи) индоевропейских языков, к которой принадлежал и хеттский (несийский) язык, засвидетельствованный памятниками II тысячелетия до н. э.

4. СООТНОШЕНИЕ ХЕТТСКОГО (НЕСИЙСКОГО) ЯЗЫКА С ДРУГИМИ ИНДОЕВРОПЕЙСКИМИ ЯЗЫКАМИ

Принадлежность хеттского (несийского) языка к индоевропейской лингвистической группе особенно ярко выявляется при анализе форм глагольного и именного словоизменения и словообразования.

Сопоставим парадигму спряжения настоящего времени действительного залога хеттских глаголов на -ni с формами спряжения настоящего времени глаголов в древнеиндийском, греческом, старославянском, латинском и готском языках.

	Хетт.	Др. - инд.	Греч.
Ед. ч.	1. iḫami „делаю, совершаю“	bhārāmi	„несу“ φέρω „несу“
	2. iḫaši	bhārasi	φέρεις
	3. iḫaz(z)i (ср. лув. anniti „выполняет“)	bhārati	φέρει
Мн. ч.	1. iḫaḫeni	bhārāmas(i)	φέρομεν (дор. φέρομες)
	2. iḫatteni	bhāratha	φέρετε
	3. iḫanzi (ср. лув. maššanti „одевают“)	bhāranti	φέρουσι (дор. φέρουσι)
	Ст.-слав.	Лат.	Гот.
Ед. ч.	1. берѣ „беру“	agō „двигаю, действую“	baira „несу“
	2. берешн	agis	bairis
	3. берѣть (др.-русск. береть)	agit	bairiþ
Мн. ч.	1. беремъ	agimus	bairam (ср. др.-в.-нем. berames)
	2. берете	agitis	bairiþ
	3. берѣть (др.-русск. берутъ)	agunt	bairand

Не представляет никакого труда отождествить хеттское окончание 1-го лица ед. ч. *-mī* с соответствующим древнеиндийским *-mī*, а также с окончаниями 1-го лица ед. ч. наст. вр. от глаголов на *-mī* в других индоевропейских языках (ср. греч. *δίδωμι*, ст.-слав. *дѣмь* и др.). Хеттское окончание 2-го лица ед. ч. *-šī* исходит себе полное соответствие во всех вышеприведенных парадигмах. Окончания 3-го лица ед. и мн. ч. *-zī* и *-pzi* восходят, так же как и аналогичные окончания в других индоевропейских языках, к общим исходным формам *-ti* и *-nti*. Под влиянием последующего *i* хетт. *t* перешло в аффрикат *z*. Сложнее обстоит дело с объяснением окончания 1-го лица мн. ч. Наряду с окончанием *-cepi* (собственно *-cep-*, так как *-i* является ооцим для всех окончаний настоящего времени формантом, в отличие от окончаний прошедшего времени) в хеттском языке выступает также (в тех случаях, когда глагольная основа оканчивается гласным *-u*) окончание *-menī* (*-men-*), например *agnimēni* „приносим“. Хеттские формы с окончанием *-menī* легко сопоставляются с греческими формами 1-го лица мн. ч. с окончанием *-μεν* (ср. *φέρομεν*). Как полагает Мейс, элемент *-n*, характерный для греческой и хеттской форм, имеет „неорганический“ характер¹. Относительно форм *-cepi* некоторые исследователи предполагают, что она восходит к окончанию 1-го лица исчезнувшего двойственного числа (ср. др.-инд. первичное окончание *-vas*, вторичное *-va*)². Некоторые объясняют происхождение начального *-w-* (*-cepi*) влиянием формы личного местоимения 1-го лица мн. ч. хетт. *ceš* „мы“ (ср. гот. *weis* и др.)³. Сторонники особой „доиндоевропейской“ древности хеттских языковых фактов считают, что в хеттском языке сохранилось первичное фонетическое чередование форм *-we-* и *-me-*, которые в других индоевропейских языках закрепились, одна за двойственным, другая за множественным числом⁴. Более вероятным нам представляются первое и второе из предлагаемых объяснений. Хеттское окончание 2-го лица мн. ч. *-tenī* объясняется в сопоставлении с соответствующим окончанием в других индоевропейских языках, включающим элемент *-te* (в др.-инд. *-tha*), а также по аналогии с оформлением 1-го лица мн. ч.

Хеттские окончания прошедшего времени действительного залога находят себе объяснение в сравнении с соответствующими

¹ А. Мейс, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М., 1938, стр. 243.

² Н. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1933, стр. 88—89.

³ F. Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 50.

⁴ E. Sturtevant and A. Hahn, A Comparative Grammar of the Hittite Language, New Haven, 1951, стр. 140.

щими им так называемыми „вторичными“ глагольными окончаниями в других индоевропейских языках. Хеттское окончание 1-го лица ед. ч. прош. вр. -up (errip „я схватил“) восходит к древнему общеиндоевропейскому *-m/*-n, ср. др.-инд. ābharān, греч. ἐῴρησεν „я нес“. Формы 2-го лица ед. ч. прош. вр. частично сохраняют древнее окончание *-s, например ḫatṛaēš „ты написал“; однако в большинстве случаев они уподобились формам 3-го лица и получили характерное для них окончание -t (= *-t), например ijat „он сделал“ и „ты сделал“, tet „он положил“ и „ты положил“. Вообще, в развитии морфологической структуры хеттского глагола случаи смешения, контаминации и аналогического выравнивания форм играли, несомненно, очень большую роль. Окончание 3-го лица мн. ч. прош. вр. -ir (-er) в хеттском языке без труда объясняется при сравнении с 3-м лицом мн. ч. перфекта в ряде индоевропейских языков (ср. хетт. ešir, ešer „они были“, др.-инд. āsur (āsuḥ) „они были“, лат. fecere „они сделали“, тохар. weñäre „они сказали“ и т. д.).

В образовании форм хеттского медиопассива особое внимание обращает на себя формант -r, который, кроме хеттского языка, был характерен также для италийских, кельтских, тохарского и фригийского языков; ср. хетт. 3-е лицо ед. ч. kittari „лежит“ (греч. κείται), лат. sequitur, др.-ирл. sechithir „следует“, тохар. B. kaltr „останавливается“, фриг. ἀδδαχστωρ „делается“; 3-е лицо мн. ч. хетт. kijantari „лежат“, лат. sequuntur „следуют“. Глагольные образования на -r, несомненно, относятся к числу очень архаичных элементов индоевропейской морфологической структуры.

Для большинства хеттских личных окончаний повелительного наклонения глаголов существуют очень близкие соответствия в других языках индоевропейской группы. Так, например, во 2-м лице ед. ч. в хеттском, как и в других индоевропейских языках, выступает чистая основа; ср. (от тематических глаголов) хетт. ija „сделай“, др.-инд. bhāra, греч. φέρω, арм. ber, гот. baig, др.-ирл. ber „неси“, лат. age „веди“, а также атематические образования — хетт. eš „будь“, лат. es, лат. ī „иди“ и др.

Кроме того, встречаются формы 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения с окончанием -t: arnut „принеси“, it (i-it) „иди“. Это окончание, несомненно, восходит к древней индоевропейской энклитической частице *-dhi; ср. др.-инд. ihī (из *i-dhī), греч. εἶμι „иди“. Хеттская форма 3-го лица ед. ч. повелительного наклонения с окончанием -du (-tu) ešdu „пусть будет“ находит соответствие в лат. estō(d) „пусть будет“ (-tō из др.-лат. -tōd), греч. φέρτω, др.-инд. bhāratāt „пусть несет“; ср. также формы 3-го лица мн. ч. хетт. ašandu, лат. suntō(d) „пусть будут“, лат. leguntō „пусть читают“ и др.

Из проведенного краткого анализа основных элементов хеттской глагольной флексии ясно видно, что элементы эти восходят к общей для хеттского с другими индоевропейскими языками исходной морфологической структуре.

Именные формы глагола в хеттском языке также хорошо разъясняются на основе исторического сравнения с фактами других языков индоевропейской группы. Хеттский язык обладал единственной формой причастия, которая образовалась с помощью суффикса *-ant*: *arpanant* „схваченный“, *ḫiṣṣant* „живущий“ (им. п. ед. ч. *arpanza*, *ḫiṣṣanza*, вин. п. ед. ч. *arpanantān*, *ḫiṣṣandān* и т. д.). В других индоевропейских языках хеттским причастным образованиям соответствуют причастия действительного залога настоящего времени с суффиксом **-ent-* (**-ont-*, **-it-*); ср. др.-инд. им. п. ед. ч. *bhāraṇ* „несущий“, им. п. мн. ч. *bhāraṇtaḥ*, греч. *φέρων*, *φέρουτες*, лат. *uehens* „везущий“, род. п. ед. ч. *uehentis*, ст.-слав. *вѣзъ*, им. п. мн. ч. *вѣзъшѣ* и т. д. Обращает на себя внимание некоторое своеобразие значения хеттской причастной формы. В то время как в прочих индоевропейских языках причастные формы этого типа всегда имеют активное значение, значение хеттской причастной формы активно только при непереходных глаголах; причастия от переходных глаголов имеют страдательное значение (ср. *aṣanza* „суший“, но *kunanza* „убитый“, *adanza* „съеденный“).

Возможность двоякого развития исходно общей индоевропейской причастной формы, по всей вероятности, была обусловлена первичной залоговой нейтральностью этой формы. Признак, выраженный в корне глагола, передавался просто как присущий некоему предмету. С развитием залоговых отношений, при непосредственном включении отглагольных прилагательных в систему глагольных категорий, причастия получили залоговую характеристику, которой они прежде не имели. Своеобразие значения хеттских причастий не только не противоречит возведению их к индоевропейской причастной форме с суффиксом **-ent-*/**-ont-*, но дает дополнительный и очень ценный материал для изучения исторического развития глагольных категорий в индоевропейских языках.

Отглагольные именные образования, выступающие в хеттском языке в роли инфинитивов, также имеют соответствия в других языках индоевропейской группы¹.

В образовании глагольных основ хеттский язык очень четко обнаруживает основные типы, унаследованные от общей с другими индоевропейскими языками исходной структуры. Так, например, итеративные глаголы образуются в хеттском с

¹ F. Benveniste, *Origines de la formation des noms en Indo-Européen*, I. Paris. 1935.

помощью суффикса *-ske-*, хорошо известного в сравнительной грамматике индоевропейских языков; ср. хетт. *uškizzi* „смотрит, посматривает“, *akkuškizzi* „пьет, попивает“, *arpiškizzi* „схватывает (многократно)“, *ḫatreškizzi* „пишет (многократно)“ и т. д. с др.-инд. *icshati* „желает, стремится“, ст.-слав. *искѣ* „ищу“, инфин. *искати*, лит. *ieško* „ищу“, др.-в.-нем. *eiscōn* „спрашивать“, др.-инд. *gācchati* „идет“, греч. *ἴδω* „иду“, др.-инд. *ṛṣcchati* „спрашивает“, лат. *poscō* (из **porcscō*) „требую“, др.-в.-нем. *forscōn* „искать“ и т. д. Ср. также образованные от общего корня хетт. *memiškini* „говорю“ и греч. *μνησθῆμαι* „вспоминаю“.

Весьма характерно для хеттского языка образование глагольных основ с назальным инфиксом, также представляющее один из распространенных в индоевропейских языках структурных типов. От *ḫark-* „гибнуть“ образуется производная глагольная основа *ḫarpenk-* „губить, уничтожать“; ср. образования основ настоящего времени с назальным инфиксом др.-инд. *ṛipākti* „оставляет“, 3-е лицо мн. ч. *ṛipcānti* (от корня **leik-*), лат. *linquō* „оставляю“ и т. д. Характерной чертой хеттских образований этого типа является значение каузативности. Оно присуще также очень распространенным в хеттском глагольным образованиям с суффиксом *-pu-*; ср. производную от приведенного выше *ḫark-* „гибнуть“ вторую каузативную основу *ḫarganu-* „губить“, а также основы *arpu-* „доставлять“ (от *ar-* „достигать, прибывать“), *caḡpu-* „зажигать“ (от *caḡ-* „гореть“) и др. Эти образования, заключающие в себе индоевропейский инфикс **-neu-*, также находят широкий круг соответствий за пределами хеттского языка; ср. такие образования, как др.-инд. *ṛipōti* „привожу в движение“, греч. *ῥωμῖ* „двигаю“ (соответствует хетт. *arpuṣi* „доставляю, двигаю“) и др. Образованному от именной основы *teru-* „малый“ хетт. *terpuzi* „умалывает, унижает“ этимологически и структурно соответствует древнеиндийский глагол *dabhpōti* „повреждает“ (ср. *á-dbhutas* „чудесный“, собственно „недоступный повреждению, умалению“).

Анализ всей системы глагольного основообразования показывает тесную генетическую связь хеттского с языками индоевропейской группы.

Именная флексия также дает убедительную картину соответствия хеттских падежных форм формам прочих индоевропейских языков. Хеттский язык имел в единственном числе „общего“ класса имен то же окончание *-s*, которое сохранилось в древних индоиранских языках, италийских, балтийских, греческом, готском; ср. хетт. *attaš* „отец“, *annaš* „мать“, *išḫaš* „хозяин“, **neçaš* „новый“, *ḫalkiš* „зерно“, *šalliš* „большой“, *aššuš* „хороший, добрый“, *idaluš* „этой“ — др.-инд. *vṛkaḥ* (*vṛkas*), лат. *lupus*, лит. *vilkas*, греч. *λύκος*, гот. *wulfis* „волк“, авест. *ažiš*,

греч. ὄφρις „змея“, лат. ouis, лит. avis „овна“, гот. gasts „гость“, авест. bāzuš, греч. πῆχυς „локоть“, лит. sunūs, гот. sunus „сын“, греч. υἱός (из *υἱερός), лат. pouus, др.-инд. pavah (návas) и т. д.

В винительном падеже единственного числа хеттский язык имеет окончание -n, также восходящее к общеиндоевр. *-m/-n-; ср. хетт. attan, ḫalkin, aššun с др.-инд. vṛkam, лат. lupum, греч. λύκον, авест. ažiṃ, греч. ὄφις и др. Хеттской форме родительного падежа единственного числа с окончанием -aš соответствуют аналогичные формы в других языках; ср. хетт. ḫalkijaš, греч. ион. ὄφιός и т. д.

Некоторые хеттские падежные образования кажутся менее прозрачными; однако все они получают достаточно убедительное объяснение на основе материалов сравнительной грамматики индоевропейских языков.

Даже наиболее бросающаяся в глаза своим своеобразием форма хеттского творительного падежа с окончанием -it, -et (пейит „новым“) разъясняется путем сопоставления с архаичными формами индоевропейского аблатива¹.

Одной из характерных черт морфологической структуры древних индоевропейских языков является деление имен по группам основ в зависимости от особых основообразующих формантов. Эту черту разделяет и хеттский язык, в котором, так же как и в других индоевропейских языках, морфологический анализ выделяет древние группы основ с суффиксами -o- (= хетт. -a-), -i-, -u-, -n-, -nt-, -r-, -p- и др.

Своеобразие хеттского языка состоит в отсутствии типа основ с суффиксом -ā- (так называемое 1-е склонение в греческом и латинском языках), а также в необычной для исторически известных индоевропейских языков роли, которую в нем играют основы среднего рода с чередующимися по падежам суффиксами -r/-p-. Этот архаичный тип именных основ (так называемые „гетероклитические основы“) пережиточно сохранялся еще в древних индоиранских языках, в латинском (всего три слова), а также, при несколько большем количестве относившихся к нему слов, в древнегреческом; ср. др.-инд. им. п. ед. ч. yákr̥t, род. п. yaknáḥ, греч. ἥπαρ, ἥπατος (из *ἥπατος); лат. jecur, *jecinīs „печень“ (ср. лат. femur, feminīs „бедро“). Хеттскому uatar, uetenaš „вода“ соответствует греч. ὕδωρ, ἕδατος (из *ἕδατος) „вода“, а также изолированные древнеиндийские (ведийские) формы род. п. udnáḥ, местн. п. udán (с тем же значением).

¹ H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, København, 1938, стр. 22.

Но в то время как в древнеиндоиранских, латинском и греческом языках основы на -г, -п- выступали как исчезающий, явно архаичный тип, в структуре хеттского словообразования основы эти отличались чрезвычайной продуктивностью. Помимо таких древних образований, как *caṭar* „вода“, *paḥḫur* „огонь“ (ср. греч. *τῆρ*), *eṣḫar* „кровь“ (ср. греч. *ἔζρ*, др.-инд. *asrok*) и др., в хеттском языке широчайшее распространение получили существительные с абстрактным значением, легко производившиеся от глагольных основ, а также от основ качественных прилагательных, с помощью суффиксов -*tar/-nn-* (из -*tn-*), -*ešsar/-ešn-*, например: *šullatar*, *šullannaš* „спор, ссора“ (от *šullai-* „спорить“), *ḫannešsar*, *ḫannešpaš* „суд“ (от *ḫanna-* „судить, судиться“), *ašešsar* „заседание“ (от *eš-* „сидеть“), *palḫešsar* „широта“ (от *palḫi-* „широкий“) и др. Сюда же следует отнести и образование инфинитивов на -*caṭ*.

Образование местоименных основ и их флексия также подтверждают принадлежность хеттского языка к индоевропейской лингвистической группе.

Итак, мы видим, что в морфологической структуре хеттского языка получили развитие основные элементы исходно общей для всех индоевропейских языков древней морфологической структуры. Сравнительно-исторический анализ позволяет выявить соответствия хеттских форм словоизменения и словообразования формам генетически родственных хеттскому индоиранских, славянских, балтийских, италийских, кельтских, греческого, германских и других языков индоевропейской группы.

Однако не все еще элементы хеттской грамматики получили надлежащее сравнительно-историческое объяснение. Некоторые существенные вопросы до сих пор еще продолжают оставаться неясными, являются предметом разного рода гипотез и нуждаются в углубленном исследовании. Следует заметить, что эти вопросы представляют существенную важность не только в пределах исторической грамматики самого хеттского языка; они важны также для изучения древнейших этапов развития грамматического строя всей индоевропейской лингвистической группы в целом. В настоящее время разработка целого ряда проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков невозможна без всестороннего учета хеттских материалов.

Назовем некоторые из спорных и до сих пор еще неясных вопросов исторической морфологии хеттского языка.

Наиболее трудным является вопрос о происхождении хеттского спряжения на -*ḫi* и о его связях с глагольными категориями других индоевропейских языков. Спряжение это, отличаясь от спряжения на -*ni* только личными окончаниями единственного числа (ср. 1. *erpi* „хватая“, 2. *erši*, 3. *erpi*, но 1. *daḫḫi* „беру“ 2. *datti*, 3. *dai*), не обнаруживает какого-либо своеобразия в

семантике относящихся к нему глаголов. Оба спряжения выступают в структуре хеттского языка как два равноправных и часто смешивающихся между собой морфологических типа. Производные глаголы спрягаются обычно по типу *-ni*.

В лингвистической литературе загадочные формы хеттского спряжения на *-hi* чаще всего связываются с архаичными образованиями индоевропейского перфекта. Некоторые языковеды выдвигают и другую, как нам кажется, более вероятную, гипотезу, сопоставляя (с опорой на так называемую „ларингальную теорию“) хеттские формы на *-hi* с характерным для ряда индоевропейских языков древним типом спряжения на *-ō* (греч. $\varphi\acute{\epsilon}\rho\omega$ и др.). Вопрос этот, имеющий коренное значение для дальнейшего изучения древнейшей истории глагольных форм в индоевропейских языках, далеко еще не разрешен и нуждается в углубленной разработке.

Соотношение системы форм хеттского глагола с древней индоевропейской системой видов-временных категорий (презенс, аорист, перфект) представляет чрезвычайно сложную проблему. Хеттский язык, располагавший всего двумя простыми временами (настоящее и прошедшее), по всей вероятности, утратил первоначальные различия между имперфектом, аористом и перфектом (ср. аналогичное развитие глагольных категорий в древнегерманских языках), сохранив утерявшие свое первоначальное значение отдельные аористные и перфектные формы в составе трансформированной категории прошедшего времени. Так, например, остатки сигматического аориста сохранились в формах 3-го лица ед. ч. с окончанием *-š* в прошедшем времени глаголов на *-hi* (*dāš* „взял“, *raiš* „дал“, *daiš* „поставил, поместил“, *ak(k)iš* „умер“ и др.).

В 3-м лице мн. ч. *-ir (-er)* в обоих спряжениях сохранилось древнее перфектное окончание и т. д.

В целом, вопрос о том — какими путями в хеттском, как и в других родственных языках, происходило разветвление основных элементов унаследованной от древности общеиндоевропейской системы глагольных категорий, какие элементы в этом процессе утрачивались, какие переосмыслились и видоизменялись, — подлежит глубокому и всестороннему исследованию.

В изучении подобного рода вопросов необходимо считаться не только с тем, что хеттский язык утратил (как это показывает сравнительно-исторический анализ его морфологической структуры) некоторые из древних индоевропейских грамматических категорий, сохраненных другими языками, но также и с тем, что в ряде случаев именно хеттский язык обнаруживает более архаичное состояние. Так обстоит дело с вопросом о грамматическом роде, в связи с которым в лингвистической литературе обнаруживается резкое расхождение точек зрения.

В хеттском языке существуют всего два грамматических рода: „общий“, морфологически соответствующий нерасчлененной категории мужского и женского рода в других индоевропейских языках, и „средний“. Такое положение вполне соответствует той исторической картине развития категории грамматического рода, которая давно уже убедительно реконструировалась на основе данных греческого и латинского языков¹. Сравнительно-исторический анализ категории рода в этих языках обнаруживает первоначальное отсутствие формальной дифференциации категорий мужского и женского рода. Об этом свидетельствует склонение основ на -o-, -ā-, -i-, -u- и согласные звуки. Об этом же говорят прилагательные двух окончаний (лат. *gravis, grave* „тяжелый, -ое“), которые, оформляя различие категорий одушевленности и неодушевленности, не выражают различий между мужским и женским родом. Ср. также вопросительные местоимения в большинстве индоевропейских языков: лат. *quis — quid*, русск. кто — что, нем. *weg — was* и т. д.

Материалы хеттского языка блестяще подтвердили предположение о том, что деление на категории мужского и женского рода развилось в индоевропейских языках сравнительно поздно и ему предшествовало двучленное деление лексики на „общий“ и „средний“ род.

Однако некоторые языковеды полагают, что хеттский язык, утратив в процессе своего развития целый ряд древних общеиндоевропейских морфологических категорий, утерял также и существовавшую в нем некогда категорию женского рода. Такой точки зрения придерживается и И. Фридрих, автор публикуемой „Грамматики“². Нам эта точка зрения представляется необоснованной и противоречащей фактам не только хеттского, но и других индоевропейских языков.

Структура предложения в хеттском языке не обнаруживает каких-либо существенных отклонений от общеиндоевропейского типа. Употребление падежных форм в основном представляет обычную для древних индоевропейских языков картину. Некоторое своеобразие хеттских предложений создается лишь очень широким употреблением энклитик (энклитических местоимений, частиц, союзов), нагромождение которых нередко создает нечто напоминающее полисинтетические комплексы³. Вряд ли здесь

¹ A. Meillet, *Essai de chronologie des langues indo-européennes*, „Bull. de la Soc. Ling. de Paris“, т. 32, 1931.

² См. стр. 57.

³ Например, *tákku attaş annaša mimmai nanšikan tuhšanta* „если отец (и) мать откажутся (заплатить), то (и) ее (-an) у него (-ši) отберут“ (Судебник, II, 9—10). Сочетание *nanšikan* состоит из союза *ni*, энклитических местоимений *-an* и *-ši* и частицы *-kan*.

можно говорить о чем-либо ином, кроме как о специфическом для хеттского типа развертывания основных элементов унаследованной от древности грамматической структуры. Однако предположение о том, что в характерной для хеттского языка суффиксации: энклитических (местоименных и прочих) частиц могло найти отражение влияние индоевропейского малоазийского (может быть, „протохаттского“) субстрата, конечно, не исключается.

Словарный состав хеттского языка содержит много элементов, этимология которых до сих пор остается загадочной. Тем не менее в настоящее время уже не может вызывать сомнений тот факт, что основной словарный фонд этого языка включал значительное количество индоевропейских по своему происхождению корней. Назовем некоторые из них.

Глагольные основы: хетт. ed- „есть“ (1-е лицо ед. ч. etmi, 3-е лицо мн. ч. adanzi), ср. лат. edō, греч. *ἔδομαι*, русск. ем (ст.-слав. ѣмь), лит. *ėdmi*, гот. *ita*, др.-инд. *admi* и т. д.; ep- „схватывать“ (1-е лицо ед. ч. epmi, 3-е лицо ед. ч. epzi, 3-е лицо мн. ч. arpanzi), ср. др.-инд. *arpati* „достигает“, лат. *arīscor*, *aptus*; eš- „быть“ (1-е лицо ед. ч. ešmi, 3-е лицо ед. ч. ešzi, 3-е лицо мн. ч. a:anzi), ср. др.-инд. *āsmi*, *asti*, греч. *εἶμι*, *ἔστί*, русск. есмь, есть, гот. *im*, *ist* и т. д.; da(i)- „ставить, класть“ (1-е лицо ед. ч. teḫḫi, 3-е лицо ед. ч. dai, 3-е лицо мн. ч. tijanzi), ср. др.-инд. *dha-* (*dādhāmi*), греч. *ἔτι-* (*τίθημι*) и т. д.; šipand- „совершать возлияние, жертвовать“ (3-е лицо ед. ч. sip(p)anti), ср. греч. *ἐπιθύω*; цаš- „одеваться“ (3-е лицо мн. ч. wašanzi), ср. др.-инд. *vaste* „одевается“, лат. *uestis* „одежда“ и т. д.; peja- „вести, посылать“ (3-е лицо мн. ч. pejanzi „ведут“), ср. др.-инд. *payati* „ведет“; taia- „украсть“ (3-е лицо ед. ч. taizzi), ср. ст.-слав. *оу-гати*, русск. утаить, др.-инд. (s)tauyas „вор“; kcen-, kun- „ударить, убить“ (1-е лицо ед. ч. kceḫmi, 3-е лицо ед. ч. kceḫzi, 3-е лицо мн. ч. kupanzi), ср. др.-инд. 1-е лицо ед. ч. *hanmi*, 3-е лицо ед. ч. *hanti*, 3-е лицо мн. ч. *gṇanti*, греч. *ἔτιω* „ударяю“ и т. д.; цек- „желать, требовать“ (3-е лицо ед. ч. цекzi), ср. др.-инд. *caṣi* „желает“, греч. *ἔχω* (из **εχω*) „добровольный“; apu- „двигать, доставлять“ (1-е лицо ед. ч. arnum(in)i, 3-е лицо ед. ч. агал(и)i), ср. др.-инд. *gromi* „двигаю, доставляю“, греч. *ἔωμι* „поощаю, побуждаю“; arš- „течь“ (3-е лицо ед. ч. араšzi), ср. др.-инд. *aršati* „течет“; lip(p) „мазать“ (3-е лицо ед. ч. lip(p)an 3). ср. др.-инд. *liprati* „мажет“, греч. *λίπος* „жир“, русск. липкий; luk- „загораться, зажигать, рассветать“ (3-е лицо ед. ч. luk(k)zi), ср. др.-инд. *rocate* „светит“, лат. *lucēb*, греч. *λαμπός* „белый, светлый“; damaš- „притеснять, угнетать“ (3-е лицо ед. ч. damašzi), ср. др.-инд. *damaṣati*, греч. *δάμνμι*, *δάμνω*, лат. *domō* „укрошать, оуздывать“; šeš- „спать“ (3-е лицо ед. ч. šešzi), ср. др.-инд. *asti* „спит“ и др.

Имена существительные: хетт. *qatar*, *qetenaš* „вода“, ср. греч. *ὕδωρ*, русск. вода, др.-сакс. *watar*, нем. *Wasser*, др.-инд. *udakām*, *udnāh* и т. д.; *paḥḥur* „огонь“, ср. греч. *πῦρ*, got. *fon*, *funins*, др.-в.-нем. *fuir*; *ešar* „кровь“, ср. греч. *εἶς*, др.-инд. *aśik*, лат. **as(s)er* (засвид. *assyr*), латыш. *asins*, арм. *aṛwn*; *genu* „колени“, ср. лат. *genu*, греч. *γόνυ*, др.-инд. *janu*, got. *kniu*, арм. *cunr*; *kard* „сердце“ (род. п. *kardijas*), ср. лат. *cor*, *cordis*, греч. *καρδιά*, *καρ*, русск. сердце, лит. *sirdis*, арм. *sirt*, got. *hairto*, др.-ирл. *críde*; *kut(tar)* „шея, сила“, ср. лат. *guttur* „горло“; *nepis* „небо“, ср. русск. небо, др.-инд. *nābhas*, греч. *νέφος* „облако“, лат. *nebula* „туман“; *pedan* „место“, ср. греч. *πέδιον* „почва, равнина“, др.-ирл. *ed* „пространство“; *ḥaras* „орел“, ср. русск. орел, лит. *eḡelis*, др.-в.-нем. *ago*, греч. *ὄρεξ*; „птица“; *ḥaštai* „кость“, ср. др.-инд. *ašti*, греч. *ὀστέον*, лат. *os*, русск. кость (с префиксом к-), арм. *oskr*; *ḥukan* „ярмо“, ср. др.-инд. *yugam*, лат. *iugum*, греч. *ζυγόν*, русск. иго, got. *juk*, *gem-*, *gimmand-* „зима“ (им. п. ед. ч. *gimmanza*), ср. др.-инд. *hima*, *hemaṅta-*, греч. *χειμῶν*, лат. *hiems*, русск. зима, лит. *žēma*, алб. *dimër*; *milit* „мед“, ср. греч. *μέλι* (основа *μέλιτ-*), лат. *mel*, got. *milpr*; *išḥas* „хозяин“, ср. лат. *erus* и др.

Прилагательные: хетт. *mekis* „большой“, ср. греч. *μέγας*, got. *mikils*, лат. *magnus*; *ḥarkiš* „белый“, ср. греч. *ἀγίος* „белый, блестящий“, др.-инд. *arjuna* „белый“, лат. *argentum* „серебро“; *palḥis* „широкий“, ср. лат. *planus* „плоский, ровный“; им. п. мн. ч. *dalugaes* „долгие“, *dalugašti* „длина, долгота“, ср. ст.-слав. *длъгъ*, русск. *долгий*, др.-инд. *dīrghas*, греч. *ἰσχυρός*; *danḥis* „темный, черный“, ср. греч. *δύσφορος* „мрак“, нем. *dunkel* „темный“; *aššus* „хороший, добрый“, ср. греч. *εὖς* „хороший, доблестный“, др.-инд. *su-* „хороший“; *neca-* „новый“, ср. ст.-слав. *новъ*, лат. *novus*, греч. *νέος*, и др.

Служебные слова: хетт. *anda* „внутри“, ср. арх. лат. *endo*; *ḥanti* „перед“, ср. лат. *ante*, греч. *ἄντι*; *appa* „обратно“, ср. греч. *ἄπο* „от“ и т. д.

Из числительных известны: *tri-* „три“, *šipta* „семь“ (дат. п. *šiptamija* „седьмому“, ср. др.-инд. *saptamas*, лат. *septimus*), индоевропейское происхождение которых несомненно.

В процессе исследования словарный состав хеттского языка все более и более проясняется. К сожалению, вследствие постоянного употребления в хеттской клинописи шумерских идеограмм и отдельных аккадских слов и словосочетаний целый ряд важных элементов хеттской лексики остается до сих пор неизвестным (например, такие слова, как сын, дочь, брат, бык и т. д.).

Многие хеттские слова не имеют себе соответствий в других индоевропейских языках, в том числе слова, несомненно принадлежавшие к основному словарному фонду, например: *ḥalza-* „звать, кричать“, *ḥanna-* „судить“, *zaḥ(h)-* „сражаться“, *zankila-* „наказывать“, *ḥe(l)u-* „дождь“, *ištaman(a)-* „ухо“ (*ištamaš-* „слышать“),

gimra- „открытое поле“, hallu- „низкий“, dannatta- „пустой, опустошенный“ и др.

В то же время лишь немногие из хеттских слов удается сопоставить с наличными (довольно скудными) материалами „протохеттского“ и хурритского языков¹. В исследовании довольно многочисленных неиндоевропейских элементов хеттской лексики большое значение может иметь сравнение с лексикой кавказских языков, генетически связанных с древними неиндоевропейскими языками Передней Азии.

Сравнительно-историческое изучение фонетики хеттского языка наряду с установлением ряда совершенно ясных соответствий (например, и.-е. *w = хетт. w, и.-е. *p = хетт. p, и.-е. *r = хетт. r и т. д.) сталкивается с некоторыми очень сложными проблемами. Одной из них является вопрос об индоевропейских звонких (включая звонкие придыхательные) и глухих взрывных, которые в хеттской клинописи попеременно обозначаются то с помощью t, p, k, то с помощью d, b, g. В этой связи мы встречаемся с различными мнениями. Одни исследователи усматривают в хеттском языке явление перебора (передвижения) звонких в глухие, вызванное влиянием малоазийского субстрата; другие пытаются обнаружить определенную „систему“ в хеттской орфографии, в частности предлагая считать удвоенный знак (kk, gg, tt, dd и т. д.) обозначением глухого, более сильного звука, а отсутствие удвоения — признаком звонкого, во всяком случае более слабого звука. Хотя это объяснение имеет свои несомненные основания, оно, однако, не решает вопроса, так как охватывает только положение звуков внутри слова и ничего не говорит о звуках в начальном положении.

Наиболее трудную и теоретически важную для сравнительной грамматики индоевропейских языков проблему составляет наличие в хеттском языке особого звука h, повидимому, ларингального, соответствия которому в других индоевропейских языках представляют очень своеобразную и сложную систему. Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на изложении так называемой „ларингальной теории“, ведущей свое начало от концепции индоевропейского вокализма, выдвинутой Соссюром еще в 1879 г.²

Анализируя состав и соотношение гласных в древних индоевропейских языках, Соссюр установил наличие наряду с чередующимися между собой основными гласными e/o дополнительных вокалических элементов, условно обозначенных им как A и O.

¹ Sommer, Hethiter und Hethitisch, Stuttgart, 1947, стр. 92—96.

² F. Saussure, Mémoires sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes, 1879.

Он отвел им место среди так называемых „сонантических коэффициентов“ (i, u, ɣ, l, ŋ, m), различные сочетания которых с основными гласными (e и o), в зависимости от места и степени ударения, создали некогда все разнообразие древнего индоевропейского вокализма. Таким образом, была теоретически намечена возможность происхождения некоторых гласных (в частности, долгих ā, ē, ō и др.) из сочетаний с неизвестными звуковыми единицами типа сонантов. Таинственное „индоевропейское шва“ (ə) уже с конца XIX в. заняло определенное место в сравнительно-грамматических реконструкциях в области вокализма, но первоначальный фонетический характер его оставался неясным.

Открытие хеттских языковых материалов и обнаружение звука ħ (ларингального) в целом ряде этимологически ясных слов сыграло роль недостававшего звена в изучении и попытках реконструкции древнейшей индоевропейской фонетической системы. Такие соответствия, как хетт. ḫanti „перед“, лат. ante, греч. ἀντί; хетт. ḫaštai „кость“, др.-инд. aśhi, греч. ὀστέον; хетт. eḫar „кровь“, др.-инд. aśk, греч. ἄσξ; хетт. paḫiš „широкий“, лат. planus; хетт. maḫlaš „виноградная лоза“, лат. malum, греч. μήλον „яблоко“; хетт. laḫci „лет“, лат. lavō, греч. λούω „мою“ и многие другие, стали оправданным моментом для целой серии исследований в области древнейшего вокализма и древнейшей структуры индоевропейских основ. В настоящее время „ларингальная теория“ со всеми выводами в области не только фонетики, но и морфологии, которые на ней строятся, составляет одну из центральных проблем сравнительной грамматики индоевропейских языков. Правда, в выдвигаемых построениях еще очень много спорного, недоказанного, многообразие конкретных фактов с трудом укладывается в предлагаемые схемы, материалы отдельных индоевропейских языков часто недостаточно учитываются, сам хеттский язык со своими исторически засвидетельствованными ларингальными звуками оставляет еще очень много нерешенных загадок, — тем не менее открытие хеттских языковых фактов уже позволило значительно углубить исследование вопросов исторической морфологии и фонетики индоевропейских языков.

Что касается системы гласных звуков собственно хеттского языка и ее исторического соотношения с вокализмами родственных языков, то здесь также остается еще много неясных вопросов, освещение которых возможно лишь в процессе дальнейшего углубления сравнительно-исторических исследований.

Все изложенное говорит о том, какое место заняло изучение хеттских материалов в разработке вопросов сравнительной грамматики индоевропейских языков. В связи с этим естественно возникает проблема ближайших генетических связей хеттского языка в пределах обширной группы родственных языков.

Вопрос этот глубоко еще не исследовался. Поэтому можно остановиться лишь на некоторых наблюдениях предварительного порядка. Весьма вероятным является наличие у хеттского языка особых связей с итальянскими языками. Об этом свидетельствуют сходное образование медиопассива с помощью форманта -r, очень яркие и показательные соответствия в области местоименных образований (ср. хетт. *kūš* „кто“, *kūit* „что“ и лат. *quis, quid*; также хетт. *kūiški, kūitki* и лат. *quisquis, quidquid*), а также некоторые факты из области лексики.

Несомненны связи хеттского со славянскими языками, особенно ярко обнаруживающиеся в таком важном структурном моменте, как словообразование. В хеттском, так же как и в славянских языках, преимущественное распространение имеет суффикс имен деятеля -*tel-*, в то время как для других индоевропейских языков продуктивным являлся только вариант -*ter-*. Хотя в хеттском языке и встречаются имена с суффиксом -*ter-* (например, *akut-taraš* „пьющий“), но преобладающими являются образования с -*tel-* (-*tallas*), например *manijaḥḥatallaš* „правитель“ (от глагола *manijaḥḥ-* „править“; ср. русск. -*тель*) и др. Очень показательно соответствие хеттского суффикса имен абстрактного значения -*aštis*, *ašti* славянскому суффиксу -*ость*. Хетт. *dalugasti* тождественно старославянскому *длъгость* во всех отношениях.

Кроме того, отмечается сходное для хеттского со славянскими языками усиление прилагательных дополнительным суффиксом -*ant-* (в соответствии со слав. -*ot-*); ср. хетт. *daššuš, daššucanza* „сильный“ и русск. большой — большущий¹.

Вовсе не изучен вопрос о сходстве системы выражения видовых категорий глагола в хеттском и славянских языках. Между тем сходство это, как нам кажется, несомненно.

Выдвигается мысль о возможности более близких связей хеттского языка с тохарским (имеются в виду прежде всего некоторые лексические сходения). Но постановка этого вопроса лишь намечена.

Следует отметить также интересные исследования советского языковеда проф. Капанцяна в области хетто-армянских лингвистических связей².

Углубленное изучение ближайших генетических связей хеттского, а также других индоевропейских языков древней Малой Азии с родственными языками внутри индоевропейской лингви-

¹ V. M a c h e k, *Hittito-slavica*, „Archiv Orientalní“, XVII, 2, 1949, стр. 138 и сл.

² Гр. Капанцяна, *Chetto-Armeniaca*, Эривань, 1931—1933; его же, *Хай-аса — колыбель армян*, Ереван, 1947.

стической группы является одной из задач дальнейших исследований. Проблема эта имеет не только лингвистический интерес. Решение ее имеет существенное значение также для изучения древней истории народов — носителей отдельных индоевропейских языков, так как она непосредственно связана с вопросом о периоде и о путях их расселения с территории, где некогда происходило образование родственных племен.

5. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗУЧЕНИИ ХЕТТСКОГО (НЕСИЙСКОГО) ЯЗЫКА

После того как Б. Грозный опубликовал первую хеттскую грамматику¹, прошло 35 лет. Открытие Грозным принадлежности хеттского языка к индоевропейской лингвистической группе вначале было встречено с недоверием. Но благодаря начавшейся широкой публикации хеттских клинописных текстов и дальнейшему углублению исследования хеттской языковой структуры недоверие это очень скоро рассеялось, и хеттский язык, будучи окончательно определен как индоевропейский, сделался предметом пристального внимания со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания.

Правда, в 20-х годах отдельные языковеды еще пытались, вопреки очевидным фактам, опровергать открытую Грозным принадлежность хеттского (несийского) языка к индоевропейской языковой группе, доходя до отрицания самых несомненных и ясных этимологий и причисляя хеттский к группе так называемых „азианических“ языков („азианические языки“ — весьма неопределенное в лингвистическом отношении понятие). Однако в результате углубленной разработки основных проблем хеттологии подобного рода утверждения давно уже потеряли под собой почву.

Характерно, что и Н. Я. Марр, борясь с так называемой „индоевропеистикой“, также пытался отрицать родство хеттского (несийского) языка с индоевропейскими. Чисто декларативно, без какой-либо попытки конкретного анализа фактов (если не считать фантастических этимологий отдельных слов „по четырем элементам“), он причислял его к „яфетическим“ языкам.

Ясно, что подобного рода декларации, поскольку они не основываются на конкретном лингвистическом исследовании, не могут иметь объективной научной ценности.

В процессе сравнительно-исторического изучения хеттских языковых материалов выявились некоторые своеобразные черты

---

¹ „Die Sprache der Hethiter, ihr Bau und ihre Zugehörigkeit zum indogermanischen Sprachstamm“, Leipzig, 1917.

структуры хеттского языка. Эти особенности выражаются: 1) в наличии в хеттском языке некоторых грамматических форм, отсутствующих в других языках индоевропейской группы, и 2) в отсутствии в нем целого ряда грамматических категорий и форм, составляющих специфическую принадлежность морфологической структуры древних индоевропейских языков.

В связи с этим при определении отношения структуры хеттского языка к реконструируемому на основе данных других языков общиндоевропейскому исходному состоянию в лингвистической литературе обнаружилось две противоположные точки зрения. Согласно одной из них, своеобразные черты хеттского языка трактуются как наследие более древнего, еще доиндоевропейского состояния. Другая же теория рассматривает строй хеттского языка как своеобразный продукт дальнейшего развития общиндоевропейской языковой структуры, причем в процессе этого развития имели место и утеря некоторых категорий и ряд новообразований.

¹ Первая из точек зрения получила наиболее яркое выражение в так называемой „индохеттской гипотезе“ американского хеттолога Э. Стертеванта. В своей „Сравнительной грамматике хеттского языка“¹ Стертевант выдвинул схему, согласно которой „праиндоевропейский“ и „прахеттский“ языки рассматривались как две самостоятельные ветви еще более древнего „индохеттского праязыка“. По этой схеме хеттский язык, с одной стороны, сохранял более древние, чем общиндоевропейские, „протоиндохеттские“ черты; с другой — отличия его от прочих индоевропейских языков объяснялись более отдаленной степенью родства.

Схема эта встретила критическое отношение со стороны представителей сравнительно-исторического языкознания. Углубление сравнительно-исторического исследования хеттских материалов (в том числе и в работах по конкретным вопросам самого Стертеванта) показало, что все элементы морфологической структуры этого языка имеют основу, общую с остальными индоевропейскими языками, что отсутствие тех или иных форм во многих случаях объясняется их утерей и что специфически хеттские новообразования возникли путем использования морфологических элементов, имеющих соответствия в других языках индоевропейской группы. Эта концепция была наиболее детально разработана в книге

¹ E. H. Sturtevant, A Comparative Grammar of the Hittite Language, Philadelphia, 1933. Эту же схему Стертевант продолжает развивать и во втором издании своей „Сравнительной грамматики“ (1951), выводя из общей „протоиндохеттской“ основы две самостоятельные языковые ветви: а) „протоанатолийскую“ и б) „протоиндоевропейскую“.

датского лингвиста Х. Педерсена¹, который дал подробный сравнительно-грамматический анализ хеттской морфологии.

После этого „индохеттская гипотеза“ окончательно утратила под собой почву и в языкознании утвердилась точка зрения о равном с другими положениями хеттского языка в кругу индоевропейских языков.

История отдельных родственных между собой индоевропейских языковых групп показывает, что каждая из них развивается путем развертывания основных элементов древней, исходно общей для всех них языковой структуры. Но внутренние законы этого развития получают в конкретных исторических условиях сотни и тысячи различных проявлений при наличии, однако, ряда общих для всей языковой семьи закономерных тенденций развертывания исходно общего древнего материала.

Публикуемый труд видного немецкого хеттолога И. Фридриха представляет собой описательную грамматику хеттского языка, которая может служить ценным пособием для лингвистов, а также для историков древнего Востока в их работе над письменными документами хеттского царства. Имея в виду практические установки своего труда, И. Фридрих сознательно не включил в свое описание структуры хеттского языка почти никаких элементов сравнительной грамматики.

В книге дается детальное описание грамматического строя хеттского языка в том виде, в каком он засвидетельствован письменными памятниками II тысячелетия до н. э. При лаконизме изложения автор ссылается, однако, в связи с трактовкой отдельных форм на существующую обширную хеттологическую литературу. Многочисленные указания на варианты форм, на их разночтения дают необходимые отправные пункты для более детального изучения хеттской морфологии.

Наибольший интерес в книге представляет раздел синтаксиса, являющийся первым в лингвистической литературе сводным описанием основных элементов структуры хеттского предложения. Помимо непосредственной практической помощи, которую он, несомненно, окажет изучающим хеттский язык, этот раздел имеет самостоятельное теоретическое значение, так как целый ряд вопросов впервые освещается в нем в аспекте структуры хеттского предложения в целом.

¹ H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, 1938.

Для советских читателей отсутствие в книге И. Фридриха элементов сравнения хеттских фактов с фактами родственных хеттскому других индоевропейских языков является существенным недостатком, который мы частично попытались восполнить в предшествующем изложении. Вторая часть книги будет содержать наиболее важные из обнаруженных хеттских текстов.

Но и в том виде, в каком ее задумал и выполнил автор, „Грамматика хеттского языка“ И. Фридриха, составленная на основе богатого фактического материала, явится полезным пособием для изучающих хеттский язык, историю древнего Востока, а также для языковедов, интересующихся вопросами сравнительной грамматики индоевропейских языков, разработка которых в настоящее время немыслима без учета хеттских материалов.

А. Десницкая.

И. ФРИДРИХ

КРАТКАЯ ГРАММАТИКА
ХЕТТСКОГО
ЯЗЫКА

ПИСЬМО И ФОНЕТИКА

1. Хеттская клинопись, происходящая от ассиро-вавилонской или аккадской, различает три типа знаков: фонетические (слоговые знаки), идеограммы (словесные знаки) и детерминативы.

2. Идеограммами называются нефонетические знаки для целых слов; их форма во всех клинописных языках одинакова, и поэтому они, независимо от различного произношения, понятны для всех языков, подобно тому, как употребляемые теперь цифры одинаково ясны в немецком, французском, польском или венгерском текстах. Так, например, знак всюду понимается как „бог“, хотя он произносился по-шумерски dingir, по-аккадски ilu и по-хеттски šunaš, так же как „страна“ по-шумерски произносился kur, по-аккадски mätu, по-хеттски udne. Мы транскрибируем идеограммы по их шумерскому (как наиболее древнему клинописному) произношению прописными прямыми буквами DINGIR, KUR, но в действительности они, естественно, должны были произноситься по-хеттски.

3. а) Слово может быть обозначено либо фонетически, либо идеографически. Очень часто встречается также смешанное написание, т. е. к идеографически переданной основе слова присоединяются фонетически обозначенные флексивные окончания, так называемые фонетические компоненты. Так, например, существительное išhaš „господин“ (вин. п. ед. ч. išhan, дат. п. ед. ч. išhi) может быть записано или фонетически iš-ḥa-a-aš (вин. п. ед. ч. iš-ḥa-a-an, дат. п. ед. ч. iš-ḥi-i), или же с помощью идеограммы EN (с фонетическими компонентами EN-aš, EN-an, EN-i). Соответственно и глаголы: от цаḥ- „ударить“ (идеограмма GUL) форма цаḥup „я ударил“ может быть записана как фонетически ца-aḥ-u-p, так и полуидеографически GUL-ḥu-up или GUL-up.

б) Некоторое количество очень употребительных слов писалось хеттами, насколько мы можем судить об этом, всегда идеографически (с фонетическими компонентами), но никогда чисто

фонетически. Поэтому нам до сих пор неизвестно их произношение, например: DUMU-aš „сын“, ĩr-iš „слуга“, 1-aš „один“.

4. а) Хетты имели также обыкновение включать в хеттский контекст аккадские слова и целые словосочетания, как, например, *A.NA A.BI.A* „к моему отцу“. В транскрипции эти аккадские элементы передаются с помощью курсивных прописных букв. Реже встречаются шумерские формы, например: BA.UG₆ „он умер“ (основа UG₆ + флективная частица BA). Произносились ли написанные по-аккадски элементы по-хеттски или, возможно, по-аккадски, пока не установлено (Sommer, AU, 88², с указ. лит., 159, 342).

б) Идеограмма может иметь вместо хеттских также аккадские фонетические комплементы: DUMU^{RU} „сын“ (акк. mānu), 1^{EN} „один“ (акк. išten), ^dUTU^{ŠI} „мое солнце“ (титул хеттских царей; акк. šamši), ĩR^{TUM} „слуга“ (акк. ardu(m); относительно t вместо d см. § 21), DINGIR^{LUM} или DINGIR^{LIM} „бог“ (акк. ilu(m) или ĩli(m); последнее собственно родительный падеж).

5. а) Детерминативами называются непроизносимые (поэтому в транскрипции помещаемые вверху) указательные знаки, обозначающие принадлежность имен собственных, а также смысловых групп нарицательных имен к определенному разряду. Вышеупомянутая идеограмма DINGIR „бог“ является также детерминативом перед всеми именами богов (в транскрипции поставленное сверху d = DINGIR или deus): ^dTelipinuš, ^dU или ^dIM „грозовое божество“, ^dIŠTAR и т. д. I характеризует мужские имена собственные, например: ^IMuršiliš; LÜ „мужчина“ — обозначения лиц мужского пола (также названия профессий и народностей), например: LÜaurijalaš „пограничный страж“, LÜanninijamiš „двоюродный брат“, LÜKÜR „враг“; SAL „женщина“ — женские имена собственные и обозначения лиц женского пола, например: SALPu-duĥera, SALanninijamiš „двоюродная сестра“; URU „город“ применяется для характеристики названий городов, например: URUHalpa „Алеппо“; GIŠ „дерево“ — для названий деревьев и деревянных предметов, например: GIŠHAŠHUR „яблоня“, GIŠĥat-talu „засов“ и т. д. Теофорные имена собственные имеют два детерминатива — лица и имени божества, которое содержится в имени собственном, например: ^IdSTN-^dU-aš.

б) Реже встречаются детерминативы, помещаемые позади слова, например: MUŠI:N „птица“ после названий птиц (ĥaraš^{MUŠEN} „орел“) или KI „место“ (также UR^I.KI „город-местность“) после многих названий местностей. Как детерминативы можно также рассматривать помещаемые после слова показатели множествен-

ности MEŠ и HĪ.A (ERĪN^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{HĪ.A} „пешие войска (и) боевые колесницы“), реже AŠ.AŠ или с нагромождением показателя-лей MEŠ.HĪ.A; AŠ AŠ.HĪ.A (URU^{AŠ.AŠ.HĪ.A} „города“).

6. а) В произношении хеттских клинописных знаков мы в общем следуем произношению аккадской клинописи, не принимая во внимание случайных отклонений хеттского произношения.

б) Хеттское употребление знаков в некоторых частностях несколько отличается от аккадского. Так, в аккадском языке знак чаще читается *ṣi* (с эмфатическим *ṣ*) и реже *zē*, в то время как хеттский язык, не имющий эмфатических звуков, знает только употребление *zē*. До сих пор не выяснено, обозначали ли и (в аккадском оба = *u*, но в транскрипции различаются *u* и *u*) в хеттском два различных гласных или один (многие исследователи рассматривают как *o*, а как *u*; литературу см. у Friedrich, *Heth.*, 19).

7. Новые хеттские звучания, отклоняющиеся от аккадского употребления: — *meš*, по-хеттски также *eš* (в транскрипции (m)eš); — акк. *āš*, в хеттском — только *tāš*¹ (Friedrich, *Staatsv.*, I, 154, 181; II, 27); — в аккадском только идеограмма для „вина“ (шумер. GEŠTIN), в хеттском — также фонетически для *ti*² (литературу см. Friedrich, *Heth.*, 18).

8. Кажущиеся новыми звучания могли возникать также из ребусных написаний, в первую очередь имен собственных. Так, в окончании *-iliš* имен типа *Mursiliš*, *Hattusiliš* и т. д. усматривается акк. *ilu* „бог“, почему встречаются написания ¹*Mu-ur-ši-DINGIR^{LIM}*, ¹*Ha-at-tu-si-DINGIR^{LIM}*; следует читать ¹*Mur-si-ILI(M)*³, ¹*Ha-at-tu-ši-ILI(M)*³ (Friedrich, *Staatsv.*, I, 151; II, 20). Название города и страны *Hatti* созвучно акк. *ḫaṭṭu* „скипетр“ (идеограмма ^{015PA}) и поэтому пишется иногда ^{URU.CI5PA}, а имя собственное *Hattusiliš* — соответственно также ^{015PA-si-DINGIR^{LIM}.}

9. а) Гласный *e* клинопись передает не всегда четко. Она отличает особыми знаками слоги *me*, *pe*, *el*, *eš* от слогов *mī*, *pī*, *il*, *iš*, но для *ge*, *le*, *ez* и т. д. использует знаки слогов *gi*, *li*, *iž*

¹ = *tāš* в единичных случаях, также в аккадских текстах из Эль Амарна.

² В „протохаттских“ и хуррийских местах текстов хеттские писцы употребляют еще более сложные написания: *uaa*, *uee*, *uū*, *uū*, *uū*.

³ Относительно *DINGIR^{LIM}* = акк. *ILI(M)* „бог“ см. § 46.

и т. д. Таким образом, li-e „не!“, te-iz-zi „он говорит“ следует читать lē, tezzi.

б) Еще сложнее вопрос о том, различало ли хеттское письмо вообще о и и (см. § 66).

10. Даже в тех случаях, когда на письме е и і различаются, написания обоих гласных часто неопределимы (Pedersen, Hitt., § 3). Так, наряду с обычным ešhar „кровь“ пишется также išhar и в единичных случаях i-e-cš-šar (§ 30); наряду с обычным peša „он дал“ (и paišta; § 13a) — pišta; наряду с peššijami „я бросаю“, peššijazi „он бросает“ — peššijami, piššijazzi; наряду с -ši „ему“ — še; наряду с išhi „господину“ — ešhe; наряду с unnumen „мы пригнали сюда“ — unnumin и т. д. (Friedrich, ZA, NF 5, 45¹, с указ. лит.; Sommer, AU, 40¹, 361).

11. а) Можно отметить также и не исследованное в деталях чередование е (i) с а, например: akir и ekir „они умерли“, šag-gahhi „я знаю“, šakti и šekti „ты знаешь“, šakki „он знает“, sekteni „вы знаете“, šekkanzi „они знают“, šakta и šekta „он знал“, ašašta и ašesta „он посадил“; ekuzi „он пьет“ наряду с akkuškizzi „он попивает“; mekki „много“ наряду с makkešzi „он увеличивается“; çatar „вода“ и род. п. çetenaš; tekan „земля“ и род. п. tagnaš; URUNerik и URUNerak; daškatteni и daškitteni „вы имеете обыкновение братья“; piškir и piškar „они давали“; païçeni и païçani „мы идем“, païtteni и païttani „вы идете“; išparzazi и иногда išparzizi „он убегает, избегает“ (Sommer, AU, 57; Ehelolf, OLZ, 1933, 2°).

б) Основывается ли чередование -i с -a в исходе местного падежа aguni и древнего aguna „к морю“, lukkatti и lukkatta „на следующее утро“ на различном развитии первоначального -ai, которое в общем переходит в -i, но перед i дает -a, пока не ясно.

12. Колебание между u и ú встречается редко: a-pu-u-un и a-pu-ú-un „этого“ (вин. п. е. д. ч.), u-i-ja-at-tin и ú-e-ja-at-tin „пошлитель.“ (Götze, KfF, 1, 204; Friedrich, IF, 43, 258°; он же AfOr, 9, 210).

13. а) Звуковое сочетание -ai- может чередоваться с -e(-i-): paišta и peša „он дал“, paishut и nešut „повернись!“, karpuçait и karpuçet „он испытал“, karpuçaiizzi и karpuçizzi „он испытывает“ (Sommer-Ehelolf, Pap., 74; Sommer, AU, 355).

б) Чередование -ai- с -a- встречается редко: paishi и paši „ты идешь“ (Friedrich, ZA, NF 5, 58).

14. а) Вместо -(i)ja- может стоять -e(-i-): memijani и memini „слову“, peššijazi и peššizzi „он бросает“, daçajzi, daçezzi и daçizzi „он крадет“, tijazi, tiezzi и tizzi „он наступает, приближается“,

cemijat и cemit „он нашел“ (Sommer-Ehelolf, Pär., 68; Götze, Madd., 96 и сл., 139).

6) Случайные написания типа iškijaizzi „он помазывает“ следует, возможно, рассматривать как компромиссные между историческим iškijazi и произносившимся iškizzi.

15. -aja- может чередоваться с -a-: род. п. ед. ч. от šalliš „большой“ — šallajaš и šallaš, абл. ед. ч. от šuppis „чистый“ — šuppajaz(a) и šuppaz(a) (Sommer, AU, 357, с указ. лит.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 18 и сл.).

16. Вместо звукового сочетания ue- (ui-) или -ue- (-ui-) может появляться u- или -u-: ueter и uter „они принесли“, ħuñut и реже ħunut „пусти!“, kuera- и kura- „местность, поле“, karuili- и karuli- „старый“, ħatraçeni и редко ħatrauni „мы пишем“, parkuešzi и иногда parkušzi „он очищается“ (Friedrich, Staatsv., II, 42², 167).

17. а) Точно так же (u)ца- или -(u)ца- может чередоваться с u- или -u-: ħuçartaš и ħurtaš „он проклял“, antuçaħħaš и antuħħaš „человек“, açari- и auri- „пограничный пост“, çaganu и uranu „пусть сожжет“, laħħuçatin и laħħutin „лейте!“ (или laħuçai и laħui „он льет“), šanħuçanzi и šanħunzi „они ржавеют“. В древнем языке встречаются единичные формы родительного падежа от основ на -u- типа *Nunnuš, *Taruhšuš вместо ожидаемых *Nunnuçaš, *Taruhçuçaš (Götze, Madd., 137 и сл.; Sommer, AU, 134, 189).

б) Очень часто -уца- (уца-) чередуется с -ue- (ue-): karpuçanzi и karpuenzi „они испытывают“, uçanzi и uenzi „они приходят“.

18. Со звуковыми явлениями, отмеченными в двух предыдущих параграфах, нельзя смешивать явления подлинного аблаута, как, например, отношение kuénzi „он бьет“ и kunánzi „они бьют“ (ср. др.-инд. hanti и gñnanti), соответственно kuérzi „он режет“ и kuránzi „они режут“ (§ 171). Как аблаут следует рассматривать также отношение tekan „земля“ и род. п. tagnaš (§ 82), ħanneššar „судебное дело“ и род. п. ħannešnaš (§ 88), ħaddulatar „здоровье“ и род. п. ħaddulannaš (§ 36а, 87), ašaçar „эгон“ и дат. п. ašauñi (§ 89), а также dai „он помещает, кладет“ и tianzi „они кладут“, zaħħaiš „сражение“ и род. п. ед. ч. zaħħijaš, aiš „рот“ и дат. п. ед. ч. išši (Sommer, AU, 187, 356; он же, Hirt-festschr., II, 295).

19. а) Вместо звукового сочетания -уц- часто появляется -ип-: от ħatrai- „писать“ образуется ħatraçeni „мы пишем“, инфинитив ħatraçar и супин ħatraçanzi, но от arpu- „принести“

соответствующие формы будут *arnummeni*, *arnummar* и *arnumpanzi* (Sommer-Eheloŋi, Pap., 74).

б) Иногда также вместо -ци- появляется -ми-: от *idalu* „злой“ — им. п. мн. ч. *idaluṣēš*, а вин. п. мн. ч. *idalamuš* (Götze, Madd., 120⁴; Sommer, HAB, 76⁵).

20. Простое написание согласных иногда чередуется с удвоенным: как правило, *peššijazi* „он бросает“, но также *pišijazzi*; *ijattari* „он шагает“ и *ijatari*; *ištamasti* „ты слышишь“ и *išdamtašti*; *memijani* „слову“ и *memijanni*; *innapaṣanni* (дат. п. ед. ч.) „силе (?)“ и *innapaṣani*; *tarnatti* „ты оставляешь, пускаешь“ и *arnati*.

21. Написание *tenuis* и *media* производит впечатление полностью произвольного; насколько можно судить, *d* и *t*, *b* и *p*¹, *g*, *k* и *q* употребляются вперемежку (Pedersen, Hitt., § 6). Примеры здесь весьма многочисленны; мы ограничимся лишь несколькими: *dagan* и *tagan* „к земле“, *attaš* и *addaš* „отец“, ^U*patilis* и ^L*batilis* (одна из категорий жрецов), *rabilili* „но-вавилонски“, *kanišzi* и *ganešzi* „он приобретает“, род. п. ед. ч. от *kuiški* „кто-либо“ — *kuelga*, *kuelka* и *kuelqa*; *daskiten*, *daškatten* и *dašqaten* „возьмите!“ (литературу см. у Friedrich, Heth., 22 и сл.).

22. Одной из основных трудностей хеттского письма является написание сочетаний согласных. Так как письменные знаки имеются только для слогов с формой согласный + гласный, гласный + согласный и согласный + гласный + согласный, то сочетание из двух согласных в начале и конце слова так же как и сочетания из трех согласных в середине слова не могут быть переданы обычным образом. Как выход используется написание непронизносимых гласных, подобно тому как это принято в кипрском слоговом письме. Однако не всегда можно с уверенностью установить, какие гласные действительно пронизносились, а какие нет (литературу см. у Friedrich, Heth., 20 и сл.; также Sommer, AU, 446; Pedersen, Hitt., § 2).

23. Сравнительно яснее отношения в середине слова. Уже само написание форм типа *ša-an-aḥ-zi* „он ищет“ показывает, что здесь не имелось в виду произношение **šanaḥzi* (поскольку тогда писалось бы **ša-na-aḥ-zi*). Параллельно встречающаяся форма *ša-an-ḥu-un* „я искал“ показывает только основу *šanḥ-*, так что мы приходим здесь к произношению **šanḥzi*. Аналогично *šanḥ-*,

¹ Так как хеттская клинопись не различает *bi* и *pi*, *bu* и *pu*, то вообще можно выделять только *ba* и *pa*.

то же имеет место и у многих других глаголов, например: *paŋ-* „гнать“ (*pār-aŋ-zi*), *kaŋr-* „поднимать“ (*kar-ap-zi*), *taŋ-* „побсждать“ (*tar-aŋ-zi*), *ɕaŋ-* „ударять“ (*ɕa-al-aŋ-zi*) и т. д. (§ 172). Однако встречаются и более неясные написания, например: *ša-an-ɕa-zi*, *ɕa-la-aŋ-zi* и т. п. Ср. также для *linkt „он поклялся“ (основа link-) написания *li-in-ik-ta*, *li-in-kat-ta* и *li-ik-ta* (с редуцированным *n*; § 32); для *hinkzi „он подносит“ — *hi-in-ik-zi*, *hi-in-ga-zi* и *hi-ik-zi*; затем итеративные формы типа *a-ar-aš-ki-it* „он достигал (повторно)“ — для *ar-sk-it (основа ar-). Менее ясны написания согласных внутри слова типа *az-zi-ik-kán-zi* „они пируют“ — для *at-sk-anzi (основа ed-; § 11a), *ši-pa-an-za-ki-iz-zi* „он совершает (неоднократно) возлияние, жертвует“ — для *spant-sk-izzi (§ 24). Еще менее ясны *iš-pār-za-zi* „он убегает“, *iš-pār-za-aš-ta* „он убежал“ и *iš-pār-te-ir* „они убежали“ (основа анализируется как *(i)spart- и *(i)spart-s-zi с *z = ts*, § 28a, *(i)spart-s-t, *(i)spart-cr). Соответственно от *ɕat-* „высыхать“ (*ɕati* „он высыхает“, *ɕater* „они высохли“) мы находим *ɕa-az-ta* и *ɕa(-az)-za-aš-ta* „он высох“. Последний пример касается собственно уже положения в конце слова.

24. Относительно положения согласных в начале слова мы вынуждены в общем ограничиться лишь предположениями. Так, например, *zi-ik-kán-zi* „они кладут“ по аналогии с *az-zi-ik-kán-zi* „они пируют“ = *at-sk-anzi (§ 23) принято разлагать на *t-sk-anzi (с нулевой ступенью *t*-основы *daí-* „класть, помещать“). Для *pa-ga-a* „вперед“, этимологически связанного с *prō, устанавливается произношение *prā, а для *te-ri-ja-al-la* (какая-то жидкость), исходя из варианта *3-ja-al-la*, — произношение *triǰalla (§ 139). Для встречающихся нередко в начале слов *išp-* и *išt-* (в *išpai-* „насыщаться“, *išpanza* „ночь“, *išpantuzzi* „сосуд для вина“, *išpart-* „убежать, ускользнуть“, *ištap-* „запирать“, *ištamaš-* „слушать“, *ištandai-* „медлить“, *ištark-* „заболеть“ и т. д.) предполагается произношение *sp-* и *st-* (со вспомогательным гласным, аналогично араб. *llatun* „Платон“). От *išpantuzzi* следует отличать глагол *šipant-* „совершать жертвенное возлияние“ (Sommer, НАВ, 171 и сл.).

25. а) В положении согласных в конце слова мы тоже находим сравнительно немного таких ясных случаев, как императивы *li-in-ik* „клянись!“ (наряду с *li-in-ki*), *ɕa-al-aŋ* „ударь!“ (но *ša-an-ɕa* или *ša-a-aŋ* „ищи!“; § 32); поэтому и здесь мы вынуждены в общем ограничиваться лишь предположениями. Исходя из оканчивающихся на гласный глагольных основ типа *ja-* „делать“, *ɕatrai-* „писать“ с 3-м лицом ед. ч. претерита на *-t* (*ijāt*, *ɕatrait*), мы и для основ на согласный, типа *eš-* „быть“, *ištamaš-* „слушать“, *ɕaŋ-* „ударять“ с 3-м лицом ед. ч. претерита на *-ta* (*c-eš-ta*,

iš-ta-ma-aš-ta, ца-al-aḥ-ta) делаем заключение о произношении в конце -t (*est, *(i)stamast, *ḡalht¹ и т. д.). То же в отношении имен; так, форму им. п. ед. ч. a-ni-ja-az от основы *anijat(t)- „исполнение, дело“ (вин. п. ед. ч. anijattan и т. д.) следует анализировать как *anijat-s (с z = ts; § 28a); равным образом для формы им. п. ед. ч. ka-aš-za „голод“ (основа kašt-, ср. вин. п. ед. ч. kaštan) можно заключить о произношении ее как *kast-s. Соответственно adanza „съеденный“ (основа adant-) передает *adant-s; ср. лат. amans и т. д.

б) Если к причастию на *-ants = -an-za присоединяется частица -a, „и, также“ (§ 305 и сл.), то возникшее отсюда *-ants-a пишется не -an-za, но -an-za-ša, откуда ir-ma-la-an-za „большой“ и ir-ma-la-an-za-ša „также большой“; таким образом, к -an-za = *-ants здесь прибавляется мельчайшая фонетическая единица, которая только может быть отделена от сочетания *-antsa, т. е. знак ša = sa (§ 28б). Встречается даже -an-za-aš-ša: ^LUap-ra-an-za „пленный“, ^LUap-ra-an-za-aš-ša „и пленный“ (Friedrich, Staatsv., I, 32 и сл.; 166³).

26. Рассмотренное в § 23 и сл. написание непроизносимых гласных переносится часто также и на те положения, где оно кажется излишним и не является единственным, например: ša-an-ḥu-up и ša-an-aḥ-ḥu-up „я искал“ (основа šanḥ-), ца-al-ḥi-ir и ца-al-aḥ-ḥi-ir „они ударили“ (основа цаḥḥ-), kar-pa-an-zi и kar-ar-pa-an-zi „они поднимают“ (основа karр-; § 172). Пока не ясно, следует ли усматривать в этом просто написание по аналогии с ša-an-aḥ-zi, ца-al-aḥ-ta и т. д. или же передачу произношения *sanḥḥun, *ḡalḥḥir и т. д. (Götze, Madd., 41 и сл., с указ. лит.). Даже для aḥḥun „я достиг“ (основа ar-) встречается написание a-ar-aḥ-ḥu-up наряду с a-ar-ḥu-up. Написание окончания аблатива с -az и -a-za, возможно, также представляет собой аналогическое обозначение -z (-ts) посредством -za по типу таких форм, как именительный падеж единственного числа причастий на -an-za.

27. Но сочетания согласных могут, повидимому, разбиваться также вставкой произносимого гласного. Об этом говорит наличие параллельно таких написаний, как gimra- и gimmara- „поле“, ḥatkešnu- и ḥatkiššanu- „притеснять“, aššanu- и ašnu- „приготовить, устроить“, kuššani и kušni „в вознаграждение“ (ср. также им. п. ед. ч. kuššaniššit, kuššanšet и kuššaššet „его вознаграждение“; § 34), tuḥš- и tuḥḥuš- „отрезать“, našma и našsuma „или“, kar-ša-nu-, kar-aš-nu- и kar-aš-ša-nu- „упустить, пренебречь“.

¹ Другое объяснение чередования -t в ijat с -ta в ešta дает Couvreur, Annuaire de l'Institut de Philologie et d'histoire Orientales et Slaves, 4, 551 и сл.

Отличие от случаев, описанных в § 23 и сл., не всегда является четким: от *takš-* „связывать, прикреплять, прилаживать“ причастие — *tak-ša-an-za* „привязанный, прилаженный“ но *tak-ki-e-eš-ša-an-zi* „они привязывают, прилаживают“, *e-eš-ḥar-šum-mi-it* „их кровь“ вместо *ešhar-šmit* (§ 113 и сл.).

28. Из четырех свистящих и шипящих звуков *z*, *s*, *š*, *š*, различаемых в вавилонской клинописи, в хеттских словах встречаются только *š* и *z*. Из них *š* обозначает по типу ассирийского письма звук *s*, а *z* — *ts*; ср. русск. *ц* или нем. и итал. *z* (Pedersen, Hitt., § 5).

а) Произношение *z* как *ts* выясняется из наличия сосуществующих форм *da-šk-izzi* „он берет (неоднократно)“ и *azzikkizzi* = **at-sk-izzi* „он ест (неоднократно)“ (§ 23); то же вин. п. ед. ч. *anijattan* „выполнение“ (основа *anijati-*) и им. п. ед. ч. *anijaz* = **anijat(t)-s* (литературу см. у Friedrich, Heth., 24).

б) На произношение *š* как *s* указывают: отсутствие в хеттских словах *s*, одновременное употребление *daškizzi* и *azzikkizzi*, а также египетские написания типа *Mrsr* = *Muršiliš*, *Ḥtsr* = *Ḥattušiliš*¹ (литературу см. у Friedrich, Heth., 23 и сл.).

29. Неясно, должны ли мы учитывать для *z* также произношение *z* (звонкое *s*). Возможность чередования *-hš-* с *-hz-*, так же как *-šḫ-* с *-zḫ-* (^{URU}*Lihšina* и ^{URU}*Lihzina*, *zašḫi-* и *zašḫi-* „сон“; Ehelolf, ZA, NF 9, 186¹), сама по себе еще не является доказательством.

30. *ḫ* обозначает, видимо, два различных звука: один (с меньшей уверенностью засвидетельствованный) — более сильный, приближающийся к *k* (если действительно *kilamni* является дат. п. ед. ч. от *ḫilammar* „портик, преддверие храма“), другой — слабо артикулированный (возможно, просто гортанный смычный), о чем говорит колебание в написании *ešhar* (род. п. ед. ч. *ešhanaš*) „кровь“ и *eššar* (род. п. ед. ч. *ešnaš*), а также *idalayatti* вместо обычного *idalayaḫti* „ты делаешь зло“ (указания на более старую литературу см. у Friedrich, Heth., 24 и сл.; также Couvreur, De hettitische H, Löwen, 1937; Bergsland, RHA, 4, 257 и сл.; Pedersen, Hitt., § 107).

31. а) Подобно другим древним и современным языкам Малой Азии и соседних стран хеттский язык не имеет *g* в начале слова (литературу см. у Friedrich, Heth., 26).

б) В середине и конце слова *g*, повидимому, слабо артикулировался, так как на письме он иногда опускается, особенно в

¹ Египетское письмо может различать *s* и *š*.

конце слова: *pargata* вместо *pargatar* „нечистота, скверна“, *mijata* вместо *mijatar* „преуспевание, созревание“, *ħatrešša* вместо *ħatreššar* „послание“ и в одном случае в середине слова: ^{TUG}*kueššar* вместо ^{TUG}*kureššar* „головная повязка“. Сюда же относится колебание между -ца и -цаг- в частице, вводимой в буквально передаваемую речь (§ 292 и сл.; Götze-Pedersen, *Murš. Sprachl.*, 30 и сл., 74).

32. Слабым звуком в середине слова частично является также *p*, который во многих случаях не обозначается перед согласными (преимущественно того же органа образования): *šah* наряду с *šanħa* „нищи!“ (императив от *šanħ-*), *li-ik-ta* наряду с *li-in-ik-ta* и *li-in-kat-ta* „он поклялся“ (основа *link-*; § 23), *ħu-u-ma-da-az* наряду с *ħumandaz*, абл. ед. ч. от *ħumant-* „всякий“, *kar-pa-zi* вместо *karpanzi* „они поднимают“, *ú-e-eš-ša-ta* вместо *ueššanta* „они одеваются“, *ú-ца-du* вместо *uцandu* „пусть придут!“, *iš-ta-ta-a-it* вместо *ištandait* „он пребывал, медлил“, *pe-e-a-za* вместо *pejanza* „ведомый“, *me-mi-ja-u-a-zi* вместо *memiiaucanzi* „говорить“ и т. д. (Götze, *NBr*, 5 и сл., с указ. лит.).

33. В то же время *p* часто пишется по ошибке: *pepišanza* вместо *pepišaz* „с неба“, *ħaššannanza* вместо *ħaššannaz* „из рода“, *li-in-kán-ta* вместо *linkt „он поклялся“ (§ 23; Friedrich, *ZA*, *NF* 5, 42²).

34. Сходное с описанным в § 32 явление, хотя и не тождественное ему, представляет собой ассимиляция *p* последующему согласному (с удвоением или без удвоения последнего) при присоединении энклитики: *ištamanan-san „его ухо“ (вин. п. ед. ч.) > *ištamanaššan*; *ħalugatallan-tin „твоего посла“ (вин. п. ед. ч.) > *ħalugatallattin*; *tuzzin-man „мое войско“ (вин. п. ед. ч.) > *tuzzi-man*; *appizzijan-ma-at* „но позднее это“ > *appizzijamat*; *ħuman* „все“ + частица *-šan* (§ 303) > *ħumaššan*; *ŠUM-ašmit* „их имя“ вместо *ŠU.ii-an-šmit* (*laman-šmit*); *man* „если“ + ца (частица в цитируемой речи; § 292 и сл.) > *māca* (*Hrozný*, *CH*, I, 12²; *Sommer-Ehelerolf*, *Pap.*, 65; *Sommer*, *AU*, 383¹). Однако мы находим и такие случаи, когда, например, *kuššan-šet* „его награда“ то ассимилируется, давая *kuššaššet*, то остается неизменным; может быть образовано даже *kuššaniššit* со вспомогательным гласным (§ 27).

35. Здесь также встречаются ошибочные обратные образования; например, *paššan* < *pu* „и“ + *-aš* „он“ (им. п. ед. ч.) + частица *-šan* (XXIII, 11; III, 11) ошибочно передано посредством *paššan*, как если бы вместо именительного здесь стоял винительный падеж.

36. а) Звуковое сочетание *-tn-* обычно переходит в *-nn-*, особенно в склонении абстрактных имен на *-atar* (род. п. е. д. ч. *-annaš < -atnaš*), например: *ħaddulatar* „здоровье“, род. п. *ħaddulannaš*; *idalacatar* „злость, негодность“, род. п. *idalacannaš* (§ 87, Sommer-Ehelolf, Par., 30).

б) Сохраняется *-tn-* в несколько иначе построенном *ħuitar* „животный мир“, род. п. е. д. ч. *ħuitnaš*, и реже в абстрактных именах на *-atar*: *ħaratar* „толчок, удар“, дат. п. е. д. ч. *ħaratni* (Friedrich, ZA, NF 5, 61 и сл.; Sommer, HAB, 77').

37. Ассимиляция *t* изредка встречается в таких случаях, как переход *nu „и“ + -at „это“ + -ši „ему“* в более распространенное *našī* либо более редкое *našši*, или переход *nu + -at + частица -šap* в более распространенное *naššap* либо более редкое *naššan*.

38. Звуковое сочетание *-nza* чередуется с *-nzan*: *ħanza* ер- и реже *ħanzan* ер- „дружески приветствовать“, *nan-za* (*nu „и“ + -an „его“ + частица -za*; § 252 и сл.) и также *nanzan* (Götze, Arch. Or., 5, 3).

39. Фразово-фонетические изменения возникают прежде всего в случаях присоединения энклитических местоимений, например: *-ni* „мне, меня“, *-ta* „тебе, тебя“, *-ši* „ему“, *-aš* „он“, *-an* „его“, *-at* „это“ и энклитических частиц: *-(i)a „и“*, *-na* „но“, *-ašta* „тогда“, *-za*, *-kan*, *-šap*, *-ca(r)* (частица в цитируемой речи) к ударенному слову или к начинающим предложение *nu*, *ta* и т. п. Как фразово-фонетические законы следует рассматривать также явления, описанные в § 34, 35, 37, 38.

40. Если к начинающему предложению *nu „и“* присоединяются местоимения *-aš* „он“, *-an* „его“, *-at* „это“, *-e* „они = ei, eae, ea“, *-uš*, *-aš* „их = eos, eas“, или частицы *-ašta* или *-apa*, то в *nu* перед следующим гласным *u* исчезает: **nu-aš > naš*, **nu-an > nan*, **nu-at > nat*, **nu-e > ne*, **nu-uš > nuš*, **nu-aš > naš*, **nu-ašta > našta*, **nu-apa > para* (Ungnad, ZDMG, 74, 417 и сл.).

41. Аналогичное явление имеет место и в случаях с архаичным *ta „и“*: *taš*, *tan*, *tat*, *tuš*, *tašta* (Ungnad, ZA, NF 2, 104'; Friedrich, ZA, NF 2, 293 и сл.), а также с редким и архаичным *šu „и“*: *šaš*, *šan*, *šuš* (Sommer, HAB, 78).

42. Перед теми же словами частица, вводимая в буквально цитируемую речь, *-ca(r)*- выступает в более полной форме *-car-*: *-caras-*, *-caran-*, *-carat-*, *-carī-*, *-caruš-*, *-carašta* (Ungnad, ZDMG, 74, 421).

43. Если согласный при присоединении энклитики (независимо от того, стоит ли он в конце ударенного слова или в начале

энклитики) попадает в положение между двумя гласными, то он часто, но не регулярно, удваивается: *nu* „и“ + частица *-šan* = *nu(š)šan*; *šmaš* „вы“ + *-an* „его“ = *šmaššan*; *nu* „и“ + *-ца* (частица в цитируемой речи) + *-naš* „нас“ = *nuца(n)naš*; *maп* „если“ + *-а* „и, также“ = *manпа*; *цaстul* „грех“ + *-ma* „но“ + частицы *-za* и *-kan* = *цaстulma(z)zakan*; *UL* „не“ + *-ца* + *-ta* „тебе, тебя“ + *-kan* = *UL-ца(t)ta(k)kan*; *apaš* „этот, упомянутый, данный“ + *-a* „и“ = *apa(š)ša* (также вин. п. ед. ч. *arun* + *-a* = *aru(n)па* и т. д.; Sommer, IF, 55, 291).

44. Если частицы *-za* и *-šan* следуют друг за другом, то они сливаются в *-zan* (Götze, Arch. Or., 5, 30 и сл.; произносится **-ts-san*: Sommer, HAB, 114).

45. Энклитическое местоимение *-ta* „тебе, тебя“ непосредственно перед *-za* выступает в форме *-tu* или *-du*: *nu* „и“ + *-ца* + *-ta* + *-za* + *-kan* = *nuцаduzakan* (Hrozný, Spr. d. H., 127 и сл.; Götze-Pedersen, Murs. Sprachl., 82 и сл.).

46. а) Явление фразовой фонетики представляют также те случаи, когда в роли „и“ (для соединения отдельных слов) после согласных стоит *-a*, а после гласных (большой частью также после составных элементов, написанных по-акадски, и после иноязычных имен, воспринимаемых как идеограммы) — *-ja*: *Ṭeli-ri-pi-ša* „и Телипинус“, *apašša* „и он“, но *are-ja* „и они“ (им. п. мн. ч.), *ka-ja* „и здесь“, *UL-ja* „и не“ ^{URU}*Kar-ga-miš-ja* „и город К.“ (Forrer, ZDMG, NF 1, 209; Sommer-Ehrlolf, Pär., 28 и сл.).

б) К словам, оканчивающимся на *-z*, и прежде всего к аблативам, форма *-ja* присоединяется всегда с соединительным гласным *-i*: *ḲAR-lazija* „и слева“, *tamedazzija* „и от другого“, *kez kezzija* „отсюда и отсюда“. Также встречаются единичные аблативы на *-zi* и без *-ja*: *kezzi* „от этого“, *kuezzi* „от которого“ (Sommer-Ehrlolf, Pär., 29).

47. Гаплогогические сокращения:

а) *-ma* „но“ + *-šmaš* „вам, им“ = *-mašmaš* может сократиться в *-maš* (Friedrich, OLZ, 1936, 309¹).

б) Если частица *-(a)šta* следует за слогами *-aš*, *-iš*, *-uš*, то она может утратить свой составной элемент *-(a)š* и выступать просто как *-ta* (Sommer, HAB, 104, прим.): *nu* „и“ + *-ца* + *-šmaš* „им“ + *-(a)šta* = *nuцаšmašta*; ^{G1S}*KU^{HI.A}* *-uš-šuš* „их мечи“ (вин. п. мн. ч.) + *-(a)šta* = ^{G1S}*KU^{HI.A}* *-uš-šušta* (2 BoTU, 23 A; II, 30). То же после *-z*: *nu-za-ta* (произносится *nu-z-šta), т. е. *nu* + частица *-z(a)* + *-(a)šta*; *ki-e-iz-ta*, *ki-e-iz-za-at-ta*, *ki-e-iz-za-aš-ta* = *kez-šta, т. е. *kēz* „отсюда“ + *-(a)šta*.

МОРФОЛОГИЯ

ИМЯ

1. Словообразование

48. Мы не имеем возможности рассматривать здесь строение основ хеттских имен. Ограничимся лишь несколькими замечаниями о суффиксах имен производных.

49. Абстрактные имена образуются с помощью суффиксов:

а) -an: *ḥenkan* „судьба, смерть, эпидемия“ (*ḥink-* „уделять“), *paḥḥan* „страх“ (*paḥ-* „бояться“); возможно, также *kuššan* „награда, плата“ и *šaḥḥan* „оброк, плата за пользование землей“ (Götze, *Hatt.*, 55, 91);

б) -atar: *idaḷaḷatar* „злость, негодность“ (*idaḷu-* „плохой, дурной, злой“), *palḥatar* „широта“ (*palḥi-* „широкий“), *šullatar* „спор, ссора“ (*šullai-* „спорить“), *lahḥiitar* „поход“ (*lahḥija-* „отправляться в поход“) (Hrozný, *Spr. d. H.*, 72 и сл.; Götze, *Madd.*, 94 и сл.);

в) -eššar: *ašeššar* „заседание“ (*eš-* „сидеть“), *ḥanneššar* „судебное дело“ (*ḥanna-* „судить“), *palḥeššar* „широта“ (*palḥi-* „широкий“). С этим же суффиксом часто образуются и слова с конкретным значением: *urpeššar* „послание, посылка“ (*urpa-* „посылать“), *kureššar* „головная повязка“ (*kuer-* „резать“) (Hrozný, *Spr. d. H.*, 71 и сл.; Götze, *Madd.*, 62 и сл.);

г) -ašti: *palḥašti* „широта“ (*palḥi-* „широкий“), *dalugašti* „долгота“ (*daluki-* „долгий, длинный“) (Friedrich, *ZA*, NF 5, 35, с указ. лит., 77);

д) -att-: *kartimmiatt-* „гнев“ (*kartimmiia-* „гневаться“), *anijatt-* „выполнение, действие“ (*anīia-* „выполнять, совершать“), *paḥšaratt-* „страх“ (*paḥšariia-* „бояться“) (Götze, *Madd.*, 78 и сл.);

е) -ima-: *tethima* „гром“ (*tethai-* „гремять“), *ekunima-* „холод“ (*ekuna-* „холодный“), *ḫeritema-* „боязнь“ (*ḫeriteš-* „бояться“) (Götze, *KIF*, I, 186 и сл.);

ж) -ul: *aššul* „добро, благо“ (*aššu-* „добрый“); см. также § 506, 52a (Friedrich, *Meissner-Festschr.*, 55);

з) -ur: *aniur* „(религиозное) действие, обряд“ (*anīia-* „выполнять, совершать“); возможно, также *kurur* „враждебный, вражда“.

50. Nomina actionis образуются с помощью суффиксов:

а) -ai-: lengäi- „клятва“ (lenk- „клясться“), ħurtai- „проклятие“ (ħurt- „проклинать“), цаštai- „грех“ (цаšt- „грешить“), zahĥai- „битва“ (zah- „бить“) (Sturtevant, Měl. Ped., 57 и сл.);

б) -ul-: iṣĥiul „соединение, договор“ (iṣĥiia- „связывать“), цаštul „грех“ (цаšt- „грешить“); см. также § 49 ж и 52 а;

в) -ṣĥa-: dammeṣĥa- „вред“ (dammeṣĥai- „вредить“), упуцаṣĥa- „украшение“ (упуцаi- „украшать“); возможно, также teṣĥa- „сон“ (Götze, KIF, I, 178 и сл.);

г) -zel-: šarnikzel „искупление, возмещение“ (šarnink- „искупать, возмещать“).

51. Nomina actoris образуются с помощью суффиксов:

а) -tara-: ceštara- „пастух“ (цеṣiia- „ласти“) (Sommer, Heth., II, 60 и сл.);

б) -talla-: aršanatalla- „завистник“ (aršaniia- „завидовать“), uṣkiškatala- „наблюдатель“ (uṣkišk- „посматривать“) (Hrozny, Spr. d. Heth., 56);

в) -ala-: auriiala- „пограничный страж“ (auri- „пограничная стража“), iṣpantuzzijala- „виночерпий“ (iṣpantuzzi- „сосуд для вина“); см. также § 54а (Tenner, Ein heth. Annalertext, 24).

52. Nomina instrumenti образуются с помощью суффиксов:

а) -ul-: šešarul „сито“ (šešariia- „цедить“; Friedrich, Meißner-Festschr., I, 55); см. также § 49 ж, 50 б.

б) -uzzi-: iṣĥuzzi- „лента, пояс“ (iṣĥiia- „связывать“), laḥĥarpuzzi- (разновидность жертвенника) (Götze, KIF, I, 200 и сл., с указ. лит.);

в) -alli-: kuttanalli- „ожерелье“ (kuttar „затылок, плечо“), ħaršanalli- „венок“ (ħaršan- „голова“) (Friedrich, ZA, NF 2, 275).

53. а) С суффиксом -ant- образуются прежде всего собирательные имена: udneĥant- „страна“ наряду с приблизительно равнозначимым udne, tuzzi- и tuzzijant- „войско“, antuḥsatar и antuḥšannant- (<*antuḥsatnant-; § 36 а) „население“ (Friedrich, Staatsv., I, 85 и сл.).

б) Обычно, однако, производные на -ant- более не отличаются по значению от своего основного слова: rarna- и rarnant- „дом“, peruna- и perunant- „скала“, kašt- и kištant- „голод“, ĥilammar и ĥilamnant- „портал, входная часть храмового здания“.

в) Также с суффиксом -ant- образуются и слова от прилагательных: dapiĥa- и dapiĥiant- „целый“, daṣu- и daṣuyant- „сильный“, irmala- и irmalant- „большой“ (Friedrich, Staatsv., I, 80).

54. Прилагательные образуются с помощью суффиксов:

а) -ala-: genzuāla- „дружеский, любезный“ (genzu „склонность“), tuāala- „отдаленный“ (tuā- „далеко“); см. также § 51 в;

б) -ili-: karuili- „старый“ (karu „раньше“);
 в) -dant-: kartimmiḡant- „гневный“ (kartimmiḡa „гневаться“),
 kiṣṭuḡant- „голодный“ (kaṣṭ- „голод“), также aperiṣṣuḡant- „такой“
 от aperiṣṣan „так“ (Forrer, RHA, 1, 152);

г) -zi- в образованиях типа сравнительных: ḡantezzi- „передний, первый“ (ḡant- „передняя сторона“), arpezzi- „задний“ (arra „сзади, назад“), ṣarazzi- „верхний“ (ṣara „вверх“); см. § 95.

55. Хотя женский род грамматически и не отделен от мужского (§ 59), однако в языке имеется суффикс (повидимому, заимствованный из „протохаттского“) -ṣara-, с помощью которого iṣḡa-ṣara- „госпожа“ отличается от iṣḡa- „господин“ (Ehelolf, ZA, NF 9, 184 и сл.).

56. С суффиксом -иппа- (-ипа-) образуются прежде всего имена по месту происхождения: URUḡattuṣumna- „человек из Хаттуша“, URUPalaumna- „человек из Пала“, URULuimna- „лувиец“ (Hrozný, С. Н., 16³, с указ. лит.; Sommer, HAB, 169 и сл.).

57. В именах встречаются удвоение и повторение: ḡalḡaltu-ḡari- „краеугольный камень“, titita- „нос“, duddumi- „глухой“, meḡal „крупа, каша“, ḡarṣiḡarṣi „гроза“, ḡariḡarant- наряду с ḡarant- „горящий, пылающий“, akuḡakuḡa- „лягушка (?)“.

58. Сложные слова встречаются очень редко: da-iḡa- „двухлетний“, ḡuḡḡa-ḡanna- „дед и бабушка“ (Friedrich, AfOr., 4, 95); возможно, название птицы pitlar-palḡi-, если действительно „ширококрылый“ (Friedrich, ZA, NF 5, 36).

2. Склонение

59. В хеттском языке различаются два рода — общий (genus commune — мужской-женский, личный род), в котором древние мужской и женский род совпали (Pedersen, Hitt., § 8—12), и средний (genus neutrum — неличный род).

60. Имеются два числа: единственное и множественное. Возможные остатки двойственного числа, например ṣakuḡa „глаза“, склоняются как множественное число.

61. Падежей в языке шесть: именительный, винительный, родительный, дательный-мстный, аблатив и творительный. Большинство падежных форм правильно определено еще Грозным (Spr. d. H.). Литературу относительно аблатива см. Friedrich, Heth., 28. Относительно употребления падежей см. § 213—229.

62. Обзор падежных окончаний (Pedersen, Hitt., § 13 и сл.):

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	-š (-s)	-es, -uš, -aš ³
Вин. общ.	-n	-uš
Им.-вин. ср.	—, -n ¹	—, -a, -i
Род.	-aš (редко -s ²)	-aš, -an
Дат.-местн.	-i, -a (—?)	-aš
Абл.	-az(a)	-az(a)
Твор.	-it	-it

63. Наряду с этим встречается иногда еще старая неконтрагированная форма дательного-местного падежа на -ai: *Ḫabarnai* „Лабарне“, *tagnai* „к земле“, *ḫaššannai* „роду (*ḫaššatar*)“ (Sommer-Ehelolf, Pap., 75³; Sommer, HAB, 21).

64. а) Обычно форма дательного-местного падежа оканчивается на -i. Как местный падеж (но не как дательный) нередко встречаются также формы на -a: *aruna* наряду с *aruni* „к морю“, *rapna* и *rapni* „в доме“ (с притяжательными местоимениями всегда *rap-pašša* „в своем доме“, *rapnašša* „в моем доме“), *lahḫa* и *lahḫi* „в поход“, *giinri* и *giinra* „в поле“ (Sommer, HAB, 70, 94, 144, 187).

б) У основ на -i- мы находим -ja: *tuzziya* „к войску“, *ḫiçašija* (наряду с *ḫiçaši*) „к межвому камню“, *ḫulukanniya* (наряду с *ḫulukanni*) „в носилках“ (Sommer-Ehelolf, Pap., 11).

в) Можно предпологать (но без уверенности) наличие формы без окончания для дательного-местного падежа единственного числа у основ на согласный: *È-ir* „в доме“ (Ges., § IX; Sommer, HAB, 96).

65. Аблатив единственного числа оканчивается иногда также на -anza: *luttanza* „из окна“, *perišanza* „с неба“, *ḫaššannanza* „из рода“ (*ḫaššatar*) (§ 33).

66. Творительный падеж единственного числа оканчивается иногда на -ta: *kiššarit* и *kiššarta* „рукой“, *uḫenit* и иногда *uḫanda* „водой“, *ištamanta* „ухом“ (Ehelolf, IF, 43, 316 и сл.; возможно, его следует объяснить по § 25 а).

67. Именительный и винительный падежи множественного числа имеют тенденцию к взаимному уравниванию (Friedrich, ZA, NF 5, 34 и сл.):

¹ Sommer, AU, 164.

² -s только в род. п. ед. ч. UD-az = *UD-at-s (§ 80), а также в *nekuz meḫur* „вечер“, собственно „время (meḫur) вечера (*nekut-s)“. Формы родительного падежа древнего языка *Ḫunnuš* и *Ḫaruḫuš* объясняются по § 17а.

³ Friedrich, Staatsv., I, 36 и сл.

а) именительный падеж множественного числа выступает как винительный: *paḡaḡeš* „высокие“ (КВ), IV, 4; IV, 30), *ḥuprušheš* „алтари“ (КВ), V, 2; IV, 29), *dalūḡaeš* „длинные“ (XXI, 27; III, 35, 33);

б) винительный падеж множественного числа выступает как именительный: *paḡanduš* „загнанные, гонимые“ (I, 11; IV, 22; I, 13; II, 15 и многократно в „Лошадиной книге“), *damauš* „другие“ (Hatt., I, 33).

68. У родительного падежа множественного числа (и родительного падежа единственного числа) встречается также старое окончание -an: *šūpan* „богов“, *ŠEŠ^{MEŠ}-na* SAL + KU^{MEŠ}-na *ištarna* „(как) между братьями, так (между) сестрами“, *īḗ^{MEŠ}-amman* < **īḗ^{MEŠ}-an-pan* „моих слуг“, *LUḡAL-an* „царя“, *LUḲUR-an* „врага“, *Ḳabarnan* „Лабарны“ (Ehelolf, ZA, NF 9, 173 и сл.; Sommer, HAB, 256).

69. Основы на -a- (и -a-)

а) Существительные

Общ. р.: *antuḥša-* „человек“, *atta-* „отец“, *anna-* „мать“, *aruna-* „море“, *tešja-* „сын“, *išja-* „господин“ (Sommer, *Aḥḥija-vafrage* u. Sprachw., 83 и сл.; Pedersen, *Hitt.*, § 28).

Ср. р.: *peḏa-* „место“.

Ед. ч.	Общий род					Средний род	
Им.	<i>antuḥšaš</i>	<i>attaš</i>	<i>annaš</i>	<i>išjaš</i>	<i>arunas</i>	<i>tešjaš</i>	<i>peḏan</i>
Вин.	<i>antuḥšan</i>	<i>attan</i>			<i>arunan</i>	<i>tešjan</i>	<i>peḏan</i>
Род.	<i>antuḥšaš</i>	<i>attaš</i>	<i>annaš</i>		<i>arunas</i>		<i>peḏaš</i>
Дат.-местн.	<i>antuḥši</i>	<i>atti</i>	<i>anni</i>	<i>išḥī</i>	<i>aruni</i> (<i>faruna</i>)		<i>peḏi</i>
Абл.	<i>antuḥšaz</i>				<i>arunaz</i>	<i>tešjaz</i>	
Твор.						<i>teš'jit</i>	
<i>Мн. ч.</i>							
Им.	<i>antuḥšeš</i> (<i>antuḥsuš</i>)	<i>adduš</i> (<i>attiš</i> , <i>addas</i>)	<i>anniš</i>	<i>išheš</i>			
Вин.	<i>antuḥšuš</i>	<i>attus</i>	<i>annuš</i>		<i>arunuš</i>	<i>tešhuš</i>	
Род.	<i>antuḥšas</i>						
Дат.-местн.	<i>antuḥšaš</i>	<i>attaš</i>		<i>išjaš</i>			

70. Основы на -а-

б) Прилагательные

Прилагательные склоняются так же, как и существительные. В отношении чередования окончаний -an и -a в именительном-винительном падеже единственного числа среднего рода никакого правила не установлено:

dannatta- „пустой“, araḥzena- „соседний“, kunna- (ZAG-(n)a)- „правый“, marša- „плохой, дурной“.

Ед. ч.

Им. общ.		araḥzenaš	kunnaš	maršaš
Вин. общ.	dannattan	araḥzenan	ZAG-an	maršan
Им.-вин. ср.	dannattan (dannatta)		kunnan (ZAG-na, ZAG-an)	marša
Род.		araḥzenaš	ZAG-naš	maršaš
Дат.-местн.	dannatti	araḥzeni	kunni	
Абл.		araḥzenaza	kunnaz (ZAG-naz (a))	
Твор.			ZAG-(n)it	

Мн. ч.

Им. общ.	dannatteš	araḥzeneš (araḥzenaš)
Вин. общ.		araḥzenuš (araḥzenaš)
Им.-вин. ср.	dannatta	araḥzena
Род.		
Дат.-местн.	dannattaš	

71. Основы на -i-

а) Существительные

Общ. р.: ḥalki- „(зерновой) хлеб“, tuzzi- „войско“, tuli- „заседание суда“, ḥulukanni- „носилки (?)“, ḥalḥaltumarī- „краеугольный камень“.

Ср. р.: ḥuḍaši- „межевой камень“, iṣpantuzzi- „сосуд для вина“.

Общий род

Ед. ч.

Им.	ħalkiš	tuzziš (tuzzijaš ¹ , КВо, II, 5; II, 13)	ħulukanniš	
Вин.	ħalkin	tuzzin	tulijan ¹	ħulukannin
Род.	ħalkijaš	tuzzijaš		
Дат.- местн.		tuzzija	tulija	ħulukanni(ia) ħalħaltumari(ia)
Абл.		tuzzijaz		ħulukannijaza
Твор.	ħalkit			ħulukannit

Мн. ч.

Им.	ħalkēš			ħalħaltumareš
Вин.	ħalkiuš	tuzziuš		
Род.				ħalħaltumarijaš
Дат.- местн.				ħalħaltumarijaš

Средний род

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.-вин.	ħuçaši	išpantuzzi	ħuçaši
Род.	ħuçašijaš	išpantuzzijaš	
Дат.-местн.	ħuçašija (ħuçaši)	išpantuzzi(ia)	
Абл.	ħuçašijaz	išpantuzzijaz	
Твор.		išpanduzzit	

72. Существительные на -ai-

а) Склоняются с чередованием гласных (Ablaut; § 18): lengaiš „клятва“, вин. п. ед. ч. lengain, но род. п. ед. ч. linkijaš (Sommer, AU, 356; Sturtevant, Mél. Ped., 57 и сл.; Pedersen, Hitt., § 32).

б) Встречаются единичные образования по аналогии, как, например, lengajaš по именительному и винительному падежу единственного числа или, наоборот, вин. п. ед. ч. zaħħin по родительному падежу единственного числа (Sommer, AU, 356).

73. Общ. р.: zaħħai- „битва“, lengai- „клятва“, zašħai- „сон“. Ср. р.: ħaštai- „кость“.

¹ Образование по аналогии с основами на -a-.

<i>Ед. ч.</i>	Общий род		Средний род
Им.	zahhais		ħaštai
Вин.	zahhain (zahhin ¹)	lingain	ħaštai
Род.	zahhijaš	linkijaš (lingajiaš ²)	
Дат.-местн.	zahhija	linkija (lengai)	ħastai
Абл.	zahhijaz(a)	linkijaz(a)	
Твор.		zašhit	ħaštīt
<i>Мн. ч.</i>			
Им.			
Вин.		lingauš ³	
Род.			ħaštijaš

74.

Основы на -i-

б) Прилагательные

а) Склонение прилагательных с основами на -i- и -u- отличается от склонения существительных тех же основ присоединением **а** перед падежными окончаниями во всех падежах, за исключением именительного, винительного и творительного падежей единственного числа (Sommer-Ehelolf, Pär., 75 и сл.).

б) Единичные формы без этого **а** представляют собой образования по аналогии с существительными.

75. šalli- „большой“, šuppi- „чистый“, mekki- „многий“, nakki- „тяжелый, важный“, karuili- „старый“.

<i>Ед. ч.</i>					
Им. общ.	šalliš	šuppiš	mekkiš	nakkiš	karuiliš
Вин. общ.	šallin			nakkin	karuilin
Им.-вин. ср.	šalli	šuppi	mekki	nakki	karū(i)li
Род.	šallajaš (šallaš ¹)	šuppajaš			karūilijaš
Дат.-местн.	šallai	šuppai (šuppi)			
Абл.	šallajaz	šuppajaz(a) (šuppaz(a) ² , šuppijaz)	meqqajaz		karūilijaz
Твор.		šuppit		nakkīt	

¹ KBo, V, 6; III, 29; KUB, IV, 1; III, 14. См. § 726.

² KBo, IV, 4; IV, 60, 68; KUB, XIV, 17; II, 13. См. § 726.

³ Не ясно: zašhimuš (VII, 5; IV, 6; VII, 53; III, 17).

⁴ § 15.

<i>Мн. ч.</i>					
Им. общ.	šallacš (šallauš ¹)	šuppaes	meggaeš	nakkeš	karu(i)leš (karuiliuš)
Вин. общ.	šallauš	šuppauš	meggauš (mekkuš)		
Им.-вин. ср. Род.	šalla	šuppa	meggaja meqqaiaš		karuila (2 Pestge- bet, § 3) karuilijaš
Дат.-местн.	šallajaš	šuppaiaš (šuppijaš)			
Абл.		šuppaiaza			

76.

Основы на -и-

а) Существительные

Общ. р.: ħeu- „дождь“, kutru- „свидетель“.

Ср. р.: genu- „колени“.

Общ. и ср. р.: ħarnaui- „ложе родильницы“, ħellu- „луг“.

	Общий род	Средний род	Общий и средний род
<i>Ед. ч.</i>			
Им.	ħeuš		ħarnauiš ħelluš
Вин.	ħeun		ħarnain ³ ħellun
Им.-вин. ср.		genu	ħarnau ħellu
Род.	ħeuiš (ħeuijaš ²)		ħarnauijaš
Дат.-местн.		kutruui	ħarnaui ħellui
Абл.			
Твор.			ganut(?) (Ehelolf, IF, 43, 317 ³)

Мн. ч.

Им.	ħeuiš	kutruēš	
Вин.	ħeuš		
Им.-вин. ср.			genuia
Род.			genuiaš
Дат.-местн.			genuiaš
Абл.			genuiaz

О единичных формах родительного падежа единственного числа на -uiš вместо -uijaš см. 17а.

¹ § 67б.² XXV, 23; IV 52. Возможно, образование по аналогии с прилагательными.³ Образование по аналогии с основами на -i-.

77.

Основы на -u-

б) Прилагательные

а) Так же как и в склонении прилагательных с основой на -i-, перед падежными окончаниями здесь появляется **a** (Sommer-Ehelolf, Par., 75 и сл.).

б) Формы, встречающиеся иногда без этого **a**, также представляют собой образования по аналогии с существительными; особенно это понятно для aššu- „добрый“, поскольку форма ср. р. aššu употребляется как существительное со значением „добро, имущество“ (Sommer, HAV, 69).

78. aššu- „добрый“, parku- „высокий“, idālu- „злой“.

	<i>Ед. ч.</i>			<i>Мн. ч.</i>		
Им. общ.	aššuš	parkuš	idaluš	aššaṣeš	pargaṣeš	idalauṣeš
Вин. общ.	aššun	parkun	idalun	pargauš	idalamuš	(pargamuš ²)
Им.-вин. ср.	aššu	parku	idālu	aššaṣa		idalaua
Род.	aššaṣaš					idalauaš
Дат.-местн.	aššaṣai	pargaṣe	idalauai	pargaṣaš		idalauaš
	(aššui)					(idalauaš)
Абл.		pargaṣaz	idalauaz			

79. Основу на гласный представляет собой также -udne- (ср. р.) „страна“. Склонение этого слова, сходное со склонением основ на -i-, приводим отдельно:

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им.-вин.	udne	udne
Род.	udneaš (udnijaš)	
Дат.-местн.	udne (udnija)	KUR-eaš
Абл.	udneaz	

80.

Основы на -(t)-

Общ. р. kartimmiiatt- „гнев“, duškaratt- „радость“, anijatt- „выполнение, деяние“ (также ср. р.), kašt- „голод“, uett- „год“ [идеограмма MU (.KAM)], šiṣatt- „день“ [также ср. р.; идеограмма UD (.KAM)] (Götze, Madd., 78 и сл.; Ehelolf, ZA, NF 9, 181 и сл., с указ. лит.).

¹ КВо, III, 8; III, 22. См. § 676.

² § 196.

<i>Ед. ч.</i>					
Им.	kartim- dušgaraz mijaz ¹	anijaz	kašza ³	MU.ҚАМ-za	UD-az
Вин.	kartim- dušgara- miјattan ttan	aniјattan	kaštan	MU-an	UD.ҚАМ-an
Им.- вин. ср.					UD-at
Род.		tuškarattaš anijattaš		MU.ҚАМ-aš	UD-aš (UD-az ⁵)
Дат.- местн.		aniјatti	kašti	uitti	šiјatti
Абл.	duška- rattazza			MU.ҚАМ-za	UD.ҚАМ-az
Твор.			kaštita		
<i>Мн. ч.</i>					
Им.				MU ^{Н.А.} -uš ⁴	UD.ҚАМ ^{Н.А.} - uš ⁴
Вин.	kartim- miјadduš			MU ^{Н.А.} -uš	UD ^{Н.А.} -uš
Им.- вин. ср.		aniјatta ²			
Род.				MU ^{Н.А.} -aš	
Дат.- местн.		aniјattaš		MU ^{Н.А.} -aš	UD ^{Н.А.} -aš

81. Основы на -nt-

hūnant- „каждый, всякий“, appant- „пленный, пойманный“,
hāndant- „установленный, приложенный“, hūiṣqant- „живущий,
живой“ (и все остальные причастия).

<i>Ед. ч.</i>					
Им. общ.	hūmanza	appanza	hāndanza	hūiṣqanza	
Вин. общ.	hūmantan	appantan	(hāddanza ⁶)	hūiṣqandan	
Им.-вин. ср.	hūman		hāndan		
Род.	hūmandaš		hāntandaš		
Дат.-местн.	hūmanti		hāndānti	hūiṣqanti	
Абл.	hūmandaz (hūmantaza)				
Твор.	hūnantet				

¹ § 28a.

² Переход в средний род.

³ § 25a.

⁴ § 67б.

⁵ § 62, прим. 2.

⁶ § 32.

Мн. ч.

Им. общ.	ḥumanteš	appanteš	ḥandanteš	ḥuišyanteš
Вин. общ.	ḥumanduš (ḥumanteš ¹)			ḥuišyanduš (ḥušyanduš ³)
Им.-вин. ср.	ḥumanda	appanti ²		
Род.	ḥūmandaš			
Дат.-местн.	ḥumandaš			

82.

Оснoвы на -п-

Частично с аблаутом (§ 18): ḥenkan- „смерть“, šaḥḥan- „плата за пользование землей“, lam(a)n- „имя“, tekan- (tagn-) „земля“. Все основы среднего рода.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.-вин.	ḥenkan	šaḥḥan	laman	tekan	
Род.	ḥinganaš	šaḥḥanaš		tagnaš	
Дат.-местн.	ḥingani	šaḥḥani	lamni	tagnī (tagna ⁴)	lamnaš
Абл.	ḥinganaz	šaḥḥanaz(a)		tagnāz(a)	
Твор.		šaḥḥanit	lamnit		

Основу на -п- общего рода представляет собой SAL-п- „женщина“.

Ед. ч.

Мн. ч.

Им.	SAL-za	
Вин.	SAL-nan, SAL-an	SAL ^{MES} -uš
Род.	SAL-naš, SAL-aš	
Дат.-местн.	SAL-ni, SAL-i	SAL ^{MES} -aš
Абл.	SAL-annaza (XXIV, 13; II, 15)	

О звуковом облике этого всегда идеографически представляемого слова нам почти ничего неизвестно. Гёце и Педерсен (Murš. Sprachl., 65) пытаются на основе этимологических заключений реконструировать из форм род. п. (?) ед. ч. (?) SAL-ú-i-na-aš (IX, 39; I, 2) и вин. п. ед. ч. SAL-ú-i-na-an (XXX, 15; I, 28) основу kün-, но это весьма сомнительно; скорее, мы имеем здесь темное по своему значению слово šalūina-.

¹ КВо, IV, 13; VI, 13 и сл. См. § 67a.

² КВо, III, 4; IV, 20. См. § 62.

³ § 16.

⁴ § 64a (Sommer-Eheolf, Pär., 67).

83. Основы на -l-

Существительные (все среднего рода): *çaštul* „грех“, *išhiul* „договор“, *taçal* „какой-то напиток“, *tajazil* „кража“.

Прилагательные: *takšul* „дружественный“.

Существительные

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>			
Им.-вин.	<i>çaštul</i>	<i>išhiul</i>	<i>taçal</i>	<i>tajazil</i>	<i>çašdul</i> ^(НЛ.А)	<i>išhiula</i>
Род.	<i>çaštulaš</i>	<i>išhiulaš</i>	<i>tačalaš</i>	<i>tajazilaš</i>		
Дат.-местн.	<i>çaštuli</i>		<i>tačali</i>			
Абл.		<i>išhiullaza</i>				
Твор.	<i>çašdulit</i>		<i>tačalit</i>			

Прилагательные

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	<i>takšul</i>	
Вин. общ.		
Им.-вин. ср.	<i>takšul</i>	<i>takšul</i>
Род.	<i>takšulaš</i>	
Дат.-местн.	<i>takšuli</i>	

84. Основы на -r-

Прилагательные: *kurur* „враждебный“ (существительное ср. р. „вражда“), *šakučaššar* „правильный“.

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
Им. общ.	<i>kurur</i>	<i>šakučaššaraš</i>	<i>kurur</i>	<i>šakučaššaruš</i> ²
Вин. общ.		<i>šakučaššaran</i>		
Им.-вин. ср.	<i>kurur</i>	<i>šakučaššar</i>	<i>kurur(i)</i> ¹	<i>šakučaššari</i> ¹
Род.	<i>kururaš</i>	<i>šakučaššaraš</i>	<i>kururaš</i>	
Дат.-местн.	<i>kururi</i>			
Абл.		<i>šakučaššaraza</i>		
Твор.		<i>šakučaššarit</i>		

¹ Götze, *Murš.-Ann.*, 223.

² § 676.

85. Основы на -г,п-

Эта группа основ, известная другим индоевропейским языкам лишь в виде отмирающих пережитков (лат. femur, feminis „бедро“, др.-инд. údhar, udhnaś „вымя“), в хеттском языке является еще очень живой и продуктивной (Hrozný, MDOG, 56, 24 и сл.; он же, Spr. d. H., 64 и сл.). Все относящиеся сюда основы среднего рода.

Для лучшей наглядности мы различаем следующие подгруппы:

86. а) Отдельные имена, частично с аблаутом,
частично без него

uttar „слово, дело“, ešhar „кровь“, lammar „час“, çatar „вода“, paḥḫu(ça)r „огонь“, meḫur „время“.

Ед. ч.

Им.-вин.	uttar	ešhar	lammar	çatar	paḥḫu(ça)r ³	meḫur
		(ešsar ¹)				
Род.	uddanaš	ešhanaš		çetenaš	paḥḫuenaš	meḫunaš
		(ešnaš)				
Дат.-местн.	uddani	ešhani	lamni	çeteni	paḥḫu(e)ni ⁴	meḫu(e)ni ⁴
Абл.	udda-	ešha-		çetenaz(a)	paḥḫu(e)-	
	naz(a)	naz(a)		naz(a)	naz(a)	
Твор.	uddanit	ešhanta ²		çetenit	paḥḫuenit	
				(çedanda ²)		
	(uddanta; XXX, 10; I, 18 и сл.; § 66)					

Мн. ч.

Им.-вин.	uddār		çidār
Род.	uddanaš		
Дат.-местн.	uddanaš		meḫunaš

87. б) Абстрактные на -ātar и -tar

raprātar „запятнание, осквернение“, šullātar „спор, ссора“, laḥḫiātar „поход“, zankilātar „возмещение, наказание, штраф“, ḫiitar „животный мир“ (все с аблаутом, -tn- почти всегда ассимилировано в -пп-; см. § 36а).

¹ § 30.

² § 66.

³ § 17а.

⁴ § 16.

Ед. ч.

Им.-вин.	paṛrātar	ṣullātar	laḥḥijātar	zankilātar	ḥuitar
Род.	paṛprannaṣ				ḥuitnaṣ
Дат.-местн.	paṛpranni	ṣullanni	laḥḥijanni	zankilanni	
Абл.	paṛpran-	ṣullan-			
	naz(a)	naz(a)			
Твор.					ḥuitnit

Мн. ч.

Им.-вин.					zankilātar(ri) ^{НЛ.А¹}
----------	--	--	--	--	--

88. в) Абстрактные на -eššar

Также регулярно имеют аблаут: ḥanneššar „судебное дело“, uppeššar „послание, посылка“.

*Ед. ч.**Мн. ч.*

Им.-вин.	ḥanneššar	uppeššar	uppeššar ^{НЛ.А¹}	(uppeššarri) ^{НЛ.А¹}
Род.	ḥannešnaṣ			
Дат.-местн.	ḥannešni	uppešni		
	(ḥannaššani ²)			
Абл.	ḥannešnaz			
Твор.	ḥannešnit			

89. г)² Слова на -цаг

Также с аблаутом; до сих пор засвидетельствованы только в единственном числе: ašaṣar „загон для скота“, partaṣar „крыло“.

Им.-вин.	ašaṣar	partaṣari
Род.		partaunaṣ
Дат.-местн.	ašauni	
Абл.	ašaunaz	
Твор.		partaunit

90. С этой группой не следует смешивать склоняемый инфинитив, о котором см. § 203—205.

91. Различные основы на согласные

peṛiṣ „небо“, aiš „рот“ (§ 18; Sommer, Hirtfestschr., II, 291 и сл.), išgaruḥ „сосуд для вина“. Все эти слова среднего рода, до сих пор засвидетельствованные только в единственном числе.

¹ Götze, Murs.-Ann., 223.

² КВо, III, 6; I, 34. См. § 11а, 27.

Им.-вин.	periš	aiš	išqaruḥ
Род.	perišaš	iššaš	
Дат.-местн.	periši	išši	išqaruḥi
Абл.	perišaz(a)	iššaz	
Твор.		iššit	išgaruḥit

92. Смешение различных классов склонения.

а) Слова: memija(n)- „слово“, arkamma(n)- „дань“, ḥara(n)- „орел“ (все общего рода) склоняются то как основы на -а-, то как основы на -п- (литературу см. Friedrich, Heth., 28; Pedersen, Hitt., § 35).

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
Им.	memijaš	arkammaš	ḥaraš	
Вин.	memijan	arkamman	ḥaranan	memijaš (memija- nuš)
Род.	memijanaš	arkamma- naš	ḥaranaš	arkammuš (argama- nuš)
Дат.-местн.	memijani (memini ¹)			
Абл.	memijanaz (meminaz ¹)			

б) Со склонением этой группы можно сопоставить смешение основы на -г-: pir (Ē-ir) „дом“ (по § 84) с основой на -п-: parna- „дом“ (Ehelolf, Za, NF 185¹; Sommer, HAB, 111, 144):

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им.-вин. ср.	Ē-ir, pir	Ē-ir (Sommer, HAB, 111)
Род.	parnaš	
Дат.-местн.	Ē-ri, parni, parna (Ē-na)	parnaš (Ē-naš)
Абл.	Ē-irza, parnaza	

в) Неясное как по типу строения основы, так и по значению сочетание ḥašša ḥanzašša „внук и правнук“ (?)¹ склоняется также несколько необычно (Friedrich, Staatsv., I, 165 и сл., 181; II, 36 и сл.).

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им.	ḥašša ḥanzašša	ḥaššeš ḥanzaššes (Sommer, HAB, 152)
Вин.	ḥašša ḥanzašša	ḥaššuš ḥanzaššuš, ḥaššaš ḥan- zaššaš

¹ § 14а.

Дат.-местн.	ḥašši ḥanzašši ḥaššaš-šaš ḥanzaššaš-šaš (с притяжательным местоимением)
Твор.	ḥaššet ḥanzaššit

93. Иноязычные влияния в хеттском склонении.

а) Относительно склонения имен собственных по аккадскому типу см. § 347.

б) В хеттском контексте иногда встречается лувийская форма винительного падежа множественного числа на -anza: pinta₂za „вёсла (?)“ (Sommer, см. у Friedrich, Za, NF 5, 57), SAL^{MEŠ} dašpa₂anza „женщины-dašpa₂“ (Sommer, AU, 280¹, 304).

в) Хуррийский направительный падеж на -ta (например, 'Ma-neta „к Мане“; Messerschmidt, Mitanni-Studien, 1899, S. 7) встречается в хеттском языке у слов хуррийского происхождения как дательный-местный падеж единственного числа на -ti (-ti): uzu-ḥri- „трава“, uzuḥriti „на траву, на дерн“ (Sommer, OZ, 1939, 623, 687 и сл..)

3. Способы выражения степеней сравнения

94. Особых суффиксов для выражения степеней сравнения (как это имеет место в других индоевропейских языках) в хеттском языке в общем не существует; сравнение выражается обычно с помощью синтаксических средств, как в семитических языках или же в египетском (§ 232 и сл.).

95. а) Суффикс сравнительной, вернее, превосходной степени -zi- (Sommer, см. у Götze, Hatt., 91) сохранился только в словах: ḥantezzi- „передний, первый“, appezzi- „задний, последний“, šarazzi „верхний“, а также в šanezzi- „хороший, сладкий“ (Eheler, OZ, 1933, 4 и сл.; см. § 54r).

б) Иначе образовано, но с той же функцией, kattera- „нижний“.

96. kattera- склоняется как прилагательное с основой на -a-; остальные — частично как существительные с основой на -i- (Sommer, HAV, 94¹), частично же как основы на -ja-; см. следующую парадигму:

Ед. ч.

Им. общ.	ḥantezziš	appezziš	šarazziš	šanezziš	katteraš
	(ḥantezzi- aš)	(appezzi- aš)			
Вин. общ.	ḥantezzin	appezzin		šanezzin	katteran
	(ḥantezzi- an)	(appezzi- an)			

Им.-вин. ср.	ḥantezzi	EGIR-zi	šarazzi	šanezzi	kattera
Род.	ḥantezzijaš				
Дат.-местн.	ḥantezzi	appizzija	šarazzi		katteri
Абл.	ḥantezzijaz	appizzijaz	šarazzijaz	šanizzijaz	
Твор.				šanizzit	
<i>Мн. ч.</i>					
Им. общ.	ḥantezzēš	appizzeš	UGU-azziš		katterruš
	(ḥantez- ziuš ¹)		(UGU-azzi- uš)		
Вин. общ.	ḥantezziuš			šanizziuš	
Им.-вин. ср.				šanizzi	
Род.					
Дат.-местн.	ḥantezzijaš				

МЕСТОИМЕНИЕ

1. Личные местоимения

97. а) Ударенные формы 1-го и 2-го лица (Hroz-ny, Spr. d. H., 97—119; С. Н., 157):

	„Я“	„ТЫ“	„МЫ“	„ВЫ“
Им.	uk (ugga), ammuk	zik (zigga, ziqqa)	çeš (anzaš)	šumēš (šumāš)
Вин.	aminuk (am- mugga, ammuqqa)	tuk (tugga, tuqqa)	anzāš	šumāš (šumēš)
Род.	ammēl	tuēl	anzēl	šumēl (šumēn- zan)
Дат.-местн.	ammuk (uga, uqqa)	tuk (tuga)	anzaš	šumāš (šumēš)
Абл.	ammēdaz(a) (ammētaž(a))	tuēdaz (tuētaž(a))	anzēdaz (anzidaž(a))	šumēdaz

98. В древнем языке в качестве именительного падежа употребляются только формы uk, çeš и šumēš; формы ammuk, anzāš и šumāš — лишь в качестве дательного и винительного падежей. В языке „Нового царства“ формы винительного падежа выступают также в роли именительного, так что формы uk и çeš оказались почти вытесненными. Встречающееся употребление формы им. п. šumēš также в роли винительного соответствует аналогичному употреблению именных форм (§ 67a). Благодаря

¹ XXI, 27; I, 16. См. § 676.

тождественности местоименного винительного падежа с дательным форма *šumeš* проникает затем и в дательный падеж (XXVI, 12; II, 25). Как параллель этому встречается также употребление формы *uga* в качестве дательного падежа (Sommer, AU, 33); *zik* и *tuk* никогда друг с другом не смешиваются.

В древнем языке встречается только *šumenzan* „vestri“ (род. п. 2-го лица мн. ч.); формы *šumel* и *anzel* представляют собой позднейшие новообразования (Sommer, HAB, 77).

99. В качестве ударенного местоимения 3-го лица служит ара- „is“ (§ 118 и сл.).

100. Суффикс *-il(a)* выражает наше „сам“: *ukila* „я сам“, *zikila* „ты сам“, *arāšila* „он сам“ (с показателем вин. п. мн. ч. *arāšiluš*), *šumāšila* „вы сами“ (Sommer, Heth., II, 48; Sommer, HAB, 141³).

101. б) Энклитические формы дательного и винительного падежей (*Hrozný, Spr. d. Heth.*, 120 до 133):

-tu „мне, меня“	-naš „нам, нас“
-ta (перед <i>-za</i> дает <i>-du</i> ; § 45) „тебе, тебя“	-šmaš „вам, вас“
-ši „ему, ей, себе“ (только дат. п.)	-šmaš „им“ (только дат. п.)

102. Примеры с *tu* „и“: *tu-tu* „и мне, меня“, *tu-ta* „и тебе, тебя“ (§ 43), *tu-šši* „и ему“, *tu-pnaš* „и нам, нас“, *tu-šmaš* „и вам, вас, и им“.

103. в) Возвратное местоимение выражается при помощи соответствующего личного местоимения или же посредством частицы *-za* (§ 252 и сл.).

104. г) Энклитическая местоименная основа *-a* „он, она, оно“. Для именительного и винительного падежей местоимений 3-го лица существуют особые энклитические формы от основы *-a*, которые выступают в общей парадигме с формами *-ši* „ему“ и *-šmaš* „им“ (§ 101; *Hrozný, Spr. d. H.*, 141 и сл.):

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	-aš	древнее <i>-e</i> , позднее <i>-at</i>
Вин. общ.	-an	древнее <i>-uš</i> , позднее <i>-aš</i>
Им.-вин. ср.	-at	-at (древнее <i>-e</i>)

105. Для именительного падежа множественного числа общего рода в древнем языке сохранилась индоевропейская форма местоименного именительного падежа множественного числа

мужского рода в виде $-e < *o-i$; в языке „Нового царства“ вместо нее выступает форма единственного, а затем и множественного числа ср. р. $-at$ (Friedrich, ZA, NF 2, 289 и сл.).

106. pu „и“, так же как и архаическое ta „и“ и $\dot{s}u$ „и“ (§ 320), сочетаясь с этими формами, дают, согласно § 40 и сл., $p-a\dot{s}$, $t-a\dot{s}$, $\dot{s}-a\dot{s}$ „и он, она“, $p-at$, $t-at$ „и оно“, $p-an$, $t-an$, $\dot{s}-an$ „и его, ее“, $p-e$, $\dot{s}-e$, $p-at$ „и они“ (им. п. мн. ч.), $p-u\dot{s}$ ($p-a\dot{s}$), $t-u\dot{s}$ ($t-a\dot{s}$), $\dot{s}-u\dot{s}$ ($\dot{s}-a\dot{s}$) „и их“ (вин. п. мн. ч.).

107. В сочетании с pu и частицей в цитируемой речи $-ца(r)$ (§ 292 и сл.) возникают: $pu-цаr-a\dot{s}$ „и он (она)“, $pu-цаr-at$ „и оно“, $pu-цаr-i$ „и они“ (им. п. мн. ч.; $-i$ вместо $-e$, § 9a).

108. От параллельной основы $i-$ „он“ (= лат. *is*) сохранилась, возможно, форма ср. р. it „оно, это“ в сочетании $petta$ „и это тебе“ ($< *pu-it-ta$) (Friedrich, Za, NF 2, 292 и сл.).

109. $-a\dot{s}$, $-at$ и т. д. иногда встречаются с удвоением: $pa\dot{s}\dot{s}i-ja\dot{s}$ (т. е. $*pu-a\dot{s}\dot{s}i-a\dot{s}$) наряду с $pa\dot{s}\dot{s}i$ (т. е. $*pu-a\dot{s}\dot{s}i$) „и он ему“, $pa\dot{s}\dot{s}i\dot{j}at$ (т. е. $*pu-at\dot{s}i-at$) наряду с $pa\dot{s}\dot{s}i$ (т. е. $*pu-at\dot{s}i$) „и оно ему“ (Götze, NBr, 19 и сл.).

110. д) Ударенное местоимение 3-го лица. От основы $\dot{s}i-$ „он, она, оно“ встречаются только следующие косвенно-падежные формы единственного числа (Sommer, HAB, 78):

Род.	$\dot{s}\dot{e}l$ (2 BoTU, 8; II, 47)
Дат.-местн.	$\dot{s}\dot{e}tani$ (Madd. Rs., 36)
Абл.	$\dot{s}\dot{e}z$ (IX, 31; I, 14)

Энклитические формы дат. п. $-\dot{s}i$ и $-\dot{s}pa\dot{s}$ (§ 101) могли принадлежать к этой же основе.

111. Форм именительного и винительного падежей от основы $\dot{s}a-$ не существует. Характерные для древнего языка формы единственного числа им. п. общ. р. $\dot{s}a\dot{s}$, вин. п. общ. р. $\dot{s}an$ и формы множественного числа им. п. общ. р. $\dot{s}\dot{e}$, вин. п. общ. р. $\dot{s}u\dot{s}$ ($\dot{s}\dot{a}\dot{s}$), которые в течение долгого времени рассматривались как целостные местоименные формы (Götze, Madd., 137, с указ. лит.), представляя собой, скорее, сочетания скудно представленного союза su „и“ (присущего древнему языку; § 320) с энклитическим местоимением $-a-$ (§ 104), аналогичные сочетаниям с pu „и“ (§ 106; Sommer, HAB, 78; Pedersen, Hitt., § 55).

2. Притяжательные местоимения

112. В языке „Нового царства“ в значении притяжательных местоимений употреблялись обычно формы родительного падежа личных местоимений: *ammel attas* „мой отец“, *tuēl anni* „твоей матери“ и т. д.

113. Но в древнем языке существовали и особые притяжательные местоимения, которые в застывших оборотах сохранялись и в более поздние периоды. Они всегда энклитичны: *-mi* „мой“, *-ti* „твой“, *-ši* „его, ее“, *-šmi-* „ваш“, *-šmi-* „их“. Для 1-го лица мн. ч. до сих пор не засвидетельствовано притяжательного местоимения (Hrozný, Spr. d. H., 123—133; Friedrich, ZA, NF 2, 52; Friedrich, Staatsv., I, 81²).

114. Эти притяжательные местоимения склоняются по типу основ на *-i*, с частыми переходами в склонение основ на *-a*-

<i>Ед. ч.</i>	1	2	3	2	3
Им. общ.	<i>-miš</i>	<i>-tiš</i>	<i>-šiš</i>		
Вин. общ.	<i>-min</i> (<i>-man</i>)	<i>-tin</i>	<i>-šin</i> (<i>-šan</i>)		<i>-šman</i> „их“
Им.-вин. ср.	<i>-met</i>	<i>-tet</i>	<i>-šet</i>	<i>-šemet</i> „ваше“	<i>-šemet</i> (<i>-šmet</i> , <i>-šamit</i> , <i>-šummit</i> ¹)
Род.	<i>-maš</i>	<i>-taš</i>	<i>-šaš</i>		
Дат.-местн.	<i>-mi</i> (<i>-ma</i>)	<i>-ti</i>	<i>-ši</i>	<i>-šmi</i> „вашему“	<i>-šmi</i> (<i>-šummi</i> ¹)
Твор.		<i>-tet</i>	<i>-šet</i>		<i>-šmit</i>
<i>Мн. ч.</i>					
Им. общ.	<i>-meš</i>		<i>-šeš</i>	<i>-šmēš</i> „ваши“	
Вин. общ.	<i>-muš</i>		<i>-šuš</i>		
Им.-вин. ср.	<i>-met</i>	<i>-tet</i>	<i>-šet</i>		
Род.	<i>-man</i> 2 BoTU, 103, 15 (Ehelolf, ZA, NF 9, 174)				
Дат.-местн.					<i>-šmaš</i> „им“

115. Правилom является склонение как существительного, так и энклитически присоединяемого к нему притяжательного местоимения, например: род. п. ед. ч. *kardijaš-taš* „твоего сердца“, дат.-местн. п. ед. ч. *kiššari-mi* „в мою руку“, *atti-šši* „к его отцу“, *ištarni-šmi* (*ištarni-šsumē*) „в их середине“, вин. п. ед. ч.

¹ § 23, 27.

ħalugatallan-min „моего посланника“, ħalugatallattin < *ħalugatallan-tin (§ 34) „твоего посланника“, tuzziman < *tu.zin-man (§ 34) „мое войско“, им. п. мн. ч. arešmeš < *areš-smeš (§ 20) „ваши спутники“, вин. п. мн. ч. šarħuɕanduš-šuš „их плод“.

116. В новохеттский период ощущение самостоятельности обеих составных частей сочетания, повидимому, исчезает. По образцу attāš-šiš „его отец“: attāštin (< *attan-šin) „его отца“ (вин. п.) для форм им. п. attāš-miš „мой отец“ образуется в единичных случаях форма винительного падежа только с конечной флексией — attāšmin (XIV, 11; II, 22) или attāšman (XXIX, 1; I, 26) „моего отца“. В XXXI, 66; II, 25 засвидетельствована также форма attāštin „твоего отца“.

3. Указательные местоимения

117. Эти местоимения обнаруживают специфические особенности местоименного склонения более отчетливо, чем все ранее рассмотренные. Они имеют следующие окончания:

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	-š	-ē, -eš, -uš
Вин. общ.	-n	-uš
Им.-вин. ср.	-t, ---	-ē, ---
Род.	-el (-edaš)	-enzan ¹ (-el)
Дат.-местн.	-edani (-edi)	-ēdaš
Абл.	-ez (-edaz)	-ez
Твор.	-(i)t	

118. Важнейшие указательные местоимения: kā- „hic“ (с деиктической частицей 1-го лица) и arā- „is“ (с деиктической частицей 2-го и 3-го лица; § 263; см. Hrozný, Spr. d. H., 137—141). arā- употребляется как ударенное местоимение 3-го лица в смысле „он, она, оно“ (§ 99). Относительно arāšila „он сам“ (вин. п. мн. ч. arāšilus) см. § 100.

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
Им. общ.	kaš	araš	ke, kuš	ape, aruš
Вин. общ.	kun	arūn	kuš	aruš
Им.-вин. ср.	kī (kē ²)	arūt	ke (kī ²)	ape
Род.	kel	apel	kenzan (kedaš)	arēnzan (apedaš)

¹ По поводу этого окончания см. Friedrich, Staatsv., II, 151 и сл.

² § 10.

Дат.-местн.	kēdani (kēti)	apēdani (apeti)	kēdaš	apēdaš
Абл.	kēz(za)	apēz (apizza)	kizza	
Твор.	kēt	apit		

120. а) Вин. п. ед. ч. общ. р. arān (XXI, 42; II, 3) представляет собой редко встречающееся образование по аналогии.

б) Неправильно образованы и редко употребляются также формы дат.-местн. п. ед. ч. apidda (apiddan) (Friedrich, Staatsv., I, 30; II, 85 и сл., с указ. лит.) и твор. п. ед. ч. kēdanta, apēdanta (Sommer, AU, 116³, 389).

121. а) Формы им. п. мн. ч. kē и arē унаследованы от индоевропейской эпохи и принадлежат древнехеттскому языку: kuš и aruš — новохеттские формы, образованные по аналогии с именем или же заимствованные от форм винительного падежа (Sommer, HAB, 167²).

б) Случайное появление формы kē в качестве винительного падежа множественного числа (Sold., II, 23) объясняется согласно § 67.

в) С другой стороны, для именительного падежа множественного числа общего рода встречается один раз (XIV, 8; II, 18) форма keus (с присоединением -us к уже ставшей непонятной форме ke?).

122. а) От kī- образуется наречие kiššan „таким образом, так, шдс“.

б) От arī- образуется, с некоторым отличием, наречие arēniššan „так, артвс“.

123. От kiššan и arēniššan образуются два местоименных прилагательных со значением „такого рода, такой“ (также „столь большой, столь много“): kiššanant- „тшдс“ и arēniššanant- „артвтс“ (Hrozný, Spr. d. H., 139; Friedrich, Staatsv., II, 174 и сл.). Склоняются по типу ĥumant- „весь, целый“ (§ 81).

124. Дефектную указательную основу со значением „is“ представляет собой a- (возможно, тождественную энклитической основе -a (?); см. § 104), от которой засвидетельствованы только следующие формы: дат.-местн. п. ед. ч. ēdani (edi), абл. ед. ч. ēdiz (etez, ēdaza), дат.-местн. п. мн. ч. ēdaš (Friedrich, Staatsv., I, 74, с указ. лит.).

125. Основы epi-, upi- и anni-, все с приблизительным значением „гот (т. е. уже упомянутый)*¹, можно назвать

¹ Установить точнее функции отдельных основ пока не удается.

„полуфлектируемыми“. Они могли образоваться от деиктических частиц (Sommer, HAB, 161⁴).

а) От *uni-* засвидетельствованы только вин. п. ед. ч. общ. р. *upin*, им.-вин. п. ср. р. *uni* (также со значением множественного числа) и им. и вин. пп. мн. ч. общ. р. *uniuṣ* (Friedrich, Staatsv., I, 155 и сл.; Tenner, Ein heth. Annalertext, 22 и сл.; Pedersen, Hitt., § 53).

б) От *eni-* им. п. ед. ч. общ. р. *eniṣ* известен только по одному списку слов, в остальных засвидетельствован лишь им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *eni* (также со значением множественного числа) (Friedrich, Staatsv., I, 73 и сл., с указ. лит.; Pedersen, Hitt., § 54). В XXXI, 71; IV, 10 встречается также форма вин. п. мн. ч. общ. р. *eniūṣ* (как именительный падеж множественного числа, по § 67б). Аналогично *kiṣṣan* (§ 122a) существует наречие *eniṣṣan* „вышеупомянутым образом“.

в) Наконец, от *anni-* только в одном списке слов засвидетельствована форма им. п. ед. ч. общ. р. *anniṣ*. К этой же основе, возможно, относятся наречия *annaz* и *anniṣan*, оба со значением „некогда, когда-то“ (Friedrich, Staatsv., I, 151 и сл.).

126. Без изменения выступает в текстах *aṣi* „уже упомянутый“; эта форма может иметь функцию именительного и винительного падежей единственного числа всех родов. Однако и здесь в одном списке слов засвидетельствовано образование им. п. ед. ч. общ. р. *aṣiṣ* (Friedrich, ZA, NF, 2, 286 и сл.; Pedersen, Hitt., § 53).

4. Вопросительные и относительные местоимения

127. В хеттском языке существует только одна основа *kui-*, которая употребляется как вопросительное и относительное местоимение в функции и существительного и прилагательного (Hrozný, Spr. d. H., 144 и сл.).

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	<i>kuiṣ</i>	<i>kuēṣ</i>
Вин. общ.	<i>kuiṣ</i>	<i>kuēuṣ</i>
Им.-вин. ср.	<i>kuit</i>	<i>kuē</i>
Род.	<i>kuel</i>	
Дат.-местн.	<i>kuedani (kueti)</i>	<i>kuēdaṣ</i>
Абл.	<i>kuēz(za)</i>	

128. Параллельная основа *kua-* сохранилась только в формах местн. п. *kuṣatta (kuṣattan)* (примерно параллельно *apidda(n)*; § 120б, с указ. лит.) и в застывшей в виде наречия первоначальной форме им.-вин. п. ср. р. *kuṣat* „почему?“.

129. Им. п. мн. ч. общ. р. *kueš* часто употребляется также в качестве винительного падежа множественного числа; равным образом вин. п. мн. ч. *kueš* употребляется изредка в качестве именительного множественного.

130. Обобщающие относительные местоимения: *kuiš* *kuiš*, *kuiš* *imma*, *kuiš* *imma* *kuiš*, *kuiš-aš* *kuiš*, *kuiš-aš* *imma*, *kuiš-aš* *imma* *kuiš* „кто бы ни, кто еще кроме“ (Hrozný, Spr. d. H., 147 и сл.; Götze, ZA, NF 2, 266 и сл.). В отношении склонения ср. род. п. ед. ч. *kuel* *imma*, дат.-местн. п. *kuedani* (*imma*) *kuedani*, абл. ед. ч. *kuez* *imma* *kuez*, им.-вин. п. мн. ч. ср. р. *kuē* *kuē*, дат.-местн. п. мн. ч. *kuedaš* *kuedaš* и т. д. Также *kuišša* (= *kuiš* + -а „и, также“; § 133) может иметь обобщающее значение („кто еще“; Sommer, HAB, 59).

131. а) Производное вопросительное местоимение *mašijant-*, *mašijant-* (также *maši-*) „сколько велик?, сколь много?“ (Götze, NBr. 35 и сл.; Sommer, HAB, 164 и сл.) склоняется по типу *humant-* „весь, целый“ (§ 81).

б) С суффиксом имен происхождения (§ 56) образовано *kuen-zimna-* „откуда происходящий?“ (Friedrich, Staatsv., II, 152).

5. Неопределенные местоимения

132. *kuiški*, ср. р. *kuitki*, выступает как существительное „некто, нечто“ и прилагательное „некий, некое“; *UL* *kuiški*, ср. р. *UL* *kuitki* — существительное „никто, ничто“, прилагательное „никакой, никакое“ (Hrozný, Spr. d. H., 148 и сл.).

133. *kuiš(ša)* (т. е. *kuiš* + -а „и“; § 305 и сл.) означает „каждый“, а также „кто бы ни“ (§ 130; Sommer-Eheloof, Pap., I⁶ и сл.).

134. Склонение *kuiški* и *kuišša*:

		Ед. ч.	Мн. ч.	
Им. общ.	<i>kuiški</i>	<i>kuiš(ša)</i>	<i>kuēšqa</i> ³	<i>kuēša</i>
Вин. общ.	<i>kuinki</i>	<i>kuinna</i>	<i>kuiušga</i>	<i>kuiušša</i>
Им.-вин. ср.	<i>kuitki</i>	<i>kuitta</i>	<i>kuēq(q)a</i> ⁴	
Род.	<i>kuēlqa</i> (<i>kuēlga</i> , <i>kuēlka</i> ¹)	<i>kuella</i>		
Дат.-местн.	<i>kuedanikki</i> ²	<i>kuēdanija</i> (<i>kuetanija</i>)		
Абл.	<i>kuēzqa</i>	(<i>kuēzzi(ja)</i>)		

¹ Изредка также *kuēlki* (XIII, 23, 3; XXIII, 68; I, 15).

² Единично также *kuedanikka* (2 ВоТУ, 14^б, 4).

³ Единично *kuēški* (XIV, 14; II, 18).

⁴ Единично также *kuēkki* (XIV, 1; II

135. Относительно случаев употребления простого *kuiš* вместо *kuiški* см. § 265 а, б.

136. *kuiš* — *kuiš* означает также „кто — кто“ (см. § 265 в).

137. Сюда же следует отнести *tamāi-* „другой“, склоняющееся частью по местоименному, частью по именному типу (Hrozný, Spr. d. H., 150 и сл.; Pedersen, Hitt., § 48):

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
Им. общ.	<i>tamāiš</i> (dam(m)aiš)	<i>tamāēš</i> (damāuš ¹)
Вин. общ.	<i>tamain</i> (dam(m)ain)	<i>damauš</i>
Им.-вин. ср.	<i>tamai</i> (damai)	<i>tamāi</i>
Род.	<i>tamel</i> (dammel ¹)	<i>dammēzan</i>
Дат.-местн.	<i>tametani</i> (tamedani, damēdani, dametani, dammeli ²)	<i>tamedāš</i>
Абл.	<i>tamedaz</i> (tamētaz, damedaza)	

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

138. Произношение хеттских числительных нам почти неизвестно, так как все числа, за редким исключением, обозначаются с помощью цифр.

• 139. Для „двух“ можно установить основу *dā-*, исходя из порядкового числительного *dap* (§ 144) и составного слова *dā-iuga-* „двухлетний“ (§ 68). Основы **tri-* „три“ и **šiptam-* „семь“ с достоверностью выводятся из названий жидкостей *terijalla-* и *šiptamiija-* (Ehelolf, OLZ, 1929, 322 и сл.). Для „сдвояго“ предполагается произношение *šanna-* (Götze, Language, 11, 185 и сл.; Götze, Tuppi., 127), однако уверенно утверждать это мы не можем.

140. „Один“ склоняется частично по типу местоимений, частично по типу прилагательных (Sommer, AU, 164):

Им. общ.	1-aš
Вин. общ.	1-an
Им.-вин. ср.	1-an
Род.	1-ēl
Дат.-местн.	1-edani
Абл.	1-edaz(a)

¹ Единично *tamedāš* (XIII, 2; II, 29, 40).

² Относительно этой формы см. Sommer-Ehelolf, Pār., 2.

• § 676.

Наречие 1-etta „заодно, вместе“, возможно, представляет собой форму дательного-местного падежа единственного числа („в одном“), аналогично apidda(n) (§ 120 б) и куyatta(n) (§ 128; Sommer, HAB, 143).

141. Склонение „два“ (Friedrich, ZA, NF 5, 56 и сл.):

Им. общ.	2-uš (2-eluš?)
Им.-вин. ср.	2-ela (2-cl)
Дат.-местн.	2-etas (2-as)

142. „Оба“ передается с помощью 2-pit¹ или просто 2-ēl.

143. Для „трех“ встречается форма им. п. 3-e-eš (XV, 31; I, 6); согласно § 139 оно читается как *trēs.

144. Из порядковых числительных нам известны: ḥantezzi- „первый“, собственно сравнительное прилагательное „передний“ (§ 95 и сл.), а также несклоняемое dan „второй“ (Sommer, Heth., II, 44, с указ. лит.).

145. В хеттском языке, повидимому, существовали также порядковые числительные на -anna: 2-anna (т. е. *danna?), 3-anna, 4-anna (и 4-in), 5-anna, 6-anna, 7-anna (Sommer, AU, 272¹).

143. Как числовые наречия выступают образования на -anki: 1-anki „однажды“, 2-ki „дважды“, 10-anki „десять раз“, 20-anki „двадцать раз“ (Götze, KIF., I, 231, с указ. лит.).

147. Относительно сложного слова с числительным dā-ḫuga- „двухлетний“ см. § 58.

ГЛАГОЛ

1. Словообразование

148. В данной работе мы не имеем возможности детально рассмотреть строение хеттских глагольных основ. Ограничимся замечаниями относительно некоторых суффиксов, служащих для образования производных глаголов.

149. а) -aḫḫ- — суффикс отыменных глаголов со значением „делать таким, как это обозначено основным словом“ (Friedrich, ZA, NF 1, 16 и сл.; Pedersen, Hitt., § 83): šarazzīaḫḫ- „делать

¹ Относительно -pit см. § 296.

превосходящим* (šarazzi- „превосходящий“), pakkijahh- „делать тяжелым“ (pakki- „тяжелый“), idalaçaqahh- „делать зло“ (idalu- „злой“), kururijahh- „воевать, враждовать“ (kürur „вражда“).

150. б) Суффикс -annai- служит для выражения длительности (Sommer-Ehelolf, Pap., 22; Götze, Madd., 129 и сл.; Bechtel, Hitt. Verbs in -sk-, 82 и сл.; Pedersen, Hitt., § 82): ija- „идти“, ijannai- „ходить (длительно)“; paḥ- „травить, гнать“, paḥannai- „натравливать, гонять“; цаḥ „ударить“; цаḥannai- „бить“.

Часто сочетается с итеративным -sk- (§ 154).

151. в) -eš- образует отыменные глаголы со значением „делаться таким, как это выражено основным словом“ (Götze, Hatt., 69, 94): idalaçeš- „стать злым, поссориться“ (idalu- „злой“), parkueš- „очиститься“ (parkui- „чистый“), makkeš- „умножиться“ (mekki- „много“), šalleš- „увеличиться, вырасти“ (šalli- „большой“).

152. г) Инфикс -nin- употребляется реже, чем суффицируемое -ni- (§ 153), для образования отглагольных каузативов (Friedrich, Staatsv., I, 313; Götze, Hatt., 72; Pedersen, Hitt., § 92, 2): ḥark- „погибнуть“: ḥarnink- „погубить“, ištark- „заболеть“: ištarnink- „сделать больным“.

153. д) Суффикс -ni- является обычным средством образования каузативных глаголов от глаголов (Friedrich, ZA, NF I, 15 и сл.; Sommer-Ehelolf, Pap., 81; Pedersen, Hitt., § 92, 1): ar- „прибывать, достигать“: arni- „приносить, доставлять“, цаḥ- „гореть“: цаḥni- „зажигать“, link- „клясться“: linkanu- „заставить дать клятву“, ḥark- „гибнуть“: ḥarganu- „(по)губить“, цеḥ- „вернуться“: цаḥni- „вернуть“. Иногда с этим суффиксом образуются также, конкурируя с соответствующими формами на -ahh- (§ 149), производные от именных основ (Friedrich, ZA, NF I, 16): mališkunu- „ослабить“ (mališku- „слабый“), daššanu- „усилить, укрепить“ (daššu- „сильный“), šallanu- „увеличить, вырастить“ (šalli- „большой“), terpu- „уменьшить“ (terpu- „мало“), parkupni- „очистить“ (parkui- „чистый“).

Как показывают приведенные примеры, при отыменных образованиях -ni- не всегда присоединяется непосредственно к предполагаемой основе. Относительно linkanu- и ḥarganu- см. § 21, 23, 27.

В некоторых случаях различия в значении между основным глаголом и производным на -ni- отсутствуют (Friedrich, ZA, NF I, 16): paḥš- и paḥšanu („охранять, защищать“).

154. е) Суффикс -sk- характеризует прежде всего итеративные глаголы (Sommer-Ehelolf, Pap., 21 и сл.; Bechtel, Hitt. Verbs in -sk-, Ann Arbor, 1936; Pedersen, Hitt., § 88, прим.), которые

могут быть образованы от любой глагольной основы¹: dā- „взять“: dask- „брать“, rai- „дать“: pešk- „давать“, ср. „схватить“: arpišk- „хватать“, ḥatrai- „писать“: ḥatrešk- „писать неоднократно“, eku- „пить“: akkušk- „пить (неоднократно)“, аг- „прибыть, достигнуть“: ar(a)šk- (§ 23) „прибывать, достигать“, ed- „есть“: azzik- (§ 23) „повторно есть, пировать“, dāi- „положить, поставить“: zikk- (§ 24) „класть, ставить“, šipand- „совершить возлияние“: šipanzak- (§ 23) „неоднократно совершать возлияния“, kuēn- „ударить“: kuašk- (§ 11a; 32) наряду с kuēnišk- „ударять, бить“. Неправильно au(š)- „видеть, смотреть“: ušk- „осматривать“.

Суффикс -šk- часто сочетается с другими суффиксами: arpušk- „повторно приносить“, ḥarnikišk- „неоднократно губить“, kururijahhešk- „постоянно воевать, враждовать“.

Особенно часто присоединяют к себе итеративный суффикс образования на -annai- (§ 150; Götze, Madd., 130): ualḥ- „ударить“: ualḥannešk- „длительно (снова и снова) ударять, бить“, rašš- „разломить“: raššijannešk- „(некоторое количество хлебов) один за другим разламывать“.

Изредка встречается, притом в той же функции, что и -šk-, суффикс -šš- (Sommer, HAV, 56 и сл., 178; Bechtel, Hitt. Verbs in -sk-, 75 и сл.): ešša- „повторно делать“ (ija-), ḥalzešša- „повторно звать“ (ḥalzai-).

155. При образовании глагольных основ иногда встречается удвоение; ср. ceк- и ceцак- „требовать“, kiš- и kikkis- „стать, сделаться“, laḥḥija- и laḥlaḥḥija- „отправиться в поход“, kakkattenu- „окунуться“, rarpars- „брызгать“, ašas- „сажать“.

156. а) В хеттском, как и в других индоевропейских языках, значение простой глагольной основы изменяется при помощи приставок. В этом отношении хеттский язык обнаруживает архаичные черты, поскольку приставки в написании всегда выделяются как самостоятельные слова и между приставкой и глаголом могут вставляться маленькие словечки.

б) Важнейшие приставки: anda (andan) „внутри“, arra (arran) „назад, опять“, arḥa „прочь“, katta (kattan) „вниз, к, с“, raḡa „вперед, наружу“, riran „перед“, šara „вверх“, šer „вверху“, например: rai- „идти“: anda(n) rai- „войти“, arra rai- „идти обратно“, arran rai- „идти позади“, arḥa rai- „идти прочь“, raḡa rai- „идти дальше, выйти“, katta(n) rai- „идти вниз, идти

¹ Ради удобства я и далее употребляю старое обозначение „итеративный глагол“ для формы на -šk-, хотя установлены и другие функции этой формы: она встречается при сочетаниях со многими субъектами или объектами, в соединении с дистрибутивным или обобщенно-относительным удвоением, обозначая также продолжение прерванного действия (литературу см. у Sommer, HAV, 260).

с кем-нибудь", *šarā pāi-* „идти вверх“; *dā-* „брать“: *appa(n) dā-* „отобрать“, *aṛḥa da-* „убрать прочь“, *para da-* „вынуть“, *katta(n) da-* „снять сверху“, *šarā dā-* „поднять, получить, захватить“ (относительно *aṛḥa*, *para*, *pāra* см. Zuntz, Ortsadv.).

в) Приставки могут выступать в сочетании друг с другом: *appa(n) anda pāi-* „опять войти“, *šer aṛḥa da-* „убрать сверху“, *appa šarā dā-* „опять взять“. Приставка *aṣan* встречается только в сочетаниях: *aṣan aṛḥa* „прочь“, *aṣan katta* „вниз“; поэтому собственное значение *aṣan* установить трудно (Götze, Madd., 135).

157. В отличие от самостоятельных приставок префикс и- (также *ue-*; § 16) „сюда“ всегда соединяется, а параллельный ему префикс *pē-* „туда“ обычно соединяется с глаголом (Friedrich, ZA, NF 2, 52 и сл.; Friedrich, Staatsv., II, 146; Pedersen, Hitt., § 95): *uda-* (*ueda-*) „принести“, *peda-* „отнести“; *unpa-* „пригнать“, *penpa-* „погнать туда“; ср. также *uizzi* „он приходит“ и *paizzi* „он пойдет“ и формально неясную пару *uṣate-* „принести“ и *peḥute-* „отнести“.

Однако *pē-* „туда“ встречается и самостоятельно, прежде всего при *ḥar(k)-* „держать“: *pē ḥarzi* „он подает“.

2. Спряжение

158. В системе хеттского глагола мы различаем два спряжения. По окончаниям 1-го лица ед. ч. презенса — в одном *-ni*, а в другом *-ḥi* — принято называть первое — спряжением на *-ni*, а второе — спряжением на *-ḥi* (Forrer, ZDMG, NF 1, 211; Pedersen, Hitt., § 61 и сл.; Couvreur, Mél. Cumont, 551 и сл.; Couvreur, Mél. Boisacq, 207 и сл.).

159. Существует два залога: актив и медиопассив. Последний употребляется как медиум греческого или индоиранского типа, как пассив и как депоненс (т. е. при глаголах, которые, имея активное значение, спрягаются только медиопассивно). Примеры см. § 266.

Основную массу медиопассивных форм составляют депонентные глаголы; медиальные и пассивные формы, образуемые рядом с соответствующими активными, встречаются реже.

160. Система времен и наклонений очень ясна: из простых (не составных) времен существуют только презенс и претерит, из наклонений — рядом с индикативом — только императив. Путем сложения со вспомогательными глаголами может быть образовано еще несколько времен (реже употребляемых), придающих языку „современный“ вид (§ 200 и сл.).

161. Глагольные имена имеют много форм. Для их обозначения применяются с большим или меньшим основанием (Sommer,

НАВ, 226) латинские наименования: инфинитив, герундий, герундий и супин; существует также причастие, которое при переходных глаголах имеет пассивное, а при непереходных — активное значение (§ 283).

162. Глагол также имеет только единственное и множественное числа; двойственного числа нет.

163. Обзор личных окончаний (большинство из них было установлено еще Грозным, Spr. d. H.):

Актив		Медиопассив ¹	
спряжение	спряжение	спряжение	спряжение
на -mi	на -ḥi	на -mi	на -ḥi
Индикатив презенса			
<i>Ед. ч.</i>			
1. -mi	-ḥi (-aḥḥi)	-ḥaḥari ³ (-ḥari, -ḥa ⁴)	-ḥaḥari (-ḥari)
2. -ši	-ti	-ta(ti) ⁵	-ta(ti) ⁵
3. -zi	-i ²	-tari (-ta) ⁴	-ari (-a ⁴)
<i>Мн. ч.</i>			
1. -ḥeni	-ḥeni	-ḥaštati (-ḥašta) ⁶	-ḥaštati (-ḥašta) ⁶
2. -teni	-teni	-duma (-dumari) ⁷	-duma ⁷
3. -anzi	-anzi	-antari (-anta ⁴)	-antari (-anta ⁴)
Индикатив претерита			
<i>Ед. ч.</i>			
1. -un ⁸ , -nun ⁹	-ḥun	-ḥaḥat(i) (-ḥat(i))	-ḥaḥat(i) (-ḥat(i))
2. -š, -t (-ta)	-š, -ta (-šta)	-tat(i), -ta ¹⁰	-at(i) (-tat)
3. -t (-ta)	-š, -ta (šta)	-tat(i), -ta ¹⁰	-at(i)

¹ Сводку медиопассивных окончаний и форм Грозный опубликовал в Трудах первого международного лингвистического конгресса в Гааге* в 1928 г. (Actes du I Congrès international de linguistes à La Haye, 1928), стр. 155 и сл. Относительно различий между спряжениями на -mi и на -ḥi в медиопассиве см. Götze, Murš.-Ann., 258 и сл.

² При наличии предшествующего -i- диссимиляторно появляется -a (ср. paršija „он ломает“; § 192).

³ Установлено Götze, ZA, NF 2, 14 (ср. Friedrich, там же, стр. 163).

⁴ Формы с исходом на -ri и без него чередуются, повидимому, независимо от каких-либо правил (Sommer-Eheloif, Pap., 52).

⁵ Sommer, HAB, 148.

⁶ Friedrich, ZA, NF 2, 164 (он же, IF, 43, 257¹ и AfOr, 4, 94 и сл.).

⁷ Hrozny, JSOR, 6, 70¹ (ср. Götze, Hatt., 107); Sommer, HAB, 85.

⁸ После согласного.

⁹ После гласного.

¹⁰ Sommer, HAB, 87³.

Мн. ч.

1. -çen	-çen	-çaştat	
2. -ten	-ten	-dumat	-dumat
3. -ir	-ir	-antat(i)	-antat(i)

Императив

Ед. ч.

1. -allu ¹ , -llu ²	-allu	-ħaħaru (-ħaru)	-ħaħaru (-ħaru)
2. —, -i, -t	—, -i	-ħut(i)	-ħut(i)
3. -du	-u	-taru	-aru

Мн. ч.

2. -ten	-ten	-dumat(i)	-dumat(i)
3. -andu	-andu	-antaru	-antaru

Инфинитив

Супин

Причастие

1. çar (род. п. -çaş)	1. -çanzi	-ant-
2. -anna	2. -çan	

164. Существует тенденция к уравниванию спряжений на -mî и на -ħi:

а) Особенно часто наблюдается проникновение во 2-м лице ед. ч. презенса окончания -ti из спряжения на -ħi в спряжение на -mî: ерти „ты хватаешь“, ħarti „ты держишь“, ħarnikti „ты губишь“, ištamaşti „ты слышишь“, manijaħti „ты вручаешь“, karuşşiatı (наряду с karuşşijaşi) „ты молчишь“.

б) Реже проникает в том же лице в спряжение на -ħi окончание -şi: çaštaşi наряду с обычным çaştattı „ты грешнишь“.

в) Глаголы на -aħħ- (§ 149) со спряжением на -mî могут образовывать 3-е лицо ед. ч. презенса и претерита также по типу спряжения на -ħi: daşuçaħzi и daşuçaħħi „он ослепляет“, işiyaħta и işiyaħħis „он почуял, отыскал“ (Sommer, HAB, 222).

г) Наоборот, флексия спряжения на -mî проникает в 3-м лице ед. ч. претерита и императива в спряжение на -ħi: akta наряду с правильным akiş „он умер“, akdu наряду с правильным aku „пусть умрет“.

д) Многие глаголы спрягаются по обоим типам: dalaħħi и dalaħħami „я пускаю, оставляю“ (см. также § 192 и сл.). Небольшие отклонения встречаются у многих глаголов.

165. Изредка во 2-м лице ед. ч. презенса спряжения на -mî встречается окончание -zi: ištamaşzi „ты слышишь“ (Friedrich, Staatsv., II, 188).

¹ После согласного.

² После гласного.

166. а) В редких случаях в 3-м лице ед. ч. презенса спряжения на -hī вместо обычного -i встречается окончание -ai: единично širpandai (XV, 1; III, 55; HT, 5, 20) вместо весьма распространенной формы širanti „он совершает возлияние“; в „Лошадиной книге“ вместо обычного arri „он моет“ часто встречается форма arrai. То же и в 3-м лице мн. ч. претерита спряжения на -hi: единично širpantair (V, 6; II, 63) вместо обычного širantir „они совершили возлияние“ (Sommer-Eheloř, Pär., 74).

б) Наоборот, 3-е лицо ед. ч. презенса спряжения на -hi от глагола цашта- „грешить“ может иметь наряду с обычной формой цаштаi (т. е. основа цашта- + окончание -i) также форму цаšti (Sommer-Eheloř, Pär., 74; Sommer, HAV, 183).

в) Странная форма paršija „он ломает“ объясняется согласно § 163¹, 192.

167. В 1-м лице ед. ч. императива от глагола еш- „быть“ наряду с правильной формой ašallu „да буду!“ образуются также единичные формы ešlut и ešlit „да буду!“ (Friedrich, ZA, NF 5, 46 и сл.).

168. В претерите и императиве медиопассива формы, оканчивающиеся на -i: (-h)hāti, -tati, -ati, -antati, -huti и -dumatī, принадлежат древнему языку; формы без -i: (h)hāt, -tat, -at, -antat, -hut и -dumat — относятся к более позднему периоду.

СПРЯЖЕНИЕ АКТИВА

СПРЯЖЕНИЕ НА -mi

1. Корневые основы на согласные

169. а) Односложные основы, оканчивающиеся на один согласный: еш- „быть“, ер- „хватать, схватывать“, шеš- „спать, покоиться, оставаться“, цех- „поворачиваться“, цек- „требовать“, еку- „пить“ (Pedersen, Hitt., § 84).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ešmi	epmi	šešmi		cekmi	
2.	epši (epti ¹)			cekti ¹	ekušši
3. ešzi	epzi	šešzi	cehzi (cahzi ²)	ceki	ekuzi (ekuzazzi ³ , VIII, 24; I, 4)

¹ § 164a.

² Один раз цаhхuzi (КВо, III, 5; III, 4).

³ Образовано по аналогии с ezzazzi „он ест“ (§ 170; Sommer, HAV, 149³).

Мн. ч.

1.		eppueni				akueni ¹
2.		epteni (apteni ¹)				ekutteni (ekuɣate- ni ¹ ; I, 16; III, 34)
3.	ašan- zi ¹	appanzi ¹	šešanzi (šašanzi)	ɣeḥanzi (ɣaḥanzi)	ɣek(k)anzi	akuɣanzi (ekuɣanzi; XX, 1; II, 20)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1.	ešun	eppun	šešun	ɣeḥun	ɣekun	ekun
2.	ešta	epta				
3.	ešta	epta	šešta		ɣekta	

Мн. ч.

1.	ešuen	eppuen				ekuen
2.	ešten	epten				
3.	ešir	eppir	šeššir		ɣekir	ekuer

Императив

Ед. ч.

1.	ašallu ² (ešlut, ešlit ³)					
2.	eš	ep			ɣek	eku
3.	ešdu	eptu	šešdu			

Мн. ч.

2.	ešten	epten				ekutten
3.	ašandu	appandu		ɣaḥandu		akuɣandu

Инфинитив

1.	ešuyar		(род. п. šešuyas)	ɣeḥuyar	ɣekuɣar	
2.		appanna		ɣaḥanna		akuɣanna

¹ § 11a.² КВо. IV, 14; I, 43.³ § 167.

Супин

1. aššucanzi erpuцanzi šešucanzi

Причастие

aššanza appanza akuцanza

170. б) Односложные основы на согласный с включением элемента -s- между основой и окончанием в некоторых формах: et- „есть“, mat- „выдерживать, терпеть“, išpart- „убегать от, избегать“ (Götze, Madd., 125 и сл.; Sommer, HAB, 148 и сл.).

Индикатив презенса

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>
1.	etmi		atueni
2.	mazatti ²		ezzatteni ³
3.	ez(z)az(z)i ¹ (ezzāi)	mazzazzi ¹	išparzazi ¹ (išparzizi)

Индикатив претерита

1.	edun	išparzahhun ⁵		
2.	mazzašta ⁴	išparzašta ⁴		
3.	ezta ⁴	mazzašta ⁴	išparzašta ⁴	eter išpartir

Императив

2.	et (ezzazza, XX, 92; VI, 8)	ez(z)at(t)en ⁶
3.		ezzandu

Инфинитив

2. adanna

Причастие

išparzanza adanza

171. в) Односложные основы на согласный с чередованием огласовки (аблаутом) (§ 18): kuep- „бить, убивать“ (Sommer, HAB, 45), ħuek- „заклинать“, kueg- „резать“ (Pedersen, Hitt., § 84).

¹ Т. е. *et-s-zi, *mat-s-zi, *išpart-s-zi (§ 23).

² Т. е. *mat-s-ti (§ 23).

³ Т. е. *et-s-teni.

⁴ Т. е. *et-s-t, *mat-s-t, *išpart-s-t.

⁵ Переход в спряжение на -ĥi (§ 188 и сл.).

⁶ Т. е. *et-s-ten.

Индикатив презенса

	Ед. ч.		Мн. ч.	
1. kuemi	hukmi ¹	kuenummeni ²		
2. kueši (kuenti)		kuennatteni ²		
3. kuenzi	hukzi kuerzi (hukzi ¹)	kunanzi (kuennanzi ³)	hukanzi	kuranzi

Индикатив претерита

1. kuen(n)un (kuenunun)		kuēen (kuinummen ²)	hugaen (XVIII, 12; 1, 13)
2. kuenta (kuinneš- ta ⁴)		kuenten	
3. kuenta	hukta	kuerta	kuennir

Императив

2. kuen(n)i		kuenten	
3. kuendu	hukdu	kunandu	kurandu

Инфинитив

Супин

1. (род. п. kuennumas ²),		kuenummanzi ²	
2. kunanna	hukanna	kuranna	

Причастие

kunanza	hukanza
(kuennianza ⁵)	kuranza

172. г) Односложные основы с исходом на два согласных: kar- „поднимать“, hark- „погибать“, цаh- „ударять“, šaḥ- „искать“, link- „клясться“ (§ 23 и 26; кроме того, Pedersen, Hitt., § 84).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. kar-ap-mi	ца-al-aḥ-mi	ša-an-aḥ-mi (ša-an-ḥa-mi)
--------------	-------------	------------------------------

¹ Форма с нулевой огласовкой (см. также § 16).

² Образовано по аналогии со спряжением на -hi (§ 188).

³ XVII, 35; I, 32. Тоже образование по аналогии.

⁴ XVII, 3; III, 4. Образовано по аналогии со спряжением на -ḥi (§ 189).

⁵ HT, I; II, 42. Тоже образование по аналогии (§ 189).

2.		ɥar-ak-ti		ša-an-ɥa-ši (XXVI, 22; II, 10) (ša-an-ɥa-ti, ša-an-aɥ-ti)	
3.	kar-ap-zi (kar(-ap)- pi-iz-zi и т. д. ¹)	ɥar-ak-zi	ɥa-al-aɥ-zi	ša-an-aɥ-zi (ša-an-ɥa-zi)	li-in-ga-zi
<i>Мн. ч.</i>					
1.		ɥar-ku-e-ni	ɥa-al-ɥu- ɥa-ni (ɥa-al-aɥ- ɥu-e-ni)		
2.		ɥar-ak-te- ni		ša-an-aɥ-te-ni (ša-an-ɥa(-at)- -te-ni)	
3.	kar(-ap)- pa-an-zi (kar(-ap)- pi-an-zi ¹)	ɥar-ki-ja- an-zi ¹	ɥa-al-(aɥ)- ɥa-an-zi	ša-an-ɥa-an-zi	li-in-kán-zi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1.	kar(-ap)- pu-un		ɥa-al-(aɥ)- ɥu-un	ša-an-(aɥ)- ɥu-un (ša-aɥ-ɥu-un ² ; Dupp., § 8, строка 20)	li-in-ku-un
2.				ša-an-aɥ-ta	li-ik-ta ² (Madd., I, 27)
3.	kar-ap-ta	ɥar-ak-ta	ɥa-al-aɥ-ta	ša-an-aɥ-ta (ša-aɥ-ta ² ; VII, 8; II, 16 и сл.)	li-in-ik-ta (li-in-kat- ta, li-ik-ta)

Мн. ч.

1.					li-in-ga- u-en (li-in-ku- en)
2.				ša-an-aɥ-te-en	
3.	kar-pi(-e)- ir		GUL-(aɥ)- ɥi-ir	ša-an-ɥi-ir	

¹ Переход в спряжение глагольных основ на -ia (§ 177).² § 32.

Императив

Ед. ч.

2.	kar-ap-pi- ja ¹	ɥa-al-aḥ	ša-an-ḥa	li-in-ik (li-in-ki,
3.	kar-ap-du	ḥar-ak-du	ša-aḥ-du ²	li-i-ik)

Мн. ч.

2.	kar-ap-te- en	ɥa-al-aḥ-te- en	ša-an-ḥa-at-te- en	li-in-ik-te- en
3.	kar-pa-an- du		ša-an-ḥa-an- du	li-in-kán- du

Инфинитив

1.	kar-pu-ɥa- ar	ɥa-al-aḥ- ḥu-ɥa-ar
2.		ḥar-kán-na

Супин

ɥa-al(-aḥ)-
ḥu-ɥa-an-
zi

Причастие

kar(=ap)-pa-an-za ḥar-kán-za ɥa-al-ḥa-an-za ša-an-ḥa-an-za li-in-kán-za

173. Многосложные основы: а) ištamaš- „слышать“, punuš- „спрашивать“, ḥamenk- „связывать“; глаголы на -eš- (§ 151): idālaḥeš- „стать злым, разозлиться, поссориться“, parkueš- „очиститься“.

Индикатив прѣзенса

Ед. ч.

1.	ištamašmi	punušmi	ḥamangami (IX, 31; III, 24)	
2.	ištamašti (ištamašzi ³)			idālaḥešti
3.	ištamašzi	punušzi	ḥamanki ⁴	idālaḥešzi parkuešzi (parkušzi ⁵)

¹ Переход в спряжение глагольных основ на -ja (§ 177).

² § 32.

³ § 165. Durr., § 10, строка 17; Кур., § 16 С, III, 7; Al., § 12, строка 82.

⁴ Спряжение на -hi (§ 185).

⁵ § 16. VIII, 2; II, 8.

Мн. ч.

1.		punuššueni		
2.	ištamašteni		idālayešteni	parkuešteni
3.	ištamaššanzi	punuššanzi	haminkanzi	idālayeššanzi
			(hamankanzi)	

Индикатив претерита

Ед. ч.

1.	ištamaššun	punuššun		parkueššun
2.		punušta		
3.	ištamašta	punušta	hamikta	idālayešta
			(hamakta, XXVI, 91, I, 9; hamana- nakta, XIV, 4; II, 10)	

Мн. ч.

1.		punuššuen		
2.	ištamašten			
3.	ištamaššir	punuššir	haminkir	ḤUL-meššir ¹

Императив

Ед. ч.

2.	ištamaš	punuš		
3.	ištamašdu	punušdu		parkueštu

Мн. ч.

2.	ištamašterf	punušten		
3.	ištamaš- šandu	punuššan- du	hamankan- du	

Инфинитив

1.	ištamaššu- uqar	punuššūqar	(род. п. ha- mankuqaš)

Супин

1.	ištamaššu- qanzi

¹ Т. е. idālameššir (§ 196).

Причастие

ištamaššanza   ħamenkanza

б) Глаголы на -аһһ (§ 149): idālayaһһ- „делать зло“, suppijahһ- „очищать“, kururijahһ- „воевать, враждовать“, dašuyahһ- „ослеплять“, manijahһ- „передавать, определять, управлять“ (Pedersen, Hitt., § 83).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. idālayaһmi	šuppijahmi			manijahmi
2. idālayahti		kururijahṭi		manijahṭi
(idālayatti ¹)				
3. idālayahzi	šuppijahḫi ²	kururijahzi	dašuyahḫi ²	manijahzi

Мн. ч.

1.			tašuyahḫueni	
2.				
3. idālayahḫan-	šuppijahḫan-	kururijah-	tašuyahḫanzi	manijah-
zi	zi	ḫanzi		ḫanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. idālayahḫun	šuppijahḫun	kururijahḫun		manijahḫun
2.				manijahṭa
3. HUL-aḫ-ta	šuppijahḫas ²	kururijahṭa		manijahḫi ²

Мн. ч.

1. idālayahḫuen		kururijahḫuen		
2. HUL-aḫten				
3.		kururijahḫir	dašuyahḫir	manijahḫir

Императив

Ед. ч.

2.				manijah

Мн. ч.

2.				manijahṭen

Инфинитив

1.	šuppijahḫuṣar			

Причастие

idālayahḫanza		tašuyahḫanza
---------------	--	--------------

¹ § 30. Кур., § 20 D, 13, вариант.

² § 164в.

2. Основы на гласные

174. а) Многосложные основы: *uɣate-* „приносить“, *reɣute-* „доставлять, относить“, *uɣete-* „строить“, *uɣaku-* „прыгать“ (Pedersen, Hitt., § 87).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1.		<i>reɣutemi</i>	<i>uɣaɣhi</i> ¹	
2.	<i>uɣateši</i>	<i>reɣuteši</i>		
3.	<i>uɣatezzi</i> (<i>uɣadazzi</i> , XXI, 29; III, 38)	<i>reɣutezzi</i>	<i>uɣezzi</i>	<i>uɣakuz(z)i</i>

Мн. ч.

1.	<i>uɣateɣani</i> (<i>uɣatummeni</i> ¹ ; KIF, I, 398, строка 12)			
2.	<i>uɣatetteni</i>	<i>reɣutetteni</i>		
3.	<i>uɣadanzi</i>	<i>reɣudanzi</i>	<i>uɣdanzi</i>	

Индикатив претерита

Ед. ч.

1.	<i>uɣatenun</i>	<i>reɣutenun</i>	<i>uɣetenun</i> (<i>uɣaɣ-</i> <i>hun</i> ¹ ; XIX, 30; I, 15)	
2.	<i>uɣatet</i>	<i>reɣutet</i>		
3.	<i>uɣatet</i>	<i>reɣutet</i>	<i>uɣetet</i>	<i>uɣakut</i>

Мн. ч.

1.	<i>uɣateɣen</i>		<i>uɣetummen</i> ¹ (KBo, IV, 1; I, 28)	
2.				
3.	<i>uɣater</i>	<i>reɣuter</i>	<i>uɣeter</i>	

Императив

Ед. ч.

2.	<i>uɣate</i>	<i>reɣute</i>		
3.	<i>uɣateddu</i>			

Мн. ч.

2.	<i>uɣatetten</i>	<i>reɣuteten</i>		
3.	<i>uɣadandu</i>	<i>reɣudandu</i>	<i>uɣdandu</i>	

Инфинитив

1.			(род. п. <i>uɣumaš</i>)	<i>uɣakuzar</i>

Супин

			<i>uɣetummanzi</i> ¹	

¹ Спряжение на *-hi* (§ 188).

Причастіе

pehudanza cedanza ɟatkuɟanza

175. б) Односложные основы: lā „освободять, развязывать, распрягать“, te- „сказать“ (Sommer, HAV, 192 и сл.; Pedersen, Hitt., § 85).

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. lāmi	temi		
2. laši	teši		tarteni ²
3. lāi ¹	tezzi	lānzi	taranzi ²

Индикатив претерита

1. lāun (lānun)	tenun	lāɟen
3. lāit	tet	

Императив

2. lāi	lāttēn	tetēn
3.	teddu	darandu ²

Причастіе

lānza taranza²

3. Основы на -āi-

176. ḥatrāi- „писать“, piddāi- „убегать“, kappuɟāi- „испытывать“, ḥandāi- „прилаживать, связывать, устраивать“ (§ 13a; кроме того, Götze, Madd., 81 и сл.; Götze, Tunn., 44, прим. 132; Pedersen, Hitt., § 90).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ḥatrāmi		ḥandāmi	
2. ḥatrāši		ḥandāši	
3. ḥatrāizzi	pittāizzi (piddāi ³)	kappueši ⁴ kappuezzi ⁵ (kappuɟāi ³ , KBo, II, 9; I, 34)	ḥandāizzi (ḥantez- zi ⁵ , HT I; III, 7; ḥandāi ³ , KBo, V, 2; IV, 16)

¹ Спряжение на -ḥi (§ 186 или 187).

² От другой основы tar- (Sommer, HAV, 192 и сл.).

³ Переход в спряжение на -ḥi (§ 187).

⁴ § 176.

⁵ § 13a.

Мн. ч.

1. ʔaträuni ¹			
2.	pittatteni	kappuʔatteni	
3.	piddanzi (pittijanzi ²)	kappuʔanzi (kappuenzi ³)	ʔandanzi

Ед. ч.

Индикатив претерита

1. ʔatränun		kappaʔanun	ʔandanun
2. ʔaträes	piddäiʃ	kappuit ⁴	
3. ʔaträit (ʔaträiʃ ²)	piddäit (piddäiʃ)	kappuʔäit (kappuet ⁴)	ʔandait

Мн. ч.

1.			ʔandaʔen
2.			
3. ʔaträir	piddäir		ʔantäir

Императив

Ед. ч.

2. ʔatrai		kappuʔai (kappui)	
3.		kappuʔäiddu (kappuiddu)	ʔantäiddu

Мн. ч.

2.	pittatten	kappuʔatten	
3.		kappuʔandu	

Инфинитив

1.		kappuʔaʔar	ʔandaʔar
----	--	------------	----------

Супин

ʔandaʔanzi

Причастие

ʔatranza	pittijanza	kappuʔanza	ʔandanza
----------	------------	------------	----------

4. Основы на -jja-

177. ija- „делать“, tija- „подходить, приближаться“, ʔemija- „находить“, zaʔhija- „сражаться“, kartimmiija- „гневаться“ (§ 14a; кроме того, Pedersen, Hitt., § 89).

¹ § 16.² Переход в спряжение на -ʔi (§ 147).³ § 176.⁴ § 13a.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ijami (ijammi; I, 16; III, 24)	tijami	ɟemijami	zahhijami
2. ijaši	tijaši	ɟemijaši	zahhijaši
3. ijaz(z)i (ie(z)zi, izzi)	tijaz(z)i (tiez(z)i, tizzi)	ɟemijaz(z)i (ɟemiezzi, ɟemizzi)	zahhiezi (XXIII, 77, 76)

Мн. ч.

1. ijaɟeni	tijaɟeni	ɟemijaɟeni	zahhijaɟeni
2. ijatteni	tijatteni		
3. ijanzi (ienzi)	tijanzi (tienzi)	ɟemijanzi	zahhijanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. ijanun (ijaun; KBo, IV, 10; I, 50)	tijanun	ɟemijanun	zahhijanun	kartimmi- anun
2. ijat	tijat			
3. ijat (iet)	tijat (tiet)	ɟemijat (ɟemit)		kartimme- šta ¹ (KBo; VI, 31; I, 15)

Мн. ч.

1. ijaɟen	tijaɟen	ɟemijaɟen	
2. ijatten			
3. ier	tier	ɟemier (ɟemir)	zahhir

Императив

Ед. ч.

1. ijallu (XIV, 11; III, 19)	
2. ija	tija
3. ijaddu (ieddu)	tijaddu

¹ Переход в спряжение на -hi (§ 18⁹).

Мн. ч.

2. ijatten	tijatten		zahhijatten
3. ijandu (iendu)	tijandu	цетијанду	

Инфинитив

1. ijaɣar (род. п. ijaɣ- aš)	tijaɣar (род. п. tijaɣ- aš)
------------------------------------	-----------------------------------

Супин

ijaɣanzi	tijaɣanzi	цетијаџанзи	zahhijaɣanzi
----------	-----------	-------------	--------------

Причастие

ijanža	tijanža
--------	---------

5. Основы с инфиксом -niɣ- (§ 152)

178. ɣarnink- „уничтожить, погубить“, šarnink- „заменить“, ninink- „поднимать, созывать“ (§ 32; кроме того, Götze, Madd., 116 и сл.; Pedersen, Hitt., § 92, 2).

Индикатив презенса

	<i>Ед. ч.</i>			<i>Мн. ч.</i>	
1. ɣarnikmi	šarnikmi			šarninkueni	
2. ɣarnikti		ninikzi	ɣarnikteni	šarnikteni	ninikteni
3. ɣarnikzi	šarnikzi		ɣarnin- kanzi	šarnin- kanzi	kini(n)- kanzi

Индикатив претерита

1. ɣarninkun	šarninkun	nininkun		
2. ɣarnikta				
3. ɣarnikta	šarnikta	ninikta	ɣarninkir	nininir

Императив

2. ɣarnik		ninik	ɣarnikten	
3.	šarnikdu		ɣarnin- kandu	nininkandu

Инфинитив

1. ɣarninku- ɣar	(род. п. ni- ninkuɣaš)
---------------------	---------------------------

Супин

ħarninkuϕ- ħarninkuϕ-
anzi anzi

Причастие

ħarnin- ħarnin- ninin-
kanza kanza kanza

6. Итеративные глаголы с основой на -šk- (§ 154)

179. а) dašk- „повторно брать“, pešk- „снова давать“, memišk- „часто говорить, поговаривать“, ušk- „часто смотреть, поглядывать“ (образование от au(š)-; § 190), akkušk- „часто пить, попить“ (Pedersen, Hitt., § 88).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. daškimi	peškimi	memiškimi			
2. daškiši	peškiši	memiškiši	uškiši		
3. daškizzi	peškizzi	memiškizzi	uškizzi	akkuškizzi	

Мн. ч.

1. daškiϕani (dašgaϕeni ¹)	pišgaϕeni ¹	memiškiϕani			
2. daškitteni (daškatteni, dašqateni ¹)	piškatteni	memiškatteni (memiškiteni)	uškatteni	akkuškittani ¹	
3. daškanzi	peškanzi	memiškanzi	uškanzi	akkuškanzi	

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. dašganun	peškinun	memiškinun	uškinun	akkuškinun
2. daškeš		memiškeš (XII, 34; I, 8, memiškīt, KBo, IV, 14; III, 24)		
3. daškit	peškit	memiškīt	uškīt	akkuškit

Мн. ч.

1.			ušgaϕen	
2.	peškatten			
3. daškir	peškir			akkuškir

¹ § 11а. 21.

		Императив		
<i>Ед. ч.</i>				
1.	piškellu (VI, 45; III, 66)		ušgallu (XXIV, 5; II, 8)	
2.	peški	memiški	uški	akkuški
3.	daškiddu	memiškiiddu	uškiddu	akkuškiiddu
<i>Мн. ч.</i>				
2.	daškatten	piškatten	uškatten	akkuškitten (akkuškatten)
3.	daškandu	peškandu	memiškandu	uškandu akkuškandu

Инфинитив

(род. п. uš-kijauaš¹)

Причастие

uškanza

6) azzikk- „часто есть, пировать“, taršik- „поговаривать“ (§ 23).

Индикатив презенса

		<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>	
1.		taršikimi		
2.		taršik(k)iši	azzikkittani	
3.	azzikkizzi	taršikizzi	azzikkanzi	taršikkanzi (tar-aš-kán-zi ²)
Индикатив претерита				
1.	azzikkinun			tar-aš-ki-u-en ² (taršigaçen)
2.		tar-aš-ki-it ²		
3.			azzik(k)ir	
Императив				
2.	azzikki		azzikkitten (azzikkatten)	
3.	azzikkiddu		azzikkandu	

7. Каузативные глаголы с основой на -пи-

180. arpu- „приносить, доставлять“, цаһпу- „поворачивать“, parkunu- „очищать“, раһлашпу- (раһšanu-; § 27) „охранять“, tit-tapu- „ставить, помещать“, aš(ša)nu- (§ 27) „устраивать, заботиться о“ (§ 19a; кроме того, Pedersen, Hitt., § 92, 1).

¹ Переход в спряжении глаголов с основой на -ia- (§ 177).² § 23.

		Индикатив презенса		
<i>Ед. ч.</i>				
1. arnum(m)i	yaḥnumi	parkunum(m)i	paḥšanumi	
2. arnuši (arnutti; КВо, IV, 3; III, 11)	yaḥnuši	parkunuši		
3. arnuz(z)i	yaḥnuz(z)i	parkunuz(z)i		
<i>Мн. ч.</i>				
1. arnummeni	yaḥnummeni	parkunummeni		
2. arnuttēni	yaḥnuttēni		paḥḥašnuttēni (paḥšanuttēni)	
3. arnuḡanzi	yaḥnuḡanzi	parkunuḡanzi	paḥšanuḡanzi	
		Индикатив претерита		
<i>Ед. ч.</i>				
1. arnunun	yaḥnunun	parkununun		
2.				
3. arnut	yaḥnut	parkunut		
<i>Мн. ч.</i>				
1.	yaḥnum(m)en			
2.				
3. arnuir (arnuer)	yaḥnuir (yaḥnuer)	parkunuir	paḥšanuir	
		Императив		
<i>Ед. ч.</i>				
2. arnut		parkunut		
3. arnuddu		parkunuddu	paḥšanuddu	
<i>Мн. ч.</i>				
2. arnuttēn			paḥḥašnuttēn	
3. arnuḡandu		parkunuḡandu	paḥḥašnuḡandu	
		Инфинитив		
1. arnummar (род. п. arnum- mas)	yaḥnumar (yaḥnumar)	parkunummar	paḥšanumar	
		Супин		
	yaḥnumman/i		paḥ(ḥaš)šanum- (m)janzi	

Причастие

arnuɣanza цаһнуɣanza parkuɣanza paḥḥaš(ša)nuɣanza

Индикатив презенса

Ед. ч.

Мн. ч.

1. tittanum(m)i			
2.		tittanutteni	
3. tittanuz(z)i	aš(ša)nuz(z)i ¹	tittanuɣanzi	aš(ša)nuɣanzi

Индикатив претерита

1. tittanunun (titnunun ¹)	aššanunun	tittanummen	
2. tittanut			
3. tittanut (titnut ¹)	aššanut	tittanuer	aššanuir

Императив

1.	aš(ša)nullu ¹ (XIV, 8; II, 7; XIV, 11; III, 20)		
2. tittanut	ašnut ¹	tettanutten	
3. tittanuɣdu	aššanuɣdu	tittanuɣandu	

Инфинитив

Супин

1. tittanumar	(под. п. aššanum(m)aš)	tittanummanzi	aššanumanzi

Причастие

tittanuɣanza aššanuɣanza

8. Глаголы, не относящиеся ни к одной из групп

181. Следующие глаголы нельзя отнести ни к одной из предшествующих групп: ḥar(k)- „держать, иметь“ (Sommer, Heth., II, 7²), pa-i- „идти“ (Sommer, Heth., I, 1 и сл.), ца- „приходить“ (Pedersen, Hitt., § 86).

¹ § 27.

Индикатив презенса

	<i>Ед. ч.</i>			<i>Мн. ч.</i>	
1. ħarmi	raimi	uɣami (uɣammi)	ħarɣeni	raiɣeni (raɣeni ¹ ; XXIII, 23; III, 5)	uɣaɣeni
2. ħarši (чаще ħarti)	raiši (изредка raši ¹ , raitti ²)	uɣaši	ħarteni	raitteni (raittani)	uɣatteni
3. ħarzi	raizzi	uizzi	ħarkanzi	rañzi	uɣanzi (uenzi ³ ; Ges., § 79, вариант)

Индикатив претерита

1. ħarkun	raun (raunun)	uɣaun	ħarɣen	raiɣen (raɣen ¹ ; XVIII, 29; IV, 21)	uɣaɣen
2. ħarta		uit	ħarten		uɣatten
3. ħarta	rait	uit	ħarkir	pair	uer

Императив

2. ħar-ak ⁴			ħarten	raitten	uɣatten (uitten; 2 BoTU, 14β, 22)
3. ħardu	raiddu	uiddu	ħarkandu	randu	uɣandu

Инфинитив

1.	raɣar (род. п. raɣaš)	uɣaɣar (род. п. uɣaɣaš)
----	-----------------------------	-------------------------------

Супин

raɣanzi	uɣaɣanzi
---------	----------

Причастие

ħarkanza	panza	uanza
----------	-------	-------

¹ § 136.² Спряжение на-ñi (§ 137); Ђиққ., § 28, строка 28.³ § 176.⁴ § 25а.

182. В императиве от глагола *rai-* „идти“ сохранилась только форма 2-го лица мн. ч.; форма 2-го лица ед. ч. утратилась. Обе формы заменяются также изолированными формами императива *it* „иди!“ и *itten* „идите!“, основа которых *i-* „идти“ как самостоятельный глагол уже не существовала (ср., однако, медиальный глагол *ija-*, § 196; см. также Friedrich, ZA, NF 2, 48; Pedersen, Hitt., § 86).

183. 2-е лицо ед. ч. императива от *uṣa-* „приходить“ заменяется междометием *eḫi* „сюда!“, также „приходи“ (Pedersen, Hitt., § 75). Глагольная функция этого междометия выявляется в сочетании с приставками: *anda eḫi* (XXIV, 2; I, 11), *paṛa eḫi* (Güterbock, ZA, NF 9, 323, строка 5), *kattan eḫi* (VII, 5; I, 16; VII, 8; II, 3).

СПРЯЖЕНИЕ НА *-ḫi*

1. Основы на согласные

184. а) На один согласный: *ṣak-* (ṣek-, § 11a; Sommer, HAB, 101) „знать“, *ak-* „умереть“, *ar-* „достигнуть, прибыть“, *uak-* „кусать“, *ašaš-* „сажать“ (Pedersen, Hitt., § 76).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. <i>ṣaggahḫi</i>		<i>arḫi</i>		<i>ašašḫi</i> (<i>ašašḫe</i> ²) <i>ašašti</i>
2. <i>ṣakti</i> (<i>ṣekti</i> ¹ ; XVIII, 67; I, 9)	<i>akti</i>	<i>arti</i>		
3. <i>ṣakki</i>	<i>aki</i>	<i>ari</i>	<i>uaki</i>	<i>ašaši</i>

Мн. ч.

1. <i>ṣekkueni</i>	<i>akkueni</i>			
2. <i>ṣekteni</i>	<i>akteni</i>	<i>arteni</i> (<i>erteni</i> ¹)		
3. <i>ṣekkanzi</i>	<i>akkanzi</i>	<i>aranzi</i>		<i>ašeṣanzi</i> ¹ (<i>ašiṣanzi</i>)

¹ § 11a.² § 10.

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. šaggahñun		a-ar(-ah)-ñu- un ³		ašañun
2. šakta				
3. šakta ¹ (šakta ² ; VII, 8; II, 15)	ak(k)iš (akta ¹)	a-ar-aš	uakkiš (Forrer, Mélanges Cumont, 694, стро- ка 25)	ašašta ¹ (ašešta; КВо, III, 4; II, 20)

Мн. ч.

1. šekkuen		eruen ² (XXI, 10, 24)	uakuen	
2.	akten			
3. šekkir	akir (ekir)	erir		ašešer (ašešir)

Императив

Ед. ч.

1. šeggallu (XXIII, 88; I, 6)	aggallu (КВо, IV, 14; II, 35)		
2. šāk (šaki ⁴)	ak		
3. šakdu ¹	aku (akdu) ¹	aru	

Мн. ч.

2. šekten (šikten)		arten	ašešten
3.	akkandu		

Инфинитив

1.			ašešucar
2.			uaganna (uaganna; XXV, 24; II, 14)

Супин

ašešucanzi

Причастие

šekkanza	akkanza (agganza)	aranza	ašešanza
----------	----------------------	--------	----------

¹ Переход в спряжение на -mi (§ 169).² § 11а.³ § 26.⁴ Al., § 19, строка 75 (Friedrich, Staatsv., II, 101).

185. б) На два согласных: paḥṣ- „охранять“, ṣipand- „совершать возлияние“.

		Индикатив презенса		
<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>		
1.	paḥṣaṣḥi (paḥṣaṣmi ¹ ; XXIX, 1; I, 19)	ṣipandaḥḥi	paḥsueni	
2.	paḥṣaṣti		paḥṣaṣteni	
3.		ṣip(p)anti (ṣipandai ² ; XV, 1; III, 55; HT, 5, 20)	paḥṣanzi	ṣipandanzi (ṣipantanzi ³)
Индикатив претерита				
1.		ṣipantaḥḥun		
2.	paḥṣaṣta			
3.	paḥṣaṣta ¹	ṣippandaṣ	paḥṣir	ṣippanter (ṣippantair ² ; V, 6; II, 63)
Императив				
2.	paḥṣi		paḥṣaṣten	
3.	paḥṣaṣḍu		paḥṣandu	
Инфинитив				
1.		ṣippantuḡar (род. п. ṣipan- duḡaṣ)		
Супин				
		ṣip(p)anduḡanzi (ṣipantuḡanzi)		
Причастие				
	paḥṣanza	ṣipantanza		

2. Основы на гласные

186. а) da- „братъ“ (Friedrich, ZDMG, NF 1, 169 и сл.; ср. Pedersen, Hitt., § 77).

¹ Переход в спряжение на -mi (§ 172).

² § 166а.

³ § 11а; KBo, IV, 13; V, 12.

Индикатив презенса

	<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1.	daḥḥi	daḡeni (daḡani, dummeni ¹ , XIII, 35; IV, 6; tummeni, XVII, 8; IV, 17 и т. д.)
2.	datti (tatti)	datteni (tatteni)
3.	dāi	danzi

Индикатив претерита

1.	daḥḥun	daḡen
2.	daš (KBo, III, 4; III, 77; datta, Madd., II, 56)	datten
3.	dāš	dāir

Императив

2.	dā	datten
3.	dāu (daddu ² ; KBo, IV, 10; I, 11 и сл.)	dandu

	Инфинитив	Супин	Причастие
1.	(род. п. daḡaš)	daḡanzi	danza
2.	danna		

187. 6) dāi- „класть, ставить“ (Friedrich, ZDMG, NF 1, 169 и сл.), pāi- „давать“ (Sommer, Heth., I, 1 и сл.), pāi- „направлять, посылать“, zāi- „переходить“, ḥalzai- „звать“ (Pedersen, Hitt., § 77 и сл., 81).

Индикатив презенса

<i>Ед. ч.</i>				
1. teḥḥi	piḥḥi	neḥḥi		ḥalziḥḥi (ḥalziḡami ⁶ ; XV, 23, 19)
2. dāitti (taitti)	paišti (pešti ³)	nāitti (nejati ⁴)	zaiitti (Kup., § 9 C, 31; zāiši ⁵ , ZA, NF 5, 58)	ḥalzaitti (ḥalzešti, ḥalziiat-ti ⁴ , ḥalziḡaši ⁷ ; см. Götze, Tuyn., 31 и сл.)
3. dai	pai	pai	zai	ḥalzai

¹ Образование по аналогии (§ 188)?

² Переход в спряжение на -mi (см. хотя бы § 174, 177).

³ § 13а.

⁴ Частичный переход (в отношении основы, но не по окончанию) в спряжение на -mi (§ 177).

⁵ Переход в спряжение на -mi (§ 181, 175; ср. § 136).

⁶ Переход в спряжение на -mi (§ 177). Об этом и аналогичных ему отклонениях в спряжении ḥalzai- см. также Sommer, HAB. 231.

⁷ Полный переход в спряжение на -mi (§ 177).

Мн. ч.

1. tijaŋeni	pijaŋeni (piŋeni ¹)	nejaŋeni	ħalzijaŋeni (ħalziŋeni) ²
2. daitteni (taitteni, XIII, 4; IV, 21; taisteni, XIII, 4; IV, 27)	pešteni (pišteni)	naišteni (naištani)	ħalziŋatteni ²
3. tijanzi (tienzi; I, 17; II, 9)	pijanzi	nejanzi	ħalzijanzi

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. tehħun	peħħun	nehħun (nejaħħun; XII, 57; IV, 11)	ħalziħħun
2. daišta (daišta ³)	paišta (paišta; I, 16; III, 10; XIV, 1; I, 22)	naiš (naešta)	ħalzaiš
3. daiš	paiš (pešta)	naiš (naešta)	ħalzaiš

Мн. ч.

1. tijaŋen (XIX, 55; II, 5; XXVI, 66; III, 17; daiŋen, XXIII, 72; II, 2)	pijaŋen	zaiŋen	ħalzi(ja)ŋen
3. daier (Sold., I, 27; tier, tiir)	pier	nair (neir)	ħalzer

Императив

Ед. ч.

2. dai	pai	nai	ħalzai
3. dau	pau	nau	

Мн. ч.

2. daišten	pešten	naišten (nejatten ⁴)	zaitten	ħalzišten
3. tijandu	pijandu			

¹ § 14a.² Полный переход в спряжение на -ni (§ 177).³ Götz, Madd., стр. 61.⁴ Частичный переход (в отношении основы, но не по окончанию) в спряжение на -ni (§ 177).

И н ф и н и т и в			
1. tijaḡar (род. п. tijaḡaš)	rijaḡar	nejaḡar	(род. п. ḡal-zijaḡaš)
2. tijanna	rijaanna		
С у п и н			
tijaḡanzi	rijaḡanzi		ḡalzijaḡanzi
П р и ч а с т и е			
tijanža	rijaanža	nejanža	ḡalzijanža

188. в) С -u(m)- в I-м лице мн. ч., инфинитиве и супине: tarna- „оставить, поставить, положить, пустить“, zenna- „окончить“, šarra- „разделить, разломать“, ḡašta- „грешить“, uda- „принести“, peda- „отнести“ (Pedersen, Hitt., § 80, 82).

И н д и к а т и в п р е з е н с а

Ед. ч.

1. tarnahḡi	zinnahḡi		udahḡi	pedahḡi (pitaḡi)
2. tarnat(t)i (tarnāši ¹)	zinniši ⁴ (XXIX, I; I, 5)	šarratti	ḡaštat(t)i (ḡaštaši ¹)	pedatti
3. tarnāi (tarnāiz- zi ² , XXVIII, 4; I, 256)	zennai (zinnizzi ⁴)	šarrāi	ḡaštai (ḡašti ⁵)	udai pedai

Мн. ч.

1. tarnum- meni ³	zinnum- meni ³	šarraḡeni (XXIV, 8; IV, 5)	utunneni ³ (udum- (m)eni)	pēdum(m)eni ³ (pitum(m)eni)
2. tarnat(t)eni		šarratteni	udatteni	pedatteni (pitatteni)
3. tarnanzi	zennanzi	šarranzi	udanzi (utenzi ⁶ , XVII, 35; I, 5)	pedanzi (не- редко также pitenzi ⁶)

¹ § 1646.² Переход в спряжение на -mi (§ 176).³ Образование по аналогии с глаголами в § 180 (спряжение на -mi?).⁴ Переход в спряжение на -mi (§ 176, см. также § 13a).⁵ § 1666.⁶ § 11a.

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. tarnaḥḥun	zinnahḥun	šarraḥḥun	ušaṭaḥ- ḥun	udaḥḥun	pedaḥḥun
2. tarnaš		šarratta (XIV, 1; I, 42)	ušaṭaš		
3. tarnaš	zinnit ³ (tarništa ¹)	šarraš	ušaṭaš	udaš	pedaš

Мн. ч.

1. tarnum(m)en ² (tarnuen; 2 BoTU, 21; III, 6)				utummen ²	
2. tarnatten					
3. tarnir		šarrer (šarrir)	ušaṭer	uter	pēter (piter)

Императив

Ед. ч.

2. tarna (tarni ⁴)				uda	pēda
3. tarnāu	zinnāu			udaū	pedāu

Мн. ч.

2. tarnatten (tarništen, VI, 45; I, 32)				udatten	pedatten
3. tarnandu		šarrandu		udandu	pedandu

Инфинитив

1. tarnummar (род. п. tar- nummaš)	zinnu- uar	šarrumar (род. п. šarrumaš)	ušaṭumar	utummar	pētummar

Супин

tarnummanzi		šarrumanzi		utummanzi	pētum(m)- anzi

Причастие

tarnanza	zennan- za	šarranza	ušaṭanza		pedanza

¹ Образование по аналогии с глаголами в § 187 или 189.² Образование по аналогии с глаголами в § 180 (спряжение на -mi?).³ Переход в спряжение на -mi (§ 176, см. также § 13а).⁴ Относительно колебаний между tarna и tarni см. Sommer, HAB, 188.

189. г) С тенденцией образовывать 3-е лицо мн. ч. презенса по типу глаголов с основой на -ja- (Sommer, HAB, 188²): ešša- „совершать“, mema- „говорить“, ḥalzešša- „кричать, звать“, unpa- „пригонять“, penna- „прогонять“, uppa- „отправлять“ (Pedersen, Hitt., § 79).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. eššaḥḥi (iššaḥḥi)	memahḥi	ḥalziššaḥ- ḥi	unnahḥi	pennahḥi	uppaḥḥi
2. eššatti (iššatti)	mematti	ḥalziššatti		pennatti	
3. eššai (iššai)	memai	ḥalziššai	unnai	pennai	uppai

Мн. ч.

1. eššueni	memageni				uppiḡeni (XVII, 21; IV, 13)
2. eššatteni (iššatteni)	mematteni		unnatteni (XXVI, 19; II, 24; un- ništenī, XIII, 27; I, 32)		uppatteni (XIII, 17; IV, 8)
3. eššanzi	memanzi (memij- anzi)	ḥalziššanzi	unnanzi (чаще un- njanzi)	pennanzi (чаще pen- nijanzi)	uppanzi (uppijanzi)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. eššaḥḥun	memahḥun		unnahḥun	pennahḥun	uppaḥḥun
2.	memišta	ḥalzeššešta			uppešta
3. eš(š)ešta	memiš (чаще memišta)		unneš (unniš, unnešta)	penniš (penništa)	uppešta (uppaš; XXVI, 70, 3)

Мн. ч.

1. eššuen			unnummen		
2.	memišten				
3. eššer (eš- šir)	memir	ḥalzeššir		pennir	uppir

		Императив		
<i>Ед. ч.</i>				
1.	memallu (VI, 46; IV, 42)			
2.	ešša (išša, memi ešši ¹)	unni	penni	uppi
3.	memāu	unnāu		uprāu
<i>Мн. ч.</i>				
2.	iššatten	memišten		
3.	eššandu (iššandu)	memandu	ḫalzeššan- du	
Инфинитив				
1.	eššūcar			
Супин				
	memijaṣ- anzi		pennu- manzi	
Причастие				
	memanza			uppanza

3. Неправильный глагол au(š)-

190. au(š)- „видеть, смотреть“ (Forrer, ZDMG, NF 1, 214; Friedrich, IF, 43, 258²; Friedrich, ZA, NF 3, 186¹, 202 и сл.; Pedersen, Hitt., § 102).

Индикатив презенса

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1. uḫḫi	aummeni
2. autti	austeni (XXIII, 77, 15; ušteni, 2 BoTU, 10 γ, 8; autteni, XXI, 42; I, 30; XXVI, 12; I, 9)
3. aušzi	uṣanzi

Индикатив претерита

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
1. uḫḫun	ahmen
2. aušta	
3. au-ta	auer

Императив

<i>Ед. ч.</i>	<i>Мн. ч.</i>
uṣallu (XIV, 8; II, 42)	
au	aušten
aušdu	uṣandu

¹ Sommer, HAB, 183.

СМЕШЕНИЕ СПРЯЖЕНИЙ НА -mi и -hi

191. Уже приведенные выше парадигмы показывают присущую хеттскому глаголу тенденцию к образованию отдельных форм с отклонениями от обычной схемы, прежде всего с отклонениями от правильного типа спряжения. Здесь мы не имеем возможности описать все колебания между спряжениями на -mi и на -hi. Приведем лишь некоторые глаголы, парадигмы которых представляют настолько пестрое смешение форм, характерных для обонх спряжений (частично также и с одновременными изменениями основы), что их невозможно отнести к одному определенному типу спряжения.

192. a) dala- и daliija- „оставлять“, iṣḥāi- и iṣḥija- „связывать“, ḥuṣāi- и ḥūja- „убегать“, šai- и šija- „давить, нажимать“¹, šunp- и šun(n)ija- „наполнять“, paršāi- и paršī(ja)- „разламывать“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. dalaḥḥi (dalijami)		ḥujami		šunnahḥi (šunijami)	paršijaḥḥi (paršijami)
2. dalatti (dalijaši)		ḥu(e)jaši			
3. dalai (dalijadi)	iṣḥāi	ḥuṣaizzi (чаще ḥuṣai)	šijaizzi (šiezzi)	šunnai (šun(n)jazi, šun- nizzi)	paršāizzi (paršijazi, особенно часто paršija ² ; parši, HT. 1; I, 60)

Мн. ч.

1. talijaṣeni		ḥūjaṣeni			
2. daleṣteni (XXIII, 82; II, 22)	iṣḥijatteni			šunnatteni	
3. dalijanzi	iṣḥijanzi	ḥuṣanzi (ḥujanzi)	šijanzi	šunnanzi (šun(n)j- janzi)	paršanzi (чаще paršijanzi)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. dalaḥḥun (dalijanun)	iṣḥihḥun (iṣḥijanun)	ḥujanun	šijanun (XIII, 35; IV, 37)
----------------------------	-------------------------	---------	----------------------------------

¹ Для этой пары, вероятно, существовало первоначально то же отношение, что и для dāi : tijaizzi (§ 187).

² § 163¹, 166v.

2.
3. dališ iṣḥijāt ḥuḡaiš šijait šunnaš
(dalešta, (ḥuḡaš) (šiet) (šunništa,
daliġat) šunēt; Ges.,
§ 166 и сл.)

Мн. ч.

1. daliġaen
2. daliġatten
3. dalir iṣḥier ḥuḡair šijair šunnir
(ḥuer)

Императив

- Ед. ч.*
2. dala šai (šija) šunni
(dali¹)
3. talešdu šunniddu
(КВо, III, 3;
II, 9)

Мн. ч.

2. šaišten šuništen
(XXVI, 82, (XIII, 3; II,
9) 27)
3. iṣḥijandu šijandu

Инфинитив

1. dalumar iṣḥijaġar (род. п. ḥū- šunnumar²
(taliġaġar) jaġaš)
2. šijanna

Супин

- šijaġanzi šunnumanzi² parši(ia)-
ġanzi

Причастие

- daliġanza iṣḥijanza ḥu(ġa)ianza šijanza šunnianza paršiianza

193. б) ḥaš- „порождать“, ištarp- „запирать, закрывать, замыкать“.

Индикатив презенса

- Ед. ч.* *Мн. ч.*
1. ištarmi
3. ḥaši ištāpi (ištarp- ḥaššanzi ištappanzi
pi)

¹ Sommer, HAB, 188.

² По § 188.

Индикатив претерита

1. *ħaşun*3. *ħaşta* *ištapta* (КВо, VI, 29; II, 34;
ištappaš,
Ҳатт., IV, 26) *ħaşir*

Императив

3. *ħaşu* *ištapdu* *ištappandu*

Причастие

ħaşšanza *ištappanza*в) *takš-* „скреплять, производить, совершать, предпринимать“.

Индикатив презенса

*Ед. ч.**Мн. ч.*1. *taggašhi*2. *takkišši*3. *takkešzi* (реже *takkizzi*, *tag-*
gašši; 2 ВоТУ, 23 А; II, 15) *takkešteni* (*taggašteni*)
takkeššanzi

Инфинитив

Супин

Причастие

1. *takšučar**takšučanzi**takšanž*

СПРЯЖЕНИЕ МЕДИОПАССИВА

194. Для медиопассива различия между спряжениями на *-mi* и на *-hi* существенного значения не имеют (ср. таблицу окончаний, § 163); поэтому в нижеследующих парадигмах они во внимание не принимаются.

1. Основы на согласные

195. *ar-* „стоять, становиться“, *taḡur-* „собираться“, *eš-* „сидеть, садиться“, *kiš-* „делаться, становиться“, *raḡš-* „защищать, охранять“ (депонентный глагол = активному). Кроме того, от глагола *eš-* засвидетельствована еще форма (переходная) 2-го лица ед. ч. презенса *eštari* (Madd., I, 20, 44) „ты занимаешь (место)“ (с окончанием *-ta(ri)*, которым следует дополнить окончания, приведенные в § 163). Соответствующим этому кратким окончанием является *-ta* в *raḡhašta*. Окончание *-tari* мы имеем также в пассиве *ħalzijattari* (XXVI, 12; III, 18) „тебя зовут“ (наряду с *ħalzijattari* (XXV, 32; II, 21) „его зовут“; окончания *-tari* и *-ta* также встречаются в форме депоненса *ħannattari* (XXXI, 127; I, 43, 46)

и в форме *ḥannatta* (XXX, 11; I, 6) „ты судишь“. Формы *ḥalzattari* и *ḥannatta(ri)* относятся к числу редких (ср. § 197).

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. arḥaḥari	ešḥaḥari	kišḥaḥari	paḥḥašta (Sommer, HAB, 148)
2. artati		kištati	
3. artari (arta) taruptari	ešari (eša)	kišari (kiša)	paḥšari (Huqq., I, 34, 37)

Мн. ч.

1. arḡašta (XVII, 21; IV, 6)	ešḡašta(ti) (XII, 66; IV, 10 = KBo, III, 7; IV, 7)		
2.			paḥḥašduma (2 BoTU, 8; III, 47, 49)
3. arantari (aranta)	taruppan- tari	ešantari (ešanta, ašanda)	kišandari (kišanta)

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. arḥaḥat	ešḥaḥat (ešḥat(i))	kišḥaḥat (kišḥat)	paḥḥašḥaḥat (paḥḥašḥat)
2. artat(i)	eštat (Madd., II, 34)	kištat (XXIII, 102; I, 5; kišat, Ges., § 37)	
3. artat	darupdat	ešat	kišat (kišati) paḥḥaštat

Мн. ч.

1. arḡaštat (XXIII, 115, 13)			
2.			kišdummat (XXIII, 103; II, 4)
3. arantat (arandati)	taruppan- tati	ešantat (ešandat)	kišanat(i) (kišandat)

Ед. ч.

Императив

1. arḥaḥaru (KBo, IV, 14; III, 6; VBoT, 120; II, 20)			
2. arḥut	eṣḥut	kiṣḥut	
3. artaru	eṣaru	kiṣaru	paḥṣaru
<i>Мн. ч.</i>			
2. ardumat	eṣdum(m)at	kiṣdumat	paḥḥaṣdumat (KBo, IV, 12; II, 3)
3. arantaru	taruppan- taru	kiṣantaru	paḥṣantaru (paḥṣandarū)

Инфинитив

2.

aṣanna

Причастие

eṣanza kiṣanza

2. Основы на гласные

196. ija- „ходить“, pāi-, nejā- „поворачиваться“, zaḥḥija- де-
поненс „восвать“ (в медиальном значении „сражаться, бороться“),
uṣa- „показываться, являться“ (медиум к au(š)- „смотреть“¹;
литературу см. § 190), ki- „лежать“.

Индикатив презенса

Ед. ч.

1. ijaḥḥari	nejāḥḥari	zaḥḥijaḥḥa(ri) (§ 267)		
2. ijattati	nejattati			
3. ijattari (ija- ta, ijadda(ri))	nejari (neja)	zaḥḥijattari (§ 267)	uṣāitta(ri)	kittari (kitta)

Мн. ч.

1.		zaḥḥijaṣṣatati (KBo, III, 4; II, 13; § 266)		
2. ijadduma ² (XXIII, 72; II, 55)				
3. ijantari (ijanta)	nejanda(ri) (nijantari)		kijantari (kijanta)	

¹ Вместе с тем основа auš- с медиальными окончаниями выступает, по-
видному, как депоненс (= активу „смотреть“).

² Следует отметить šarkaliṣṣatari „вы поднимаетесь“ (?) (Sommer, HAB,
85 и сл.).

Индикатив претерита

Ед. ч.

1. ijahhat (ijahhat)	nejahhat	zahhijahhat (XXIII, 11; III, 30; § 267)	uqahhat (XXIV, 7; IV, 34; aušahhat, Forrer, Forsch., II, 23; II, 17)	
2.				
3. ijattat(i)	nejat (ча- ще nejat- tat, nejad- dat)	zahhijattat ¹ (§ 267)	uqāittat (auštāt; XVII, 10; II, 35; § 267)	kittat(i)

Мн. ч.

1.

2.

3. ijantat	nejantat(i)		uqantat	kijantati
------------	-------------	--	---------	-----------

Императив

Ед. ч.

1.

2. ijahhut (XXII, 70; I, 37; чаше it, см. § 182)	naišhut (nešhut)	zahhijahhut (XXVI, 35, 8; § 267)	uqahharu	
---	---------------------	--	----------	--

3. ijattaru	nejaru			kittaru
-------------	--------	--	--	---------

Мн. ч.

2. ijaddumat (XV, 34; I, 42)	naišdumat	zahhijaddu- mat (§ 267)		kiddumati (Huqq., IV, 7)
3. ijantaru	nejandaru		uqandaru	

3. Редкие медиальные и пассивные формы

197. Из числа редких медиальных и пассивных форм, относящихся к глаголам, обьчно имеющим активную флексию, см. еще:

а) Медиум

irhāi- „ограничивать“, мед. „кончатся“ (по § 176): irhāitta (VIII, 1; III, 5) „кончается“ (3-е лицо ед. ч. презенса);

¹ Также zahhijatta (Sommer, HAB, 87°).

уницаi- „украшать“, мед. „украшаться“: уницаḥhari (XVII, 9; I, 32) „я украшаюсь“ (1-е лицо ед. ч. презенса); unuttat (XVII, 5, 5) „она украсилась“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

ḥandāi- „устанавливать, прилаживать, устраивать“, мед. „подчиняться, предаваться“ (§ 176): ḥandāitta(ri) (КВо, IV, 4; II, 29 и т. д.) „получается, оказывается“ (3-е лицо ед. ч. презенса); ḥandanta(ri) „они подчиняются“ (3-е лицо мн. ч. презенса); ḥandāittat (КВо, IV, 4; II, 51 и т. д.) „оказалось“ (3-е лицо ед. ч. претерита); ḥandantati (XVII, 10; IV, 22) „они подчинились“ (3-е лицо мн. ч. претерита);

zenna- „кончать“, мед. „кончаться“ (§ 188): zinnattari (VIII, 1; II, 12) „кончается“ (3-е лицо ед. ч. презенса); zinnattat (КВо, II, 5; IV, 11) „кончился“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

šarra- „разделять, нарушать“ (§ 188): šarratta (Madd., I, 42) „ты нарушил“ (2-е лицо ед. ч. претерита; см. Sommer, HAV, 87³);

ḥuṣa- (ḥūja-) „убегать“ (§ 192): ḥujatta(ri) (Al., § 18, строка 65) „он убегает“ и т. д. (3-е лицо ед. ч. презенса).

б) Пассив

duṣarna- (§ 176, 188) „разбивать, разламывать“: duṣarnattari (Pār., I, 4) „он разламывается“ (3-е лицо ед. ч. претерита), duṣarnattat (Pār., I, 45) „он был разломан“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

ḥūnink- (§ 178) „повреждать“: ḥūniktari (Pār., I, 3) „его повреждают“ (3-е лицо ед. ч. презенса), ḥūniktat (Pār., I, 44) „он был поврежден“ (3-е лицо ед. ч. претерита);

aššanu- (§ 180) „устанавливать, готовить“: aššanuddāri (XIII, 20; I, 10) „его устанавливают, готовят“ (3-е лицо ед. ч. презенса).

198. Любопытная диссимилиция наблюдается у медиального глагола цаг- „гореть“: в 3-м лице ед. ч. презенса находим цагаṇi < *цагари (3-е лицо мн. ч. презенса правильно цагаṇdāri), в 3-м лице ед. ч. императива цагаṇu < *цагару (Sommer, KIF, I, 120 и сл.).

199. Малоупотребительный пассив может также заменяться соответствующими по значению активными или медиальными глаголами: aki „он умирает“ (§ 184) является также пассивом к глаголу kuen- „убивать“ и, следовательно, означает также „он убиваем“ (Friedrich, Symbolae Koschaker dedicatae, Leiden, 1939, I и сл.); kitta „он лежит“ (§ 196) означает также „его кладут“ (пассив к dāi- „класть, помещать“; § 187, Sommer-Ehclolf, Pār., 52).

4. Составные глагольные формы

200. Различаются три типа составных форм спряжения:

а) Образование пассива путем сочетания глагола еš- „быть“ с причастием: DUMU.SAL riġanza ešta (XXI, 38; II, 7 и сл.) „девушка была дана“; nuġarat anda UL SIG₃-in appan ešta (XXIII, 33; II, 8) „это было нехорошо уложено“; ħurtanteš ešir (XIV, 17; II, 12) „они были прокляты“; taruppanteš ešir (2 BoTU, 23 A; I, 15) „они были соединены“; lamniġan ešdu (XIII, 4; II, 33) „да будет названо!“; G^{is}GIGIR iškijjan ešdu (HT, 1; II, 38 и сл.) „пусть колесница будет смазана!“; ħarpanteš ešten (XIII, 4; III, 61) „пусть будете выкупаны!“; danteš ašandu (XIII, 4; III, 7) „пусть будут взяты!“

Иногда глагол еš- „быть“ опускается¹: UD.KAM^{III.A} tuħħuššan-teš (VII, 1; III, 2) „дни обрезаны, укорочены“, memijaš ištanzana (A1., § 2 B, 6) „дело (было) затянuto, просрочено“.

201. б) Выражение перфекта и плюсквамперфекта путем сочетания глагола ħar(k)- „иметь“ (§ 181) с застывшей формой именительного-винительного падежа единственного числа среднего рода причастия (Sommer-Ehelolf, Pap., 30). Перфект: G^{is}GIGIR turijjan ħarġeni (XIII, 35; IV, 2 и сл.) „мы запрягли Соевую колесницу“; nat mān kururaš DINGIR^{LM} kuiški iġan ħarzi (HT, 1; II, 18 и сл.) „и если это сделало какое-нибудь вражеское божество“; mān DINGIR^{LM} uTU^š ħaddulahġan ħarti (XV, 16; I, 4 и сл.) „если ты, о божество, Солнце (т. е. царя) исцелило“; man antuħšan kuinki raġa ħuittijjan ħarmi (Ĥuqq., III, 10) „если я какого-нибудь человека предпочел“; L^{UMES} URUGašga kuit dan ħar-kanzi (XVII, 21; IV, 7) „что взяли люди Гашта“; raġ-aš-na-an ħar-kán-zi (KBo, IV, 9; VI, 7 и т. д.) „они склонились“. Плюсквамперфект: kue KARAS^{III.A} INA KUR URUNuħašši reħudan ħarta (KBo, IV, 4; II, 63 и сл.) „какие войска привел он в страну Нухашши“; 300 GUŠKIN išġijjan ħarta (Dupr., § 2, строка 9 и сл.) „300 (сиклей) золота он (как дань) наложил“; nunu d^{is}STAR ka-niššan ħarta (Ĥatt., I, 28 и сл.) „и богиня Иштар ко мне благоволила“; nunu istamaššan ħarkir (KBo, V, 8; I, 23 и сл.) „и они слышали от меня“. Императив: nunu ištamanan laġan ħar-ak (XXIV, 1; I, 16 и сл.) „и держи ухо ко мне склоненным“; nu ŠA^{LUKUR} kueš KAS^{III.A} našza BEL MADGALTI karriġjan ħardu (XIII, 2; I, 9 и сл.) „и которые пути (путями) врага (являются), их начальник пограничной стражи под надзором (буквально: надзираемое): пусть держит“. В этом сочетании причастная форма всегда

¹ Как правило, опускается в 3-м лице ед. и мн. ч. презенса (§ 212).

сохраняется неизменной; таким образом, хеттский язык выходит здесь за пределы употребления, свойственного современным романским языкам.

202. в) Выражение значения „собираться, быть готовым что-либо сделать“ с помощью одного из глаголов: *da-* „брать“, *dai-* „класть, помещать“ или *tija-* „ступать“ в сочетании со вторым супином на *-цаг* (Götze, Hatt., 66 и сл.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 21 и сл.). Основной глагол выступает здесь часто или в форме итератива на *-šk-* или *-šš-* (§ 154), или в форме дуратива на *-appāi-* (§ 150): ERĪN^{MES} *peškiṣan daig* или *tieg* „они были готовы давать войска“; ERĪN^{MES} *peškiṣan tijaṣeni* (KBo, IV, 4; IV, 34 и сл.) „мы готовы давать войска“; EZEN^{HLA} *eššūcan tijanzi* (V, 6; I, 23) „они собираются праздновать праздники“; ^{LU}ŠU.GI *kišat naš DINGIR^{LIM}-is kikkiššūcan daiš* (2 BoTU, 23A; I, 63 и сл.) „он стал стар и он собрался богом стать (т. е. умирать)“; *nammašši arkamman piddanniṣan dāir* (Madd., I, 74) „впредь они были готовы платить ему дань“; *niṣu aši memijaš tešhaniškiṣan tijaṣ* (Murš. Sprachl., I, 7) „и мне это дело сниться стало“; E^{MES}.ŠUNU *karipuṣan dāir* (2 BoTU, 23A; I, 21 и сл.) „они начали дома свои уничтожать (буквально: пожирать)“ (Bechtel, Hittite Verbs in *-sk-*, стр. 67 и сл.; Sommer, HAB, 56).

5. Именные глагольные формы

203. Первый инфинитив (на *-цаг*) является скорее всего глагольным существительным; *цацаг* означает „приход“, *ḥanpinkuṣag* „уничтожение“. Отсюда понятно, почему эта форма в известной степени может склоняться (герундий; Friedrich, ZA, NF I, 9 и сл.).

204. а) Особенно часто встречается родительный падеж инфинитива. Но он образуется не от основы на *-цаг*, а от основы на *-и*: *raṣag* „хождение“, род. п. *raṣaš*; *tijaṣag* „положение“ (от *dai-*), род. п. *tijaṣaš*; *arṣummar* (§ 19a) „приношение“, род. п. *arṣummaš*; *šešūṣag* „отдохновение“, род. п. *šešūṣaš*; *nininkuṣag* „объявление“, род. п. *nininkuṣaš*; *turijaṣag* „запрягание“, род. п. *turijaṣaš*; *tarnummar* „положение“, род. п. *tarnummaš*.

205. б) Другие падежные формы встречаются редко. Следует отметить для *цекиṣag* „требование“ (Sommer, KIF, I, 340 и сл.) образованный от основы на *-цаг* аблатив ед. ч. *цекиṣagraz* (XII, 24; I, 6) и особенно формы множественного числа (§ 87 и 88): от *arkuṣag* „моление, молитва“ мн. ч. *arkuṣarri^{HLA}* и *arkuṣarḡga*; от *minuṣag* „достижение расцвета, роста“ (род. п. *minummaš*) — *minumar^{HLA}* и *minumarri^{HLA}* (Götze, Murš.-Ann., 223 и сл.).

206. Герундий, т. е. родительный падеж инфинитива, приближается к герундиву: *mešijaš kuiš ijaçaš* (Dupr., § 14, строка 7) „какое дело совершения (есть)“ по существу то же, что и „какое дело надлежит совершить“: *kuiš arḫa tarnummaš* (XIII, 20; I, 11) „кто отпущения (есть)“ = „кто должен быть отпущен“. Отсюда понятно, почему такой родительный падеж от существительных воспринимается иногда как форма именительного падежа единственного числа от прилагательных и к нему в отдельных случаях образуются формы именительного падежа множественного числа; так, наряду с *kuiš IKRIBU šarninkuçaš* (КВо, II, 2; III, 33) „какая молитва покаяния (есть)“ мы находим как мн. ч. *IKRIBI¹¹.A kueš šarninkueš* (КВо, II, 2; IV, 7 и сл.) „каковые молитвы покаянные (суть)“ (Götze, Hitt., 140; ср. Pedersen, Hitt., § 94).

6. Лувийские глагольные формы

207. Иногда хеттские глагольные формы имеют при себе лувийские личные окончания. До сих пор засвидетельствованы следующие случаи:

а) 3-е лицо ед. ч. презенса на -ti (Sommer, AU, 108): *anniti* „он выполняет“ (хетт. *an(n)ijazi*), *ḫašpati* „он уничтожает“ (основа *ḫašpa-*; Güterbock, ZA, NF 9, 325).

б) 3-е лицо мн. ч. презенса на -nti (Sommer, AU, 108): *çaššanti* „они одевают“ (хетт. *çaššanzi*; § 169).

в) 1-е лицо ед. ч. претерита на -ḫa (Götze, Hitt., 62, 94; Sommer, AU, 71, 389): *taparḫa* „я правил“ (основа *tapar-*), *daḫušijaḫḫa* „бездеятельно созерцал“ (основа *daḫušija-*), *ḫašpaḫa* „я уничтожил“ (основа *ḫašpa-*).

г) 3-е лицо ед. ч. претерита на -ta, также после гласных (там, где в хеттском стоит -ti) (Sommer, AU, 108): *išhizzita* (XIII, 3; III, 26) „он расшвырнул“ (основа *išhizzija-*, § 177; 3-е лицо ед. ч. презенса *išhizzijazi*), *rapritta* (2 ВоТУ, 10 γ, 18) „он осквернился“ (основа *raprāi-*, § 176; 3-е лицо ед. ч. презенса *raprizzi*), *tarpanallaššatta* „он подстрекал (?)“.

д) 3-е лицо мн. ч. претерита на -nda (Sommer, AU, 108): *amaššanda* (XII, 26; II, 8) (значение не ясно, однако встречается наряду с формами 3-го лица мн. ч. претерита на -ir).

СИНТАКСИС

СОГЛАСОВАНИЕ¹

208. Принято считать, что в хеттском языке согласование в роде и числе соблюдается слабо. До некоторой степени это наблюдение соответствует действительности; однако детальное исследование вопроса о согласовании в хеттском языке еще не произведено. Предварительно отметим следующее:

а) Действительные языковые факты частично затемненыписанием; под окостенелыми формами идеографической передачи многочисленных, часто употребляемых имен существительных могут скрываться совершенно различные в фонетическом и грамматическом отношениях формы.

1. Если, например, при KUR „страна“ атрибутивные прилагательные и местоимения выступают иногда в среднем роде, а иногда в общем, то в первом случае KUR передает слово ср. р. *udne* „страна“ (§ 79), а во втором — слово *genus commune* — *udpejant-* „страна“ (§ 53 а, 81) (Sommer, AU, 343; Götze, Murš.-Ann., 203 и сл.).

2. Под множественным числом идеограмм типа ERÍN^{MES} и NAM.RA^{MES} могут скрываться как формы множественного числа „войска“ и „пленные из мирного населения“, так и соответствующие собирательные образования в единственном числе (Sommer, AU, 145). Поэтому, с одной стороны, мы встречаем конструкции с согласованием во множественном числе: *kuēš ERÍN^{MES} NARARĒ anda ʕarišʕanteš ešir* (KBo, V, 8; I, 18 и сл.) „какие вспомогательные войска на помощь пришли“; *NAM. RA^{MES}-ʕamukan kuēš piran arḫa paršer* (XIV, 15; III, 28) „пленные из мирного населения, которые передо мной разбежались“, а с другой — мы имеем и примеры согласования в единственном числе: *kāš 6 ME ERÍN^{MES} SAG. DU-i uškišgatallaš ešdu* (XIV, 15; IV, 48) „это войско из 600 (человек) личной охраной пусть будет“; *NAM. RA^{MES} kuin ʕater naš I LIM ešta*

¹ § 208—210 даются в расширенной редакции, помещенной автором в сборнике хеттских текстов (J. Friedrich, *Hethitisches Elementarbuch, II Teil, Lesestücke in Transcription*, Heidelberg, 1946, S. 129—131). — *Прим. ред.*

(КВо, V, 6; I, 36 и сл.) „масса пленников, которую доставили, это (общ. р.) была 1 тысяча“ (так же в род. п. ед. ч. *apēl šA NAM. RA^mš; Durr., § 13, „этой пленной массы“ и т. д.*)

б) В то же время в хеттском языке сильно распространено согласование по смыслу; в особенности это относится к согласованию в числе (Sommer, AU, 211¹). Если подлежащим является существительное с собирательным значением, то глагольное сказуемое может стоять при нем во множественном числе: *KUR-eanza ḫpanza URU^{AS.AS.HI.A} BĀD EGIR-pa epri* (КВо, III, 4; IV, 36 и сл.) „вся страна в укрепленные города удалилась“ (буквально: „удалились“, так как здесь имеются в виду „обитатели страны“). И наоборот, при подлежащем во множественном числе глагольное сказуемое может стоять в единственном числе там, где существительное, выступающее в качестве подлежащего, воспринимается в собирательном значении (Sommer, AU, 153 и сл.): *ḫeçeš kiša* (VIII, 1; III, 8 и сл.) „ливни настанут“ (буквально: „настанет“), так как здесь может иметься в виду „наступление периода дождей“.

в) В случаях с многочленными сложными предложениями восприятие хетта легко могло при переходе от одной части предложения к другой колебаться как между единственным и множественным числом, так и между общим родом и средним. Ср., например: *šardiassanna kuin ucatet šuš [kuenun?]* (2 BoTU, 7, 37) „и помощь, которую он привел, я их (разбил?)“ (*kuin* = *quem*, но *š-uš* = *eos*, поскольку здесь мыслятся „войска“); *URⁱ-ri ašeššar kuit* и *HUR.SAG^{NA}perunu[š ḫarta]* (КВо, IV, 4; IV, 6) „которое в городе население, оно гору и скалы занимало“ (*kuit* = *quod* точно передает существительное ср. р. *aseššar* „население“, но *p-aš* = *is*, так как здесь мыслится существительное м.-ж. р. *antuḫšannanza* „народонаселение“); *[KA]RAŠ-zakan kueš tepaçeš i[špart]er apātman ḫuman a[rḫa ḫ]ašpir-pit* (Madd., I, 48) „войска (буквально: лагерь), которые (из которых) немногие ускользнули, и все это они же истребили“ (за существительным в единственном числе *KARAŠ* „лагерь“ следует конструкция во множественном числе: *kueš tepaçeš išparter* „которые немногие ускользнули“; здесь говорящему представляется сначала слово со значением „войска“, но затем он вспоминает существительное среднего рода единственного числа „лагерь“, с которым и производит далее согласование: *apāt ḫuman* „это все“).

209. Колебания в роде установлены:

а) С названиями частей тела (Sommer, NAB, 110). Так, в одних случаях со словом ср. р. *gepu* „колено“ мы находим правильное согласование притяжательного местоимения в среднем роде (*gepu-ššit* „его колено“; VII, 1; III, 7), в других же — притяжательное местоимение в общем роде: *gepuššuš* „его колени“ (вин. п. мн. ч.;

КВо, III, 4; II, 20; КУВ, XIII, 4; II, 58; XVII, 29; II, 11; ср. Götze, *Murs.-Ann.*, 215). То же и с обозначениями „руки“ — *kešeras* (общ. р.) и *kešsar* (ср. р.), где обнаруживаются совершенно обратные в отношении грамматического рода конструкции с притяжательным местоимением; ср., с одной стороны, *ŠU-aš-šet* (Ges., I, § 4) „рука его“ (т. е. *kešerasaššet*; существительное мужского-женского рода + местоимение в среднем роде), с другой — *kešsar-šiš* (Ges., I, § 3) „рука его“ (существительное среднего рода + местоимение в мужском-женском роде).

б) Иногда такие колебания наблюдаются и в других случаях, подлежащих еще исследованию. Ср., например: EN *ŠISKUR. ŠISKUR-jakan... aššu ešdu* (КВо, IV, 1; I, 45 и сл.) „и пусть совершающий жертвоприношение (буквально: господин жертвоприношения)... добр (хорош; *aššu* — ср. р.) будет“; *mān antiqaḥḥaš šuppi* (КВо, V, 2; I, 3) „если человек чист“ (*šuppi* — ср. р., но параллельно мы встречаем там же — IV, 64 — *mān UḲŪ-aš šuppiš* с правильным употреблением прилагательного в общем роде; иначе Sommer, *HAB*, 176 и сл.). Наряду с правильной конструкцией *MI-an ḥunandan* „всю ночь“ (например, КУВ, I, 13; I, 56; II, 10, 59 и т. д.; *MI-an* = *išpan-dan*, вин. п. ед. ч. от существительного м.-ж. р. *išpant-* „ночь“) в „Лошадиной книге“ часто встречается также *MI-an ḥunān* с прилагательным в среднем роде (например, КУВ, I, 13; III, 28; КВо, III, 5; I, 30, 39; возможно, что мы здесь имеем дело с ошибкой составителя, который не был хеттом). То же *E^{HI.A}-KUNU-jašmaš parkiцаeš eštu* (XV, 42; II, 12) „и дома ваши у вас чистые пусть будут“ (*E^{HI.A}* — им.-вин. п. мн. ч. от существительных ср. р. *rig* или *raḡna*; *parkiцаeš* — прилагательное в им. п. мн. ч. общ. р. наряду с правильной, согласно § 210, постановкой ед. ч. *eštu* глагола после существительного среднего рода). См. также Sommer, *HAB*, 176^b.

в) Следует упомянуть здесь и об употреблении формы им.-вин. п. ед. ч. ср. р. *mekki* „много“ вместо формы именительного-винительного падежа общего рода в единственном и множественном числе (Sommer, *HAB*, 63; ср. нем. *viel Menschen* и т. п.); *apaš DUMU-aš LUŠU.GI: ešzi [nuz]a DUMU^{MEŠ} mekki ijazi* (VIII, 35; I, 9 и сл.) „этот мальчик вырастет и произведет много детей“ (*mekki* вместо вин. п. мн. ч. общ. р. *meggauš* „многих“); *niца kunanzašša mekki LUappanzaššaua mekki* (КВо IV, 4; II, 75) „и убитых много и пленных много (буквально: и убитый много и пленный много)“ (*kunanzašša* и *LUappanzašša* = *kunanza* и *LUappanza*, им. п. ед. ч. общ. р. +а „и“; ср. § 25 б).

210. 1) Если подлежащим является существительное среднего рода во множественном числе, то сказуемое ставится в единственном числе.

а) В отношении глагольного сказуемого это правило, так же как и в греческом языке, применяется без исключений (Sommer, HAB, 168): *uidār ANA ŠAPAL MUL^{III.A} šešzi* (КВо, V, 2; II, 2б) „воды (die Wassurportionen) останутся под звездами (ед. ч.)“; *arēja uddār QATAMMA lagāru* (КВо, II, 3; III, 21 и сл.) „и эти слова также сбудутся (ед. ч.)“; *kururi^{III.A}-mamu kue ešta* (Hatt, IV, 56), которые же (страны) мне враждебны были (ед. ч.)“.

б) Также ставится в единственном числе, но уже в отличие от греческого языка, и именное сказуемое (Sommer, HAB, 1114): *kema tuppa^{III.A} ... anijan ešta* (КВо, IV, 10; I, 38) „а эти таблетки... изготовлены были (ед. ч.)“; *kururi^{III.A} meggaja nininkan ešta* (КВо, V, 8; II, 35 и сл.) „много (буквально: многие) вражеских войск собрано было“; *GIŠINBI^{III.A} išpuṣan* (КВо, V, 1; II, 35) „фрукты насыпаны (ед. ч.)“; *kejakan É DINGIR^{II.M}... ukturi QATAMMA aššu eštu* (КВо, IV, 1; I, 43 и сл.) „и эти храмы... крепки (и) так же хороши (защищены) пусть будут (ед. ч.)“.

Однако именное сказуемое иногда встречается и во множественном числе; ср. вариант последнего примера; *kejaṣa É DINGIR^{II.M} QATAMMA raḥḥašnuṣanda eštu puṣaratšan...* *ukturi eštu* (КВо, IV, 1; I, 9 и сл.) „и эти храмы пусть так же защищены (мн. ч.) будут (ед. ч.) и это... твердо пусть будет“.

2) При существительных среднего рода в именительном-винительном падеже множественного числа притяжательные местоимения ставятся в единственном числе (Sommer, HAB, 97): *uddārmīt* (KUB, I, 16; II, 56) „слова мои“; *šakuṣa-sset* (KUB, XXIX, 1; II, 18) „глаза его“. Ср. парадигмы в § 114.

211. а) После числительных относящиеся к ним существительные ставятся или во множественном, или в единственном числе (Sommer-Ehelolf, Pār., 52, с указ. лит.): *7^{NA4}paššiluš* (*NA4*paššilan) *ÍD-az šarā dai-* (КВо, V, 2; I, 56) „он вынимает 7 камешков из реки“; *3 hurrušḥèš kijanta* (или *kitta*; § 210) или *3 hurrušḥiš kitta* „3 алтаря поставлены“ (§ 199).

б) С другой стороны, встречаются и такие сочетания, как *1-NUTIM TÚG. GAR.NE^{MES}* (КВо, V, 2; I, 31) „одна единица роскошных одеяний (т. е. одно роскошное одеяние)“.

212. а) В презенсе мы находим часто образование чистых именных предложений, т. е. состоящих из подлежащего и сказуемого, без глагола „быть“: *attaš aššuš* „отец добр“; *MU. KAM-zaṣata šer tēpaṣeššanza* (КВо, IV, 4; III, 24) „год тебе для этого укороченный (уменьшенный)“, т. е. „тебе для этого остается мало времени“.

Если подлежащим является личное местоимение (включая *arāš*), то оно часто ставится эмфатически на конце (Sommer, HAB, 154):

piaršanzaça zik (2 BoTU, 12 A; II, 20) „плохой ты“; *UL DUMU-IA* aras (2 BoTU, 8; II, 14) „не слы мне он (буквально: зтот)“.

б) Эта конструкция возможна также и в императиве (а также в отрицательном обороте, le с индикативом презенса; § 274 а, 287; Sommer, AU, 168, 326): piçaras amşik ^{LC}*MUDI,IA* (KBo, V, 6; IV, 11) „и (пусть) он мне муж (будет)“; 1-as 1-edani menahhanda le idalus (Targ., § 10, строка 10) „один на другого (пусть) не злобен (будет)!“

Встречаются и чередующиеся конструкции, например: piçaza damedaza KUR-eza kurur eš ammetazamaçazakan KUR-eza arha lē kurur (Tav. IV, 4 и сл.) „теперь же из другой страны враждебен будь, из моей же страны не (будь) враждебен! (т. е. ты можешь враждовать, но не от моего имени)“.

в) В претерите глагол „быть“ опускаться не может (Sommer, AU, 25, 54¹, 62): attas aššus esta „отец был добр“; *ABU,IA* genziçalas esta (KBo, V, 6; IV, 13) „мой отец был благосклонен“; piça MU.ÇAM-za šer teparçessanza esta (KBo, IV, 4; III, 23) „и год был для этого уменьшенный“. Относительно чередования претерита и презенса см. последнее положение § 219.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ

1. Винительный падеж

213. а) С глаголами, содержащими понятие болезни, предложения могут конструироваться двояким образом (Friedrich, Staatsv., I, 31 и сл.): в качестве подлежащего здесь выступает или больной (т. е. интранзитивно): ^{SAL}Gassulijaçijas istarkiat (KBo, IV, 6; I, 24) „Г. заболела“, или же название болезни, а название больного является дополнением в винительном падеже: kappin DUMU-an HUL-lu GiG GiG-at (KBo, IV, 12; I, 5 и сл.) „маленького мальчика поразила злая болезнь“.

б) В последней конструкции болезнь часто остается невыраженной, в результате чего возникает безличный оборот с лицом в качестве дополнения в винительном падеже: istarkijazzi kuinki (Targ., § 13, строка 38) „болеет всякий“; tukma irmalijattat (Dupr., § 7, строка 14 и сл.) „а ты заболел“.

214. а) Местоимение в среднем роде может выступать как „внутренний винительный“ (как в лат. hoc te rogo, греч. τὸτο ὑαίρω; Friedrich, Staatsv., I, 78 и сл.): tuk *UL* kuinki idalaçaḥḥun (Kur., § 8 C, 23) „в отношении тебя я совсем не поступал дурно“; arättaja NIS DINGIR^{LIM} šarratti (Targ., § 11, строка 23 и сл.) „и этим ты нарушаешь клятву; kijan 1-an dammešḥanunun (KBo, IV, 8; II, 13) „одним этим я ее наказал“.

б) „Внутренний винительный“ выступает также в хеттском языке как распространенная *figura etymologica*, например: *ḫanessar ḫanna-* (Hatt., III, 73) „суд судить (вершить)“, *kurijatin kur-* (Hatt., IV, 34) „замысел замышлять“, *ḫukmaiš* (§ 10, 67 а) *ḫu(e)k-* (VII, 53; II, 6) „заклинания заклинать“, *urressar urra-* (Hatt., IV, 52 и сл.) „послание посылать“ (Sommer, HAB, 41).

в) Как разновидность внутреннего винительного падежа можно рассматривать также и „винительный пути“ (§ 215 б).

215. а) Очень редко винительный падеж отвечает на вопрос „куда?“ (Friedrich, Staatsv., II, 40): *salli pedan tijazi* (КВо, I, 28; I, 14) „он вступает на великое место (т. е. на трон)“; *nušmaškan ḪUR.SAG-an parḫanzi* (XIII, 3; II, 11) „они погонят вас в горы“. Обычно в этих случаях употребляется дательный-местный падеж (§ 217).

б) Несколько иначе обстоит дело с „винительным пути“: *mapkan ḪUR.SAG Teḫšinan šara raun* (XIX, 37; III, 49) „я бы поднялся на гору Т.“.

216. Формы винительного падежа, застывшие в виде наречия, например: *ḫantezzi* (Al., § 17, строка 58) „сначала, прежде всего“, *kaḡuḡariḡar* „утром“.

2. Дательный-местный падеж

217. Хеттский дательный падеж объединяет в себе функции дательного и местного падежей; он отвечает как на вопрос „кому?“, так и на вопросы „где?“ и „куда?“. Об употреблении в значении местного падежа см. следующие примеры: *URU-an šašti цаḫḫun* (КВо, IV, 4; III, 36 и сл.) „я напал на город на ложе (т. е. во время сна, ночью)“; *URU Ḫattusi ginmandarinun* (КВо, IV, 4; IV, 40 и сл.) „я перезимовал в Хаттуше“; *URU KÜ.BABBAR-ši* (= *URU Ḫattusi*) *uḡanun* (КВо, III, 4; III, 37 и т. д.) „в Хаттуш я пришел“; *nušmaškan reḡuni parḫanzi* (XIII, 3; II, 13) „они погонят вас на скалу“; *KUR ḫeḫa ḪR-anni dahḫun* (КВо, III, 4; III, 22) „я взял в подчинение страну реки Шеха“.

218. а) Глагол „быть“ может иметь при себе possessivный дательный падеж (Sommer, AU, 258²): *AMA ŠEŠ-IA NU. GÁL kuitki* (XXI, 38; I, 15) „у моего брата нет ничего“.

б) Сюда же можно отнести обозначения мер, например: *AMA цаšannima pargatarset 6 IKU* (КВо, III, 2; I, 25 и сл.) „высота же цаšanna (ристаллища) 6 ику“ (Friedrich, ZA, NF 5, 36 и сл.).

в) Наряду с possessivным дательным (*dativus possessivus*) существует также possessivный родительный падеж (*genetivus*

possessivus) (Sommer, HAB, 59); URU¹jaru²addašya URU-as annaz am-mêl ŠA ABI ABIJA esta (КВо, III, 3; I, 14 и сл.) „город Ияру-вадлаш был раньше (т. е. принадлежал раньше) моего дела“.

219. Дательный падеж употребляется иногда с нашей точки зрения плеонастически (dativus ethicus): nušmaš (или nuza; § 252) DINGIR^{MES}-as ZI-ni mekki naḥḥantes estin (XIII, 4; III, 56 и сл. или XIII, 6; II, 16) „что касается настроения духа богов, будьте (себе) весьма осторожны!“; nušmaš uzuḥrin adanzi (КВо, III, 5; III, 3) „они (себе) траву подают“; aššijannašyannaš IR^{MES} ešuen, kinun-pa²atuza UL IR^{MES} (XXIII, 1; I, 31 и сл.) „любви служителями (т. е. любимыми слугами) были мы (себе; буквально: нам), ныне же мы (себе) тебе не служители“ (§ 212 в).

220. Местным значением дательного падежа объясняется его употребление, как:

а) Дательный цели (Sommer, HAB, 104): nukan kuin ANA 'Nu²anza ḥaluki raga neḥḥun (КВо, IV, 11, 68 и сл.) „кого я теперь к Ну-ванце в посольство (с целью посольства) отправил“.

б) Дательный действующего лица при пассиве: ʾUTU-ikan kuiš aššijattari (XXIV, 7; IV, 37) „кто любим солнечной богине“; zik-zakan ammuqqa l-edani AMA-ni ḥaššanteš (XXIII, 102; I, 14 и сл.) „ты и я от одной ли матери рождены?“ (иначе Sommer, HAB, 78, 185).

в) Dativus comparationis (§ 233).

3. Родительный падеж

221. а) Родительный падеж стоит чаще перед управляющим словом, чем после него (Sommer, HAB, 47 и сл.): parnaš išḥāš „дома хозяин“; attašaš E-ri (Ges., § 27) „в его отца доме“; LÚ-paš цаštul (Ges., § 197) „человека проступок“.

б) Постановка родительного падежа после управляющего слова возможна в том случае, когда слово обозначено идеограммой (Sommer, AU, 49¹, 93; HAB, 47 и сл.): LÚ takšulaš (XXIII, 77, 60) „человек мира“ (наряду с takšulaš URU „город мира“; там же, 52, 59); INIM kunannaš (Тав., II, 3) „дело убийства“.

222. а) Более обстоятельное выражение значения родительного падежа достигается путем добавления притяжательного местоимения („человека его голова“; Sommer, HAB, 110). Эта конструкция особенно распространена в „Судебнике“ (и вообще она является древней): GUD-as IGI-ŠU (Ges., § 77 В) „быка глаз его“; SAL-aš ELLI sarḫu²anduššus (Ges., § 17) „свободной женщины плод ее (мн. ч.)“; kel meneššit (Ges., § 166) „этого лица его“.

вариант с род. п. *patmukan antuhsas KA×U-az šarā uizzi*) „и это (т. е. это слово) ко мне из человеческого рта (буквально: из человека, изо рта) восходит“.

б) Особенно следует обратить внимание на употребление в этой конструкции личных местоимений: *nuza ke KUR. KUR L^UKÜR ammedaz ŠU-az tar(a)hūn* (КВо, III, 4; IV, 45 и сл.) „и я себе эти страны врага своей рукой (буквально: от меня, от руки) подчинил“; *UL-qaḡankan tuetaza memijanaz kuennir* (VIII, 48; I, 12) „разве они его не по твоему слову (буквально: не через тебя, через слово) убили?“ Практически эта конструкция приводит к тому, что личное местоимение занимает место possessивного местоимения; однако происхождение данного оборота нам неизвестно.

в) В качестве партитивной аппозиции следует рассматривать также обозначения мер, например: *nas parkuqataršet 5 IKU* (I, 11; IV, 23) „и оно (ристалище), высота его 5 ику (т. е. высота ристалища равняется 5 ику)“; *gankuqaḡ arəttaja UL duqqari* (КВо, IV, 1; II, 12 и сл.) „и эти, вес, не важен (т. е. и их вес не важен)“ (Friedrich, ZA, NF 5, 36 и сл.).

4. Аблатив и творительный падеж

225. а) Аблатив обозначает прежде всего исходную точку движения (на вопрос „откуда?“): *iššaz* „изо рта“, *perišaz* „с неба“, *çetepaz* „из воды“.

б) С этим значением связаны аблатив разделения: *parkuiš arəz linkiḡaz* (Huqq., IV, 48 и сл.) „свободен от этой клятвы“ и аблатив причины: *šullannaz* (Ges., § 1, 2) „в результате ссоры“.

226. Затемненный аблатив подобного рода содержится, возможно, также в наречиях места и времени, например: *ZAG-az* „справа“, *iškišaz* „обратно, сзади (с оборотной стороны)“, *ḡap-tezzijaz* „спереди, раньше“, *UD.KAM-az* „днем“, *M1.KAM-az* „ночью“ (Sommer-Eheloḡ, Pap., 95).

227. Инструментальный (творительный) падеж обозначает средство или орудие: *nukan IZI çetenit kištanuḡanzi* (КВо, IV, 2; I, 12) „и огонь водой тушат“; ⁴*UTU-un IGI^{11.A}-it uškizzi* (КВо, IV, 8; II, 19) „Солнце глазами видит“; *LÚ.Í.DÙ-maškan lamnit ḡalziššai* (КВо, V, 11; I, 6 и сл.) „но привратник зовет их по имени“; *kaštitaiman akten* (Madd., I, 12) „вы бы умерли от голода“.

228. Наряду с этим хеттский язык знает также и *ablativus instrumenti* (аблатив орудия) (Sommer, HAB, 199 и сл., с указ. лит.): *ḤAZZINNU-ça ŠU-za ep* (VIII, 50; III, 11) „схвати топор

рукой!"; URU-an zaḥḥijaz katta daḥḥun (КВо, III, 4; IV, 40) „город боем я взял“; ammedaz ŠU-az tar(aḥ)ḥun (КВо, III, 4; IV, 45 и сл.) „моей рукой покорил“ (§ 224 б).

229. а) Поэтому аблатив и инструментальный падеж иногда употребляются попеременно (Hrozný, *Donum nat. Schrijnen*, 367 и сл.). Можно сказать: kunnaz keššeraz ḥarzi и kunnit keššarta (§ 66) ḥarzi „правой рукой держит“; natzakan naššu tešhit uḥallu (§ 150) pašmat arijašešnaz ḥandajattaru (Pestgeb., II, § 11, 3) „(что является причиной мора), то это или сном (т. е. во сне) увижу, или это оракулом будет установлено“.

б) То же при глаголах движения: ĠIR-it šarā paun (XIV, 15; III, 44) „пешком я поднимался“ и LUGAL-uš ^{ciš}ḥuluganaz šara uizzi „царь в носилках (?) восходит“.

в) К существительному в аблативе, повидимому, может присоединиться притяжательное местоимение в инструментальном падеже: šarḥuandaz-šet (Ges., § 90) „из ее утробы“; iššazmit (т. е. iššaz-šmit) „из их рта“ (Sommer, HAB, 137; иначе Pedersen, Hitt., § 17); ZAG-az-tit (XXXI, 127; I, 66) „у тебя справа“.

5. Общие замечания о синтаксисе падежей

230. Многие глаголы могут управлять несколькими падежами. Так, например:

а) цаtarnaḥ — винительным: „просить кого-нибудь, призывать, поручать кому-нибудь“ и дательным: „сообщать кому-нибудь“ (Sommer, AU, 223).

б) katta dai — винительным: „город положить (т. е. покорить)“ и дательным: „к городу (войска) положить, город обложить, осадить“ (Sommer, AU, 210 и сл.).

в) paḥ- „бояться“ — винительным: paḥmiuš (VIII, 65, 22) „боюсь их“; UL-za kuitki paḥmi (V, 1; I, 99 и сл.) „ничего не боюсь“; дательным-местным: andamaza paḥḥuenašša uddani mekki paḥḥanteš eštin (XIII, 4; III, 44) „внутри же в деле огня (т. е. когда имеете дело с огнем) очень опасаящиеся (т. е. осторожны) будьте!“ (дательный падеж также при paḥ- „кого-нибудь почитать“; Sommer, AU, 94 ¹) и в единичных случаях аблативом: puza ḥalluqajaza mekki paḥḥanteš eštin (XIII, 4; III, 43) „и ссоры очень остерегайтесь (буквально: остерегающиеся будьте)!“ (Sommer, AU, 94 и примеч. 1).

231. Относительно выравнивания форм именительного и винительного падежей множественного числа см. § 67. В единичных случаях употребляется также форма именительного падежа

единственного числа в качестве винительного: 5 GUD tajugaš 5 GUD jugas 5 GUD šačitišza pai (Ges., § 57) „5 быков двухлетних, 5 быков годовалых (основа juga-, соответственно tajuga-), 5 быков сосущих (?) (основа šačitišt-; § 80) даст“. В „Лошадиной книге“ иногда встречается от kant- „пшеница (?)“ правильно образованная форма вин. п. ед. ч. kantaп (XXIX, 40; III, 20 и т. д.), но в большинстве случаев вместо формы винительного падежа единственного числа¹ выступает форма им. п. ед. ч. kanza (I, 11; I, 44; II, 11; III, 44; I, 13; I, 9 и т. д.).

СРАВНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

232. Сравнение прилагательных выражается, за немногими исключениями (§ 95), не с помощью особых суффиксов, а синтаксическим путем.

233. Для обозначения сравнительной степени служит *dativus-localis comparationis* (дательный-местный падеж сравнения; Friedrich, AfOr, 3, 185 и сл.): *pačakan ANA ERIN^{MES}-KA ERIN^{MES}-IA mekki ANA ANŠU.KUR.RA^{MES}-<KA->-mağatta ANŠU.KUR.RA^{MES}-IA mekki* (XIX, 29; IV, 18 и сл.) „теперь моя пехота многочисленнее твоей пехоты (буквально: велика при твоей пехоте), мои боевые колесницы многочисленнее твоих колесниц“; *pačakan anzel TI-anni UL ŠA BĒLUNI TI-tar nakkī* (Bo, 2361 + 2365; II, 21 и сл.) „затем (если) жизнь господина нашего не важнее нашей жизни“. Из другого примера (Sommer, HAB, 219 и сл.) следует, что хеттскому языку наряду с обычным дательным сравнения (*dativus comparationis*) не был чужд также и аблатив сравнения (*ablativus comparationis*).

234. Образование превосходной степени весьма напоминает образование сравнительной и яснее всего узнается из добавления слова *ḫanpa* „весь“ к форме дательного-местного падежа множественного числа: *DINGIR^{MES}-naš ḫumandaš dZašapunaš šalliš* (KBo, III, 7; IV, 15 и сл.) „из всех богов Ц. величайший (собственно: великий)“.

Выражение превосходной степени мы находим также в предложении: *šallajaškan DINGIR^{MES}-aš kuiš šalliš* (XXXI, 141, 3) „из великих богов который велик“.

¹ Это следует рассматривать как языковую погрешность составителя текста, который не был хеттом (Sommer, OLZ, 1939, 161 и сл.).

НАРЕЧИЯ

235. Наречия являются либо первичными по своему происхождению, либо производными.

236. Первичные наречия:

а) Наречия места: *ka* „здесь“, *arija* „там“, *kez* „отсюда, с этой стороны“, *arez* „оттуда“, *ediz* „с той стороны, по ту сторону“, *kuçari* „где? куда?“, *kuçarikki* „где-нибудь“, *UL kuçarikki* „нигде“, *kuçaritta* „повсюду“, *andurza* „внутри“, *arazza*, *arazanda* „вокруг, вне“, *menahhanda* „(на)против“, *arha* „прочь“, *para* „вон, дальше“, *riğan* „перед“ (*Zuntz, Ortsadv.*, 13, 59 и сл., 85 и сл.), *şer* „наверху, вверх“ (также „за это, поэтому“), *şarā* „вверх“, *anda(n)* „внутри, внутрь“, *taruša*, *taruşa* „в сторону, возле“, *duçan* — *duçan* „туда — сюда“.

б) Наречия времени: *kinun* „ныне“, *arija* „тогда“, *kuçari* „когда?“, *kuçarikki* „когда-нибудь, некогда“, *UL kuçarikki* „никогда“, *karu* „раньше, уже“, *annişan* „прежде, некогда“, *lukkatta* „рано утром, на утро“, *ziladuça*, *zilatija* „в будущем“, *puça* „еще“, *pāci* „еще не“, *riğan para* „прежде, перед тем“, *duçan para* „до сих пор“, *hudāk* „внезапно, тотчас же“.

в) Наречия образа действия, степени и т. д.: *kişşan* „так, таким образом“, *enişşan* „так же“, *arenişşan* „так“, *arumma* „весьма“, *kuçat* „почему?“, *kuçatqa* „как-нибудь, может быть“, *UL kuçatqa* „ничуть, отнюдь не“, *pamša* „тогда, затем“, *imša* „наконец(?)“, *katta* „соответственно(?)“.

237. Как производные наречия выступают:

а) застывшие падежные формы (§ 216, 226);

б) производные от прилагательных.

238. Форма именительного-винительного падежа среднего рода от прилагательных может служить наречием: а) в единственном числе: *mekki* „много“ как наречие означает „очень“; *mān antuḥ-šan* *kuinki aşşu¹ para ḥuittijan ḥarṣi* (Иуцц., § 28, строка 9 и сл.) „если я с каким-нибудь человеком особенно хорошо обошелся“; *LÜKÜR karşi zaḥḥijaddumat* (XIII, 20; I, 19) „с врагом стойко сражайтесь!“; б) во множественном числе: *ḥatuga* „ужасно“ (*Götze-Pedersen, Murš. Sprachl.*, 17 и сл.; *Sommer, HAB*, 111).

239. Вместе с тем существует и специальный суффикс наречий *-li* (первоначально форма именительного-винительного

¹ *aşşu* „добро“ может означать также формулу приветствия (Tenner, *KIF*, 1, 388).

падежа единственного числа среднего рода от таких прилагательных, как *karuili* „старый“; § 54 б): ^{LÚ}*KÚR-li* „по-вражески“, *SAL-nili* „по-женски“, *aššuli* „хорошо, по-доброму“, *pittijantili* „как беглец (*pittijan*za), *karuššijantili* „тайно“ (*karuššija-* „молчать“).

240. Окончание *-li* (иначе *-imnili* с показателем происхождения *-imna*; § 56) особенно характерно для наречий, означающих речь на каком-либо языке: *ḫattili* „по-хаттски (т. е. по-протохаттски)“, *ḫurlili* „по-хуррийски“, *luḫili* „по-лувийски“, *nāsili* (Hrozný, Arch. Or., 1, 294; также *nešumnilī?*, Hrozný, JA, 1931, 317 и сл.) „по-несийски (т. е. по-хеттски)“, *raḫumnilī* „по-палайски“, *rabīlīlī* „по-вавилонски“.

ПОСЛЕЛОГИ

241. а) Хеттский язык имеет только послелого, предлогов в нем нет. Границы между послелогом, с одной стороны, и наречиями и приставками, с другой, неустойчивы (относительно *aḫa*, *paḡā* и *piran* см. Zuntz, Ortsadv.).

б) Те синтаксические отношения, которые мы передаем при помощи предлогов, в хеттском языке могут передаваться часто просто падежными формами (без послелогов); дат.-местн. п. *Ē-ri* может и без послелога обозначать „в доме“ и „в дом“, так же как и чистый аблатив *URU-az* обозначает „из города“.

в) Вопросы „где?“ и „куда?“ обычно не различаются: *KĀ. GAL-i piran* означает и „перед воротами“ (где?) и „к воротам“ (куда?). Различие проводится только между *HUR. SAG-i šer* „на горе“ и *HUR. SAG-i šarā* „на гору, в гору“ и часто, хотя не строго, между *Ē-ri anda* „в доме“ и *Ē-ri andan* „в дом“.

242. Вследствие совпадения понятий „где?“ и „куда?“ большинство хеттских послелогов управляет дательным-местным падежом. Некоторые управляют аблативом (на вопрос „откуда?“); вместе с тем перед послелогом встречается и родительный падеж, притом в довольно свободном употреблении. Послелого с винительным падежом встречаются очень редко, с творительным не засвидетельствованы вовсе.

243. а) Дательным-местным падежом управляют, например, следующие послелого:

anda(n) „в“ („где?“ и „куда?“): *Ē-ri anda(n)* „в доме, в дом“ (§ 241 в);

piran „перед“ („где?“ и „куда?“): ^{G1S}*BANŠUR-i piran* „перед столон“;

арра(п) „позади“ (в местном значении), „после“ (во временном значении): Étarnui arpan „позади дома (tarnu-)“;

katta „под, снизу“ („где?“ и „куда?“), также „у, с“ („где?“) и „к“ („куда?“): ^{GIS}BANŠUR-i katta(n) „под столом, под стол“, ÍD-i katta(n) „(внизу) у реки, (вниз) к реке“, tuqqa katta „у тебя, к тебе“; šer „на“ („где?“), также „для, ради“: šuḥḥi šer „на крыше“, ÍR-i šer „для раба“; ANA LÚ^{MES} KUR Amurra šer (XXIII, 1; I, 35 и сл.) „ради, из-за людей Амурру“;

šarā „на“ („куда?“): šuḥḥi šarā „на крышу“; ištarna „среди“ („где?“ и „куда?“): DINGIR^{MES}-aš ištarna (Hatt., I, 7) „среди богов“, ANA KUR^{URU}Ḥatti ištarna „в середине страны Хатти“.

б) Однако с большей частью названных здесь послелогов заведительствован также и родительный падеж (Sommer-Eheloli, Pār., 8): KĀ.GAL-aš anda (II, 2; II, 31) „в воротах“; LUGAL-uaš pīran „перед царем“; attašmaš arpan (2 BoTU, 7, 10) „после моего отца“, annašaš katta (Ges., § 189) „со своей матерью“.

в) Иногда встречается и аблатив, притом как в определенном значении, например URU-az katta „из города вниз“ („откуда?“), так и без какого-либо различия в значении: tuzziaz arpa „позади войска“.

244. а) raḡā „из“ обычно управляет аблативом: ^{GIS}ZA.LAM. GAR-az raḡā „из шатра“.

б) Однако raḡā встречается и с родительным падежом: KĀ-aš raḡā „из ворот“¹ (Sommer-Eheloli, Pār., 8).

245. tapuša, tapuša „сбоку, около“ управляет дательным-местным падежом: ḥašši tapuša „около очага, к очагу“ (Götze, Hatt., 101 и сл.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 24 и сл.).

246. parranda и pariija(n) „через, по ту сторону“ (также „вне“ и „против“) различаются между собой тем, что parranda управляет дательным-местным падежом, а pariija(n) — винительным (Friedrich, Staatsv., I, 156 и сл., 161); „через море“ передается aruni parranda или arunan pariijan.

247. С послелогоми сближается также iḡar с родительным падежом „вроде, как“: IN.NU.DA-aš iḡar „как солома“ (Sommer, Heth., II, 11 и сл.).

¹ В сочетании Éḥīli raḡa „наружу во двор (?)“ raḡā явственно выступает как наречие.

МЕСТОИМЕННИЯ

1. Личные местоимения

248. Формы винительного падежа местоимений -an „его, ее“, -at „это, оно“, -uš (-aš) „их“, -at „это“ (мн. ч.) могут, особенно в тексте хеттских законов (что характерно и для других индоевропейских языков), иногда опускаться (Sommer, HAB, 169): takku GUD^{H1.A} A. ŠĀ(G)-ni pañzi BĒL A.ŠĀ(G) cemijazi UD.1. KAM turijazi (Ges., § 79) „если быки на поле пойдут (и) хозяин поля (их) найдет, один день (т. е. в течение одного дня) (их) запрягает“.

249. Так же (и помимо текста законов) формы винительного падежа местоимений могут не обозначаться при наличии ta „и“ (Friedrich, RHA, 3, 157 и сл.): ^{LU}QA. ŠU. DU₃. A GAL^{AM} LUGAL-i paī ta ḫarzi (II, 13; IV, 16 и сл.) „кравчий дает царю большой (сосуд) и держит (его)“; LUGAL-uš ^{G1S}BANŠUR-az NINDA-an dai tašše (вариант. pañši) paī (Ges., § 47 A) „царь со стола хлеб берет и ему (его) дает“.

Однако некоторые местоимения могут присоединяться как к ну, так и к ta: kuit kuit ḫarakzi tat šarnikzi (Ges., § 127) „что ни пропадет, он это возместит“ (§ 106).

250. В какой степени были характерны для хеттского языка безличные глаголы, пока еще не ясно. Можно предполагать, что у некоторых кажущихся безличными глаголов, выражающих понятие болезни (§ 213 б), а также для таких глаголов, как tetḫai „гремит (гром)“, duggarī „кажется (хорошо)“ и т. д., в качестве субъекта действия подразумевается божество.

251. В качестве возвратных местоимений могут употребляться энклитические личные местоимения: pinnas DUMU.NITA^{MES} DUMU.SAL^{MES} ijaḫen (Hatt., III, 4) „и мы нам (т. е. себе) произвели сыновей (и) дочерей“; pišmaš DINGIR^{MES}-aš ZI-ni mekki paḫanteš eštin (XIII, 4; III, 56 и сл.) „и что касается настроения духа богов, то будьте (вам, т. е. себе) очень осторожны (буквально: очень опасаящиеся!)“; цаḡpañziḡaḡašmaš UL (XVI, 16; I, 28) „но они не моются (буквально: не моют их, т. е. себя)“.

252. Наиболее употребительным средством выражения возвратности является частица -za (-z¹), которая, подобно славян-

¹ Проносилось, во всяком случае, только -z, т. е. -ts (Sommer, HAB, 114⁴). После -и — также -zai (§ 38).

скому возвратному местоимению, применяется по отношению ко всем лицам (Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 38 и сл., 80 и сл.; Friedrich, OLZ, 1936, 306 и сл.). Таким образом, для вышеприведенных предложений существуют дублеты: puza DUMU, NITA^{MES} DUMU.SAL^{MES} DÜ-nun (XXI, 38; I, 58) „и я себе сыновей (и) дочерей произвел“; puza DINGIR^{MES}-aš ZI-ni mekki naḥhanteš eštin (XIII, 6; II, 16) (перевод см. § 251); цаrpanzimaцаz UL (XVI, 34; I, 8 и сл.) (перевод см. § 251).

Другие примеры: natzakan pidipit İR-aḥta (XIX, 9; I, 15) „и он их (себе) на том же месте поработил“; nuzakan İNA ҚUR^{URU}Ḥatti ʹUTU^{URU}TÜL-na ŞUM-an daišta (XXI, 27; I, 4) „и ты себе в стране Хатти имя „солнечного божества из Аринна положила“; taz ŞU^{MES} arri (XX, 96; III, 6) „и себе руки моет“; panzan (§ 38) LC HADANU eššešta (XXI, 40, 11) „и его (себе) зятем (вин. п.) сделал“; nuzakan 2 EN SISKUR цаtar İNA SAG. DU^{MES}-ŞUNU šara laḥḥanzi (KBo, II, 3; IV, 4 и сл.) „и себе двое совершающих жертвоприношение воду на головы их (т. е. свои) поливают“.

253. Многие глаголы, в зависимости от того, стоит ли при них -za, или нет, приобретают оттенки в значении (Götze, Arch. Or., 5, 3 и сл.). Так, например:

dā- с -za означает „брать себе, для себя“, а dā- без -za — „брать что-нибудь для определенной цели, употреблять“ (Friedrich, OLZ, 1936, 307¹);

eš- с -za — „сидеться“, без -za — „сидеть“;

kiš- с -za — „становиться чем-нибудь“, без -za — „случаться“;

tarḥ- с -za — „покорять кого-нибудь“, без -za — „побеждать“ или „мочь“;

auš- с -za — „сознавать, видеть у себя, мечтать“, без -za — „видеть что-нибудь у другого“ (Friedrich, OLZ, 1936, 308).

254. Прочие глаголы, хотя они обычно и имеют при себе -za (всегда или почти всегда), не получают в связи с этим особого значения; например: ilaliḥa- „желать, домогаться“, malai- „одобрять“, marḥiḥa- „не одобрять“, dušk- „радоваться“, UL mema- „отказываться“, arkuḥar iḥa-, arkuḥar ešša- и arkuḥar dai- „совершать молитву“. Это — возвратные глаголы, так же как русск. „отказываться“, нем. sich weigern „отказываться“, франц. se promener „прогуливаться“, ит. svegliarsi „пробуждаться“ (Friedrich, OLZ, 1936, 308).

255. Частица -za ставится также в именных предложениях, но не регулярно; точные условия ее появления еще не установлены:

MU.KAM-zaçata şer teparçeşşanza (KBo, IV, 4; III, 24) „год тебе для этого уменьшенный“; nuza ANA ^dUTU^{5/} цагriš ŠU.DIM₄-ašša šardijaš eš (Kur., § 13 C, 8 и сл.) „и будь Солнцу (т. е. царю) помощником и защитой от насилия“ наряду с kattama tuel DUMU^{MEŠ}-KA NARARU ŠU.DIM₄-aš šardijašša ašandu (Kur., § 13 C, 11 и сл.) „пусть сыновья твои помощью (и) защитой от насилия будут“. Ср. также последнее предложение § 219.

256. Отношение взаимности передается описательно: „они смотрят друг на друга“ = „один смотрит на другого“ выражается посредством ŠEŠ-aš ŠEŠ-an aušzi „брат (на) брата смотрит“; araš aran aušzi „друг (на) друга смотрит“; 1-aš 1-an aušzi „один (на) другого смотрит“; kāš kun aušzi „этот (на) того смотрит“.

2. Притяжательные местоимения

257. aminēl UKÙ-aš „мой человек“ может означать также „один из моих людей“ (Tav., II, 70; Sommer, AU, 135).

258. а) Притяжательное местоимение 3-го лица ед. ч. -šiš „его“ употребляется иногда вместо 3-го лица мн. ч. -šmiš „их“ (Güterbock, ZA, NF 10, 62 и сл.; Sommer, HAB, 170³, 187⁴): дат. п. išlišši „его господину“ может означать также „их господину“ (Ges., § 79); ^{GIŠ}KU^{BI-A}-uššuš (2 BoTU, 23 A; II, 30) „их оружие“.

б) В постоянных оборотах значение притяжательности может утрачиваться: pedišši (буквально: „на его месте“) переводится просто „на месте“ (Sommer, Heth., II, 37 и сл.).

259. Своеобразную конструкцию обнаруживают послелого ripan „перед“, arra(n) „за, позади“, šer „на“, katta „под, у“ и ištarna „среди“ в сочетании с личными местоимениями (Friedrich, ZA, NF 1, 173; 3, 182 и сл.; Friedrich, Staatsv., II, 143 и сл.):

а) С ударными формами они сочетаются по обыкновению для нас типу: aminuk ripan (Dupr., § 3, строка 12) „передо мной“, duqqa katta (VBoT, 1, 7) „у тебя“.

б) Там, где мы имеем неударенные личные местоимения, в хеттском языке после ripan, arra(n) и šer ставится форма именительного-винительного падежа среднего рода притяжательного местоимения: pirantet „перед тобой“, piranšet (pīraššet; § 34) „перед ним“, piranšemet (pīran-šmet; § 23) „перед ними“; arranšamet (§ 23) „позади них“, šeršet „над ним, для него“. Таким образом, послелого используются в конструкции в качестве существительных со значением „передняя сторона“, „задняя сторона“ и т. д.

в) Сочетания с *katta(n)* и *ištarna* также конструируются в роли существительных „нижняя сторона (близость)“ и „середина“, но в дательном-местном падеже единственного числа *katti* и *ištarni*: *katti(n)mi* „у меня“, *katti(t)ti* „у тебя“, *katti(š)ši* „у него, под ним“; *ištarnišmi* (*ištarniššumi*; § 23 или 27) „среди них“.

г) Если последовательность в положении послелога и местоимения нарушается тем, что между ними попадают частицы, то вместо притяжательных местоимений ставятся энклитические: *riḡan-na-at-mu* (*Hatt.*, I, 27) „но передо мной это“, *šer-a-šši-ššan* (*КВо*, IV, 2; I, 8) „и над ним“. Особенно показательно сочетание *šer-šit-ца šarnikmi* (*Ges.*, § 95) „за него я возьму“ с вариантом *šer-ца-šši šarnikmi*.

260. Относительно сочетания существительного в аблативе с творительным падежом притяжательного местоимения см. § 229 в.

3. Указательные местоимения

261. Из числа указательных местоимений *kā* соответствует лат. *hic*; ара-, *eni-*, *uni-* и *aši* — лат. *is*, *ille*, *iste*. Это же относится и к наречиям *kiššan* и *eniššan* (§ 122 а, 125 б).

262. Поэтому, например, *kiššan memišta* означает „он сказал следующим образом“, т. е. с указанием на произносимую затем речь, а *eniššan memišta* означает „он так сказал“, т. е. с указанием на то, что уже произнесенные слова (*Friedrich, Staatsv.*, I, 73 и сл.).

263. С этим делением обеих групп в зависимости от указания на предстоящее или уже совершившееся действие перекрещивается другое деление, согласно которому *kā* употребляется в отношении к 1-му лицу, а *arā-* — в отношении ко 2-му и 3-му лицам (*Friedrich, Staatsv.*, II, 94 и сл., 141 и сл.). Противоположение *kez KUR-az* — *apiz KUR-az* (*AL.*, § 14, строка 4, 7 и сл.) „из этой страны — из той страны“ можно рассматривать как „из моей страны — из твоей страны“; соответственно *kā* „здесь у меня“, *arīja* „там у тебя“ (или „там у него“).

264. В этом смысле *kā*- и *kiššan*, соотносящиеся с 1-м лицом, могут быть употреблены даже с указанием на действие в прошедшем: *ni kī INA MU.1.КАМ ijanun* (*КВо*, III, 4; II, 49) „и это (т. е. эти мои дела, о которых я перед этим рассказал) я совершил за один год“; *nan pinus man kišan mān UL kišan* (*XXI*, 38; I, 12) „спроси его, так ли это, или не так (т. е. как я только-что сказал)“.

4. Неопределенные местоимения

265. Вместо *kuiški* „кто-либо“ иногда употребляется просто *kuiš*:

а) *UL kuiš* означает (как лат. *non aliquis*) „никто, никакой“ (Sommer, Heth., II, 3¹).

б) „Если кто“ выражается обычно посредством *mān kuiški*, но часто встречается также и *mān kuiš* (как лат. *si quis*) (Friedrich, Staatsv., I, 87; II, 141).

в) *kuiš* — *kuiš* означает „один — другой“ (как в ит. *chi — chi*; дистрибутивно, но не взаимно).

ГЛАГОЛЫ

1. Залоги

266. Многие из глаголов с медиальной флексией являются депонентными, например: *ar-* „стоять“, *kiš-* „становиться, делаться“, *ki-* „лежать“; но встречаются и собственно медиальные формы, употребление которых подобно употреблению греческого медиума, например: *naišhut* „повернись!“, *unuttat* „она украсилась“, *zaḥḥijaštaṭati* „мы сразимся друг с другом“ (меднум, выражающий взаимность действия). Другие примеры см. § 197 а.

267. Иногда актив и депоненс встречаются без заметных различий: *raḥš-* как в активной, так и в медиальной флексии имеет значение „защищать“, также *zaḥḥija-* „сражаться с кем-либо“, *ḥija-* „убегать“.

268. Переходные глаголы употребляются иногда как непереходные: от *maṭinku-* „короткий, близкий“ образуется, согласно § 149, глагол *maṭinkuṣaḥḥ-*, который в качестве переходного означает „укорачивать“, а непереходного — „быть близко, приблизиться“.

2. Употребление времен и наклонений

269. Подобно германским языкам, хеттский язык мог обходиться всего двумя простыми временами:

а) Презенсом, которым передается также и будущее время (*uṣamī* — „я прихожу“ и „я приду“) и даже лат. *futurum exactum* (Sommer, AU, 163).

В качестве „будущего со значением требования“ („*Heischefutur*“) в обетах и заповедях презенс приближается к императиву (Som-

mer, HAB, 149): NINDA-an azzašteni çatarra ekutteni (2 BoTU, 8; III, 48) „хлеб да будете есть и воду будете пить!“

б) Претеритом, которым можно передавать все времена прошедшего: *hatranun* может обозначать и „я писал“ и „я написал“ (нем. *ich schrieb, ich habe geschrieben* и *ich hatte geschrieben*) (Sommer, AU, 59).

Претеритом может выражаться также результативное состояние: DINGIR^{LIM}-is kišat „богом он стал (т. е. умер)“ (Sommer, HAB, 31).

270. Составные формы дают больше возможностей для различения временных оттенков (§ 201 и сл.):

а) Форма *ijan haḡmi* „я сделал“ соответствует немецкому перфекту и *ifurum exactum*, а форма *ijan haḡkun* — немецкому плюсквамперфекту.

б) Относительно *peškiyan dahhi* (*teḡhi, tijami*) „я собираюсь дать“ см. § 202.

271. Если в подчиненном предложении стоит *nāci* „еще не“, то при переводе на немецкий язык стараются подчеркнуть, что действие, выражаемое подчиненным предложением, предшествовало по времени действию, выраженному главным; однако хетты воспринимали действия, выражаемые обеими частями сложного предложения, как одновременные, и поэтому в подчиненном предложении становилось то же время, что и в главном: *takku LU-aš DUMU.SAL nāci dāi nanza mimnai* (Ges., § 30) „если мужчина девушку еще не взял (буквально: не берет), откажется от нее (т. е. еще может отказаться от нее)“; *kuitmanzakap ANA GISGU.ZA ABI/A nāci ešhat numu arahzenaš KUR.KUR LU-KUR kururijahḡir* (КВо, III, 4; I, 3 и сл.) „пока на престол отца моего я еще не сел, со мной соседние враждебные страны воевали“.

272. а) В эпистолярном стиле отправитель может становиться на точку зрения адресата и вместо презенса употреблять претерит (как в латинском и в аккадском языках; Sommer, AU, 129): *kāšmatta uijanun ḡalugatallanmin* (VBoT, I, 11 и сл.) „вот я послал тебе моего посла“.

б) Аналогичным образом следует рассматривать употребление претерита в начале царского указа (Sommer, HAB, 31): *LUGAL GAL Tabarna memišta* (2 BoTU, 8; II, 1 и сл.) „царь великий Табарна сказал“.

273. а) Императив употребляется также в формулах благословения как замена отсутствующего опатива: *udne māu sesdu*

(КВо, III, 7; I, 5) „пусть страна преуспевает и поконтя (спит)“; *ANA DINGIR^{MES} EN^{MES}.IA ZI-anza namma цар(a)šdu* [Pestgeb., I, § 8, строка 26 (14)] „пусть успокоится дух богов, господ моих“.

б) 1-е лицо ед. ч. императива можно рассматривать как волюнтатив (Friedrich, IF, 43, 257 и сл.): *piškellu* „хочу дать“, *aggallu* „хочу умереть, пусть умру“; но эта форма заменяет также и опатив: *tešhit ucallu* (Pestgeb., II, § 11, 3) „во сне (буквально: сном) пусть увижу!“

274. а) Для выражения запрета ставится *le* „не!“ (§ 287) с индикативом презенса; таким образом, *ištamaš* (императив) „слушай!“, но *le ištamaši* „не слушай!“. Относительно единичных случаев употребления *le* с императивом в древнем языке см. § 287 б, 1.

б) Аналогично передается запрет и для 1-го лица волюнтатива: *le šaggahši* (Durr., § 13, строка 44 и сл.) „я не должен знать“.

275. Для передачи потенциального и ирреального значения употребляется особая частица *man*, которая большей частью (но не регулярно) отличается своим написанием (*ma-an*) от союза *man* „если“ (*ma-a-an*) (Friedrich, KIF, I, 286 и сл.; Sommer, AU, 73). Относительно отсутствия *ni* при *man* см. § 313 и сл.

276. *man* с презенсом выражает потенциальность действия для настоящего времени: *mançarašnu^{LU}MUTIA* *kišari* (КВо, V, 6; III, 13) „он мог бы стать моим супругом“.

Относительно *le-man* с презенсом = *utinaš* не см. § 287 б, 2.

277. *man* с претеритом обозначает:

а) ирреальность действия: *man INA URU* *Hajaša pāunpit nuza MU.KAM-za šer tēpaçēšanza ešta* (КВо, IV, 4; III, 22 и сл.) „я бы еще (§ 296 в) в Хаясу пошел, но год для этого уменьшенный был“ (относительно *ni* = „но“ см. § 316 а); *mānuskan* ⁴*Huzzijaš kuenta ni uttar išduati* (2 ВоТУ, 23 А; II, 11) „Хуциаш убил бы их, но (§ 316 а) дело стало известным“;

б) потенциальность действия в прошлом: *mantakkan É AB/KA KUR-KA-ja UL arha dair manat damedani kuedanikki piēr* (Кур., § 7 С, 20 и сл.) „разве у тебя дом отца твоего и землю твою не отобрали бы и разве (не) дали бы ее кому-нибудь другому?“

278. Особое внимание следует обратить на передачу немецкого оборота с „почти“ (*beinahe*) и конъюнктивом: *nukan* ⁴*Hepaduš suhḫaz katta mauššūcanzi цаqqareš* (Во, 2800; II, 8; Friedrich, Staatsv., II, 171) „и богиня Хепат с крыши чуть не упала (буквально: упасть упустила)“. Об *цаqqar-* „упустить, промахнуться“ см. § 184.

3. Употребление глагольных имен

279. Четыре формы, объединяемые под названиями инфинитива и супина, подразделяются следующим образом.

а) Первый инфинитив (на -цаг) является отглагольным существительным; цагаг означает "приходить", но "приход"; поэтому он выступает в предложении не как глагол, а как имя: L^UMES KUR^{URU} Mizrama maḥḥan SA KUR^{URU} Amka GUL-aḥḥuḥar ištamaššanzi (КВо, V, 6; III, 5 и сл.) "когда люди страны Мизрама (Египта) слышат о нападении (в.и. п.) (на) страну (род. п.) Амка".

б) Второй инфинитив (на -анпа) соответствует нашему (Sommer, Neth., II, 54 и сл.; Götz, NBr, 28 и сл.): L^USANGA akuḥanna anna ceḥzi (КВо, II, 14; III, 2 и сл.) "жрец требует пить"; I-aš 1-an kunanna le šaḥazi (Targ., § 9, строка 5) "один другого убивать (пусть) не пытается".

в) Первый супин (на -цанзи) получил свое наименование от конструкции типа ^dUTUŠI šumās uḥḥuḥanzi uizzi (КВо, V, 8; I, 8) "Солнце (т. е. царь) придет, чтобы напасть (на) вас". Однако употребление этого супина частично совпадает с употреблением второго инфинитива (точные условия использования этих форм подлежат еще исследованию); ср. numu ternumanzi šan(a)ḥta (XXI, 15; I, 14) "и меня увидит старец"; numuzakan MI. QAM-za uḥḥuḥanzi zikkir (КВо, IV, 4; III, 63 и сл.) "и они на меня ночью нападать стали"; AMAR^{HUL} ijaḥanzi zinnahḥi (T. Atch., 23 и сл.) "тебя приносят (в жертву) я заканчиваю (завершаю)". Следует отметить также оборот ŠUŠI LUGAL^{MES} šijaḥanzi tar(a)ḥta (ZA, NF 10, 86, строка 23) "шестьдесят царей в стрельбе (буквально: в метании) я победил".

г) Второй супин (на -цан) употребляется только в таких сочетаниях, как reškiḥan dahḥi (teḥḥi, tijami) "давать собираюсь" (§ 202).

280. Детали употребления инфинитивных конструкций подлежат еще исследованию.

а) Предварительно укажем лишь на сочетание глагола "быть" со вторым инфинитивом или с первым супином в значении "это надлежит сделать" (Sommer, AU, 326): tukma kī uttar ŠA(G)-ta šijaḥna išḥiulla ešdu (Kur., § 22 E, 23) "тебе же это слово в сердце вложить обязанностью пусть будет"; NINDA.KUR₄.RA rašijaḥanzi NU.GÁL (XII, 12; V, 32) "хлеб не (должно) разламывать", и даже такие сочетания, как INA KUR^{URU} Assuḥa laḥḥijaḥanzi ešun (XXIII, 11; III, 9 и сл.) "в страну Ассува в поход я собирался (буквально: в поход идти я был)".

б) kišari "становится, делается" с первым супином означает "возможно, удастся что-либо сделать" (Friedrich, ZA, NF 5, 46,

с указ. лит.): *mān tukma ɟariššūqanzi UL kišari* (Duppr., § 10, строка 19) „если тебе прийти на помощь не удастся“.

281. Инфинитив на -appa и супин не могут иметь при себе дополнения. Там, где мы ожидали бы дополнения в винительном падеже при инфинитиве, оно стоит при глаголе, управляющем инфинитивом, если этот глагол активен; если же глагол пассивен или им является „быть“, то имя (местоимение), которое, по нашим представлениям, является дополнением, выступает в хеттском языке как подлежащее при глаголе, управляющем инфинитивом (*nominativus cum infinitivo*; Götze, NBr, 30 и сл.; Götze-Pedersen, Murš. Sprachl., 27 и сл.; Sommer, AU, 285²): *apašmanu ḫarkanna šan(a)ḫta* (Hitt., III, 63 и сл.) „он меня для уничтожения искал (буквально: старался)“, т. е. „он старался меня погубить“; *nušši GUD piḫanzi SI × SÁ-at* (Murš. Sprachl., I, 11 и сл.), буквально: „и ему бык для давания был установлен“, т. е. „для него было установлено, чтобы он дал быка“; *ISTU KUR URU KÜ.BABBAR-ti^{LC} MUNABTUM EGIR-pa piḫanna UL ara* (Targ., § 7, строка 38), буквально „из страны Хатти беглец обратно для выдавания не справедливо“, т. е. „несправедливо выдавать из страны Хатти бегльца“; *šan URU^{LCM} kuiš našma AŠRU kuitki ANA Ullni^dTešup piḫanna UL Zi-anza* (KBo, IV, 10; II, 18), буквально: „если город какой-либо или местность какая-либо Ульми-Тешупу для давания (Солнцу, т. е. царю) не желание“, т. е. „если нет желания дать Ульми-Тешупу какой-либо город или местность“.

282. В этой конструкции инфинитив, или, вернее, супин, является вневременным, поскольку он может передавать как наше настоящее (или будущее) время (Sommer, AU, 285²): *DINGIR^{LCM}-kan kuiš ANA U^dUTU^{ŠI} tarḫmanzi SI × SÁ-at* (V, 6; II, 57 и сл.), буквально: „божество, которое к Солнцу для допускания установлено“, т. е. „божество, относительно которого оракулом установлено, что его можно допустить к Солнцу“, так и наше прошедшее время: *DINGIR^{LCM}-makan kuiš arḫa sarḫmanzi SI × SÁ-at* (V, 6; II, 70 и сл.), буквально: „божество же, которое обнаружилось быть сломанным“, т. е. „божество, относительно которого оракулом установлено, что оно сломано (ему прекратили поклоняться)“.

283. а) Единственная причастная форма, встречающаяся в хеттском языке, является от переходных глаголов всегда пассивной, а от непереходных — активно-непереходной (литературу см. у Friedrich, Heth., 32; Pedersen, Hitt., § 93). Таким образом, *kupanza* означает „убитый“ (*kuen-*), *arpanza* — „схваченный, пой-

манный" (ep-), dānza — „взятый“ (dā-), adanza — „съеденный“ (ed-), šekkanza — „известный“ (šak-), но rānza — „пошедший“ (rā-), akkanza — „умерший“ (ak-), teraçeššanza — „уменьшившийся“ (teraçeš-), ħūjanza — „бежавший“ (ħūja-).

б) Изредка причастие имеет значение глагольного прилагательного: каррицанза „сосчитанный“, также „исчислимый, немногий“ (например, XIX, 37; III, 25).

284. Относительно выражения „герундива“ см. § 206.

ОТРИЦАНИЕ И ВОПРОС

285. Для выражения отрицания в повествовательных предложениях в тексте почти всегда пишется аккадское *UL* и лишь изредка хеттское *natta*¹.

286. Другие отрицания: *nāci* „еще не“ (§ 271) и *nūcān* (*nūpān*) „никак не, больше не“.

287. а) При запрещении употребляется отрицание *le* с индикативом презенса (§ 274 и Pedersen, Hitt., § 97).

б) В единичных случаях встречаются:

lē с императивом (Sommer, HAB, 91 и сл.): *nutta LÚ^{MES} ŠU.GI lē memiškandu* (2 ВоТУ, 8; II, 60) „пусть тебе (с тобой) старшие не говорят!“;

le с потенциалом (т. е. *le-man* с презенсом; § 276) встречается один раз в древнем языке со значением *utinam ne* (Sommer, HAB, 189): *laman:c LUGAL-uš kiššan tezzi* (2 ВоТУ, 8; III, 65 и сл.) „если бы о ней царь так не сказал!“

288. Отрицание ставится обычно перед глагольной формой, при сложных глаголах — после приставки: *ni namma INA^{ID} Šeḫa UL rāip* (КВо, III, 4; III, 17 и сл.) „итак я не пошел в области реки Шеха“ (§ 318); *nutta BELINI INA^{URU} Ħajaša lē rāiši* (КВо, IV, 4; III, 25) „и не ходи, господин наш, в страну Хаяса!“, *ni namma^{URU} UTUŠI^{URU} Duqqaman šaruḫanzi UL tarnahḫun* (КВо, IV, 4; IV, 23 и сл.) „и тогда я, Солнце, город Дуккама грабить не позволил“, *nutta arḫa UL reššijānun nuttakkan Ē ABIKA arḫa UL dahḫun* (Кур., § 22 Е, 15 и сл.) „и тебя я не оттолкнул и у тебя дом отца твоего не отнял“, *arīajatakkan anda UL dalijami* (AL., § 6 А, 77) „и тогда я тебя не оставляю“, *nuzakan memijani šer le karuššijaši* (AL., § 12, строка 83) „и об (этом) деле не умалчивай!“

¹ *natta*, например, встречается в законодательном тексте КВо, VI, 2, в то время как в КВо, VI, 3 мы находим *UL* (ср. Zimmer, OZ, 1922, 297) и единично в КВо, V, 8; I, 21 и др.

289. а) Однако некоторые стоящие под ударением слова могут притягивать к себе отрицание: *nuçatta UL kuçatqa ammel A.ŠĀ(G) kueri anda zaḥḥija tijami* (КВо, III, 4; III, 81 и сл.) „и с тобой я ни в коем случае на моем поле (и) участке сражение не устрою“; *nuça BELINI le namma uçaši* (КВо, IV, 4; IV, 46) „и больше не приходи, господин наш!“

б) В кратких предложениях отрицание может в эмфатических целях ставиться в конце (Götze, Madd., 114): *nammamakan KUR URUḤaralla kuentaja UL eptajat UL* (Madd., II, 23), „но тогда страну Хапалла ты не разбил и не взял ее“; *nuçagan šannattija le munnašijaçaran le* (Madd., I, 35) „и его не утаивай и его не укрывай!“; *parkunušipaza UL kuit* (2 BoTU, 23A; II, 44) „и ты не оправдаешься никак!“

в) Для усиления значения отрицание может удваиваться (Sommer, AU, 106): *nuçagan ḥuçarri DINGIR^{LM}-ni UL paḡa UL kuçarikki tarnahḥun* (Hatt., IV, 12 и сл.) „и я его злобному божеству никогда не предавал“.

290. Отрицание может распространяться и на следующее предложение (Sommer, Heth., II, 8³; Götze, Hatt., 96): *ḥaššannas DUMU-an idālu le kuiški ijazi nuššisan GĪR-an takkešzi* (2 BoTU, 23 A; II, 35) „сыну (в.н. п.) рода зла никто пусть не делает и в него кинжал (не) вонзает“; *ANA BULÛG GIM-an ḥaššataršet NU.GĀL UL-an A. ŠĀ(G)-ni pēdanzi nan NUMUN-an ienzi* (Sold., II, 31 и сл.) „поскольку у крупы (?) (способности) размножения (им. п.) нет, ее и в поле не несут и ее семенем (не) делают (т. е. как семя не употребляют)“.

291. а) В живой речи вопрос выражается только с помощью интонации, без добавления какой-либо особой частицы: *ŠEŠ-IA -za malaši* (Tav., III, 62) „одобряешь (ли), брат мой?“; *DINGIR^{LM}-za kidaš uçaškuçaš šer TUKU.TUKU-çanza* (V, 10; I, 12) „божество из-за этих проступков рассержено?“; *UL-çaranan tuētaza memija-paz kuennir* (VIII, 48; I, 12) „не по твоему (ли) слову его убили?“ (§ 224 б). См. также предложение в § 277 б.

б) В двойном вопросе (с продолжением) второй член сопровождается частицами *nu* и *-ma* (Sommer, AU, 77 и сл.): *BAL andurza kuiški DÛ-jazi... nu BAL araḥzama kuiški DÛ-zi* (V, 4; I, 33, 35) „мятеж внутри кто-нибудь устраивает?... или мятеж вне кто-нибудь устраивает?“; *nuçarat ŠEŠ-IA IDI nuçarat UL-ma IDI* (Tav., I, 52) „и знает это брат мой или же это не знает?“

Относительно двойного косвенного вопроса с *mān* — *mān* „ли — или“ см. § 335.

в) Краткие вопросы: *kuit apāt* (Tav., II, 37) „что это?“, *nu namma kuit* (Tav., IV, 20) „что еще?“ (Sommer, AU, 122, 174).

ЧАСТИЦЫ

292. Если речь передается буквально, то перед первым ударяемым словом каждой части предложения обычно ставится энклитическая частица *-ца* (Hrozny, Spr. d. H., 98¹, 144): *Ḫiḫḫu-nijašmamu kiššan ḫatraeš UL-ḫatta kuitki EGIR-pa piḫḫi mānnaḫamu zaḫḫija ḫašši nuḫatta UL kuḫatqa ammēl A. ŠĀ(G) kueri anda zaḫḫija tijami ANA KUR^{UL}-KA-ḫatta menaḫḫanda ḫami nuḫattakkan ANA ŠĀ(G) KUR-KA zaḫḫija tijami* (КВо, III, 4; III, 79 и сл.) „а Пиххунияш мне так написал: Ничего-де тебе обратно я не отдам. А если-де (ты) ко мне для битвы придешь, то я-де с тобой ни в коем случае на моем поле и земле (участке) драться не стану; к тебе-де в твою страну я, наоборот, приду и с тобой-де на земле твоей сражаться буду“.

293. Если за частицей в цитируемой речи следуют другие энклитические словечки, начинающиеся с гласного звука, прежде всего формы местоимения *-а*- (§ 104) или частицы *-ašta* и *-ара* (§ 304), то эта частица звучит (и пишется) *ḫar-* (§ 31 б, 42; Ungnad, ZDMG, 74, 421): *nu araḫzenaš KUR.KUR^{LC}KUR kiššan memir ABU.SU^{UL}-ḫašši kuiš LUGAL KUR Ḫatti ešta nuḫaraš UR. SAG-iš LUGAL-uš ešta nuḫaza KUR.KUR^{LC}KUR tarahḫan ḫarta nuḫarašza DINGIR^{LM}-iš DŪ-at DUMU-SU^{UL}-mauāššizakan kuiš ANA GIŠGU.ZA ABISU ešat nuḫa arašša karu^{LC}ḪALA-anza ešta nuḫaran irnaliḫattat nuḫaza arašša DINGIR^{LM}-iš kišat* (КРо, III, 4; I, 9 и сл.) „и соседние враждебные страны так сказали: отец-де его, который царем страны Хатти был, он-де могучий царь был и он-де вражеские страны покорил и он-де богом сделался. И сын-де его, который на трон отца своего сел, и этот-де прежде храбрый был, теперь-де заболел (§ 213 б), и он тоже богом сделался“.

Относительно единичных случаев употребления *-ца-аš* вместо *-ца-га-аš* (например, КВо, V, 6; IV, 12) и *-ца-at* вместо *-ца-га-at* (например, 2 ВоТУ, 23 D; IV, 4) см. § 31 б и Sommer, HAB, 97¹.

294. В тех случаях, когда перед цитируемой речью глагол „говорить“ отсутствует, он всегда подразумевается: *nukan NAM. RA^{MES} katta uer natmu GİR^{MES}-aš kattan ḫaliḫandat BELINI-ḫannaš lē ḫarnikti nuḫannašza BELINI ḪR-anni dā* (XIV, 15; III, 46 и сл.) „и пленные сошли вниз и мне в ноги поклонились (и сказали): господин, не губи нас; нас-де, господин, в рабство возьми!“

295. а) В языке мифологических текстов, а изредка и в других текстах употребление частицы *-ца* является менее строгим

(Friedrich, ZA, NF 5, 43 и сл.; Sommer, HAB, 93): nu šarā nepiši attišši ḥalzaiš aminugga EGIR-ра anda ep lemu genzuḫāiši (КВо, III, 7; III, 27 и сл.) „и вверх к небу, к отцу своему, он воззвал: возьми меня после (этого, т. е. из жизни), не щади меня!“ (наряду с многочисленными случаями правильного употребления частицы в том же тексте).

б) В единичных случаях встречается неправильная постановка частицы (Friedrich, Staatsv., I, 174 и сл.; II, 91): nu DUMU^{MES}-KA DUMU^{MES} aUTU^{ŠL}-pit AŠSUM BELUTIM paḥšantaru nuḫšaḡmaš HUL-lu menaḥḥanda le šanḥateni aḡan arḫajašmaš le tijatteni (Al., § 7 A; II, 11 и сл.) „и твои сыновья сыновей Солнца и их власть пусть защищают, и против них-де зло не замышляйте и от них не отлагайтесь!“

в) Иногда частица -ца стоит в начале цитируемой речи, но в дальнейшем изложении опускается (Sommer, HAB, 112). Также может отсутствовать и в кратких предложениях диалога (Sommer, HAB, 134²).

296. а) Что касается энклитической частицы -pit (также -ре, -раḫ и др.), то мы можем говорить пока лишь о наиболее распространенных случаях ее употребления, так как обобщающего исследования еще нет (Sommer, OLZ, 1921, 199 и сл.; Götzte, Murš.-Ann., 207 и сл.; Pedersen, Hitt., § 60, с указ. лит.). По своему значению эта частица ближе всего соответствует наречию „именно, как раз“, относясь к изложенному ранее содержанию речи: ... Если раб украл и... takku BĒLŠU tezzi šerḡašši šarnikmi nu šarnikzi takku mišmaima nu ĪR-anpit šuizzi (Ges., § 95) „если господин его скажет: за него я возьму, то возместит; если же откажет, то тем самым от раба отречется“; nukān ¹Uḫḫa-LŪ-iš aruni anda BA.UG₆ DUMU^{MES}-ŠUNU-maza arḫā šarrandat nukān 1-aš ŠĀ(G) A.AB.BA-pit ešta 1-ašmakan arunaz arḫa uit (КВо, III, 4; II, 52 и сл.) „и Uḫḫa-LŪ-iš на море умер, а его (§ 352 в) сыновья разделились (§ 266), и один как раз на море был (т. е. остался), а другой с моря ушел“. Поэтому arāšpit означает „как раз тот, тот самый, тот же“: takku ĪR-iš ḫuḫāi naš kururi KUR-e paizzi kuišan EGIR-ра uḫatezzi nanzan (§ 38) arāšpit dāi (Ges., § 23) „если раб убежит и во враждебную страну пойдет, (то) кто его обратно доставит, тот же его и возьмет“.

б) С притяжательным местоимением -pit соответствует нашему „собственный“: arēpit annašaš katta (Ges., § 189) „у его собственной матери“; SAG.DU-KA-pit (Ḥuqq., § 12, строка 19) „твоя собственная голова“.

в) Когда частица -pit стоит при сказуемом, она может означать „также, также и“: nuza ABUJA kuḫari DINGIR^{L.M.}-iš DŪ-at

¹Arnuṣandašmazakan ŠEŠ-IA ANA ^{GIS}GU.ZA ABIŠU ešat EGIR-anmaš irmalijattatpit (КВо, III, 4; I, 4 и сл.) „и когда отец мой богом стал, Арнувандаш, брат мой, сел на трон своего отца, но затем также и он заболел“.

г) Частица -pit часто употребляется в значении „только“: karpuantešpitmukan antuḥšeš isparter (XIX, 37; III, 25) „только считанные (т. е. немногие; § 283 б) люди от меня ускользнули“; LUGAL-ussan ḥantezzijašpit DUMU.LUGAL kikkittaru (2 BoTU, 23 A; II, 36) „царем становиться должен только первый царевич“. В вопросах к оракулу -pit часто ставится вслед за изложением причины божеского гнева: mān kīpit namtama tamai NU.GÁL kuitki (например, V, 10; I, 14) „если только это, а больше нет ничего другого“; nuza ĪR-ZU-pit dai šarnikzil NU.GÁL (Ges., § 21) „и он себе только раба своего возьмет, (а) возмещения нет (т. е. без возмещения)“.

д) Реже -pit может выражать „несмотря на то, все же“ (Tenner, Ein heh. Annalertext, 21): nuza mān irmalanzaša (§ 25 б) ešta ⁴UTUŠL-matta ANA AŠAR ABIKA tittanununpit (Dupr., § 7, строка 16 и сл.) „и хотя ты болезненный был, я, Солнце, тебя все же на место отца твоего поставил“.

е) Дополнительные сведения о частице -pit см. Sommer, HAB, 241 (-pat).

297. Строй хеттского предложения получает свой характерный облик благодаря вводящим частицам -za, -kan и -šap. Относительно -za (-z, -zan) см. § 252—255. Частицы -kan и -šap довольно близко связаны между собой тем, что обе содержат указание на место. Они встречаются прежде всего при глаголах движения. Полностью установить многообразное употребление -kan еще не удалось (Götze, Arch. Or., 5, 16 и сл.; Pedersen, Hitt., § 96).

298. Частица -kan ставится прежде всего при определении места, изменяя значение приставок у глаголов движения. Если движение, передаваемое глаголом, зависит от предшествовавшего движения, то -kan отсутствует; если движение является самостоятельным, то -kan ставится. Точнее:

- anda без -kan означает „опять (внутри)“, с -kan — „в, к“;
- appa без -kan — „назад“, с -kan — „прочь“;
- arḥa без -kan — „обратно, домой“, с -kan — „из, прочь“;
- paḡa без -kan — „дальше вперед“, с -kan — „вперед, наружу“;
- katta без -kan — „опять вниз“, с -kan — „вниз“;
- šara без -kan — „опять вверх“, с -kan — „вверх“.

Примеры: nekuz meḥurma DINGIR^{LUM} anda udanzi (Pār., II, 8) „а вечером божество опять вносят“; nuḡaraškan kašma šumās anda uit (Kur., § 6 C, 6) „и вот, он к вам пришел“; GIM-анна URU^{URU}Neriḡaza EGIR-*pa* uizzi (V, 1; I, 59) „если же из города Нерика он обратно придет“; nankan EGIR-*pa* INA KUR-ŠU reḥu-tezzi (XXIV; 5; I, 26) „и его прочь, в его страну отведет“; паš URU^{URU}KU-BABBAR-ši arḡa udaḥḥun (KBo, III, 4; I, 34 и т. д.) „и я их в Хаттуш обратно доставил“; паškan URU-riaz arḡa ḥudak pāiddu (IX, 15; II, 18 и сл.) „и пусть он из города немедленно уйдет“; lukkattama paḡa pāun (KBo, IV, 4; III, 52) „утром (на следующее утро) я пошел дальше“; LÚ^{GIS}PA-*nakan* paḡa eški pāizzi (KBo, IV, 9; V, 34) „а жезлоносец проходит в ворота“; nu nekuz meḥuni ḥudak GAM pāitten (XIII, 4; II, 75) „и вечером тотчас же опять вниз сойдите“; nukan ERIN^{MES} URU-*az* katta udaš (KBo, II, 5; III, 30) „и он войска из города вниз вывел“; паš INA É DINGIR^{LUM} šešuanzi ḥudak šara uiddu (XIII, 4; III, 2) „и пусть он в храм спать немедленно опять взойдет“; nukan URU^{URU}Aštata URU-*ri* šara pāun (KBo, IV, 4; II, 61) „и я в город Аштата поднялся“.

299. а) От других сочетаний следует отличать: natkan ANA KUR URU^{URU}Ḥatti ištarna uda (KBo, II, 9; I, 32) „это внутрь страны Хатти доставь!“, паškan aruni parranda pāit (KBo, III, 4; II, 31 и сл.) „и он через море пошел“; natkan INA KUR Gašga kat-tanda pēdaš (KBo, III, 4; III, 70 и сл.) „и это он в страну Гашга вниз доставил“; kuitmanapaškan INA KUR URU^{URU}Ḥatti šer (KBo, II, 2; II, 13) „пока он сверху в стране Хатти“. С другой стороны: nimu ŠEŠ-IA¹ NIR.GÁL-iš EGIR-*anda* uit (Ḥatt., II, 48) „и после меня пришел мой брат Муваталлиш“; nimu EN^{MES} ḥumanteš me-paḥḥanda uer (KBo, IV, 4; III, 20 и сл.) „и все господа пошли против меня“.

б) См. также Sommer, HAB, 261.

300. -kan отсутствует (Götze, Arch. Or., 5, 19, 25):

а) рядом с частицами -šan (§ 303) и -ašta (§ 304): našta LUGAL-uš IŠTU É “Zababa paḡa uizzi (KBo, IV, 9; I, 3 и сл.) „и затем царь из храма Цабаба выходит“;

б) в соседстве с *andan*, *appan* и *kattan*: nušši INA URU^{URU}Šamuḡa ukila kattan pāun (KBo, VI, 29; II, 28 и сл.) „и я сам к нему в город Шамуға пошел“;

в) если глагол не имеет приставки: pap BĒLUM kuiški uca-teddu (Targ., § 3, строка 12) „и его пусть какой-либо господин приведет“ (однако ср. Sommer, HAB, 167).

301. Кроме того, -kan ставится:

а) при некоторых определениях места в их наречном употреблении, например: *pedi daliĵa* „оставить на месте“, *ŠA(G)-ta tarna* „принять к сердцу“; *ŠU-i dāi* „положить в руку“; *KAS-ši dāi* „поставить (вывести) на дорогу“ (Götze, Arch. Or., 5, 30);

б) при глаголах со значением „воздействовать на кого-либо телесно или духовно“, например: *eš-* „сажать“, *kuen-* „бить“, *išĵai-* „возлагать что-либо на кого-либо“, *zammurāi-* „обижать“ и т. д. (Götze, Arch. Or., 5, 30);

в) при глаголах со значением „находиться под воздействием кого-либо“, например: *paĵ-* „бояться кого-либо“, *auš-* „видеть что-нибудь у кого-нибудь“, *ĵetiĵa-* „найти что-нибудь у кого-нибудь“ (Götze, Arch. Or., 5, 30).

302. Частица *-šan* рядом с *-kan* не встречается. Обе они синтаксически равноценны и поэтому исключают одна другую (§ 300 а). Сочетание *-za-šan* переходит в *-zan* (§ 44; Götze, Arch. Or., 5, 30 и сл.).

303. Особенно часто частица *-šan* ставится при глаголах, означающих „сажать, класть, ставить“, которые также могут сочетаться с *-kan*; *-šan* придает этим глаголам специальный оттенок указания „на“. Нередко рядом с *-šan* ставится приставка *šer*. Примеры: *šerrašān ŠA GIŠ^{LU}Š artari* (КВо, V, 1; II, 49) „и на ней [на колеснице, употребляемой при обряде] стоит возница из дерева“ [с другой стороны, *ANA GIŠGIGIR-jakan kuēdani arēdani UD-ti arĵaĵat* (КВо, IV, 2; IV, 38 и сл.) „и на какой колеснице я в тот день стоял“]; *paššan ŠA^{DU} GIŠŠU.A ašaši* (КВо, V, 2; III, 37 и сл.) „и его на трон грозового божества сажают“ [но *pankan GIŠhuluganni ašesanzi* (X, 91; II, 6) „и его на носилки (?) сажают“]; *nuššišān UDU^{UZU}GAB-i šer epzi* (IX, 4; II, 30 и сл.) „и ему овну над грудью держит“ [и *nuššikan iškisaš šer epzi* (IX, 34; III, 10) „и он держит (овну) у него над спиной“]; *puzan mān ANA^{DU}UTUŠ^r šer SAG.DU-KA-pit šer autti* (Нуqq., § 12, строка 18 и сл.) „и если ты на Солнце (как) на голову свою посмотришь“. См. также Sommer, HAV, 261 и сл.

304. Значение частиц *-(a)šta* и *-(a)pa (-ap)* еще не определено; последние из них были особенно употребительны в древнем языке и иногда чередовались с *-(a)šta* (Sommer, HAV, 55); *nu + -ašta* дает *pašta*, *nu + -apa* > *para*. Относительно сокращения *-ašta* в *-šta* или в *-ta* после слогов *-aš*, *-iš*, *-uš* см. § 47 б. Если частица *-apa* присоединяется к слову, которое оканчивается на *-i*, то она сокращается в *-pa*: *aki* „умирает“ *+ (a)pa* > *akipa* (Нуqq., § 29, строка 31); *nu + -at + -ši + -(a)pa* > *našepa* (XII, 63; I, 18) „и это ему“.

СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ

1. -а, -ја „и, же“

305. Этот союз энклитически присоединяется или ко второму из имен, или же к первому слову второго предложения. Относительно его звучания, -а после согласных, -ја после гласных звуков и идеограмм, см. § 46 (Sommer-Ehelöf, Pär., 28 и сл., с указ. лит.). Иногда -а + -ја ставится без особых оснований: цагагаја (КВо, III, 5; IV, 55) „и вода“, араптаја (Targ., § 4, строка 23 и вообще часто) „и это“, kinunajačaran (Hatt., IV, 14) „и теперь его“.

306. а) -а, -ја „и“ связывает отдельные слова: appanti kunantija mekki ešta (КВо, III, 4; IV, 20 и сл.) „пленных (им. п.) и убитых было много“; ¹Manapa-^dU-annaža KUR ^{fd}Šehaja ĪR-anni dahhun (КВо, III, 4; III, 21 и сл.) „а Манапа-Датташа и страну реки Шеха в рабство я взял“; ^dUTU^š-inpit šak raššijan (Huqq., § 3, строка 15 и сл.) „только Солнце знай, защищай его!“

б) Однако словесные пары часто ставятся рядом и без союза: attaš annaš „отец (и) мать, родители“, LUGAL SAL.LUGAL „царь (и) царица“, ERĪN^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} „пехота (и) боевые колесницы“, araḫzenēš anturēš (Huqq., § 2, строка 7) „чужеземные (и) туземные“, mallanzi ḫarranzi (КВо, II, 7; I, 10, 24 и т. д.) „мелют (и) толкут“, adanna ačičanna „есть (и) пить“.

307. а) Союзом -(i)а связываются также параллельные члены предложения, в котором не дано развитие описываемого действия: numu ^dĪSTAR GAŠAN-IA kuit kaniššan ḫarta ŠEŠ-IA-iamu ¹NIR. GĀL-iš aššu ḫarta (Hatt., I, 28 и сл.) „так как ко мне Иштар, госпожа моя, благоволила и брат мой Муваталлиш хорошо отнеслся“; пица memijan ANA ^dUTU^š ḫatrai antuḫšannaца ер пицаган ANA ABI ^dUTU^š uppi (Madd., I, 38 и сл.) „и о деле Солнцу напиши и человека схвати и его отцу Солнца пошли“.

б) -(i)а — (i)а соответствует „как — так“: ŠA ¹Attariššijaja I LÚ SIG₅-in kuennir anzellakan I LÚ SIG₅-in kuennir (Madd., I, 64) „как у Аттаришия одного знатного человека убили, так и у нас одного знатного человека убили“; erpirra mekki kuennirra mekki (КВо, II, 5; III, 36) „как захватили много, так и убили много“.

При отрицании этот союз соответствует „ни — ни“: pičagan šannattija le munnašija цаган le (Madd., I, 35) „не скрывай его и не прячь его!“

308. а) И наконец, *-(i)a* соответствует „также“: *nuḫa arāšša DINGIR^{LIM}-iš kišat* (КВо, III, 4; I, 13) „и он также богом (как перед этим отец его) стал“; *nuḫa MU.ḪAM-za šēr tēpaḫēššanza ešta BĒLU^{MES}-iamu memir MU.ḪAM-zaḫatta šēr tēpaḫēššanza* (КВо, IV, 4; III, 23 и сл.) „и год для этого уменьшенный (т. е. укороченный) был. И господа также мне сказали: год-де тебе для этого уменьшенный“.

б) Иногда мы переводим *-(i)a* „но, а“ (Sommer, НАВ, 93): *karu 30 GUD^{III.A} reškir kinuna 15 GUD^{III.A} pāi* (Ges., § 57) „раньше давали по 30 быков, а теперь дают по 15 быков“; *kiššanna le teši* (2 ВоТУ, 23 А; II, 43) „а так не говори!“

2. *nu* „ну, теперь, и“

309. а) *nu* служит для сочетания целых предложений. С местоимением *-a-* (§ 104) и частицами *-(a)šta* и *-(a)pa* *nu* превращается в *na-* (§ 40, 106), *našta* и пара (§ 304) (Ungnad, ZDMG, 74, 417 и сл.).

б) *nu* является словом, особенно притягивающим к себе энклитические местоимения и частицы. Приведем несколько примеров: *nu-ḫar-aš-mu-za-kan* = *nu + ḫa(r)-* (§ 293) *+ -aš* „он“ (§ 104) *+ -mu* „мне, меня“ (§ 101) *+ -za* (§ 252) *+ -kan* (§ 298); *nan-ši-ššan* = *nu + -an* „его“ (§ 104) *+ -ši* „ему“ (§ 101) *+ -šan* (§ 303); *nu-šmaš-at-kan* = *nu + -šmaš* „вам, вас, им“ (§ 101) *+ -at* „это“ (§ 104) *+ -kan* (§ 298); *nan-mu-za* = *nu + -an* „его“ (§ 104) *+ -mu* „мне, меня“ (§ 101) *+ -za* (§ 252); *nu-ḫar-an-du-za-kan* = *nu + ḫa(r)-* (§ 293) *+ -an* „его“ (§ 104) *+ -du* „тебе, тебя“ (§ 45, 101) *+ -za* (§ 252) *+ -kan* (§ 298).

310. В языке „Нового царства“ *nu* имеет две функции:

а) Оно связывает два однородных предложения и соответствует „и“; при этом союз *nu* (так же, как при арабском *fa*) предполагает дальнейшее развитие действия („и затем“): *nuḫ-kan¹SUM.MA.ḫKAL-an DUMU-ŠU menaḫḫanda para nāešta našmu INA^{1D}Aštarpa MĒ-ja tijat, nan⁴UTU^{ŠI} zahḫijanun. numu⁴UTU^{URU}Arinna DINGIR^{MES}-ja ḫumanteš piran ḫuēr nuza¹SUM.MA.ḫKAL-an tarahḫun nankan kuenun. nukan INA KUR^{URU}Arzaḫa parranda pāun numu¹Uḫḫa-LŪ-iš UL mazzašta našmukan ḫuḫaiš naškan aruni parranda pāit naškan apiḫa anda ešta* (КВо, III, 4; II, 22 и сл.) „и он мне SUM.MA.ḫKAL, сына своего, навстречу послал, и тот со мной у реки Аштарпа сражаться стал, и я, Солнце (т. е. царь), с ним сразился. И солнечное божество города Аринна и боги все передо мной шли, и я победил SUM.MA.ḫKAL и его убил. И в страну Арзава я перешел, и мне Uḫḫa-LŪ-iš не сопротивлялся, и он бежал от меня, и через море ушел, и там остался (был)“.

б) После придаточного предложения *ni* вводит главное предложение (соответствия „то“): *kuitmanzakan ANA^{G1SGU}.ZA ABIIA* *nāgi ēšhat numi arahzenaš KUR. KUR^{MES LU} KÜR hūmanteš kururijahhīr* (КВо, III, 4; I, 3 и сл.) „пока я на трон отца моего еще не сел, со мной все соседние враждебные страны воевали“.

311. а) *ni* может стоять также в начале больших периодов, которые мы начинаем с „и“: *ni tuēl mahhān¹ Mašhūil uçaš ABUKA ITTI⁴ TU⁵ uçaš zikmaza¹ Kupanta⁴ KAL-aš ANA¹ PÍŠ.TUR-ua UL KÜR-aš ešta nuttakan UL È ABIIKA arha dahhun* (Кур., § 11 D, 26 и сл.) „и когда Машуилуваш, отец твой, против Солнца согрешил, ты же, Купанташ по отношению к Машуилувашу был не враждебен, то я у тебя дом отца твоего не отнял“; *ni kuitman ABUIA INA KÜR^{URU} Mittanni ešta* (КВо, III, 4; III, 47) „и пока отец мой был в стране Миттани (случилось то-то и то-то)“.

б) Но чаще *ni* не ставится в начале больших периодов (Ungnad, ZDMG, 74, 420): *ABUIA-annašza¹ Muršiliš 4 DUMU^{MES} hašta* (Hatt., I, 9 и сл.) „отец мой Муршилиш породил нас, четырех детей“ (в начале „Автобиографии Хаттушилиша“). См. также предложение в § 310 б).

в) В начале передаваемой речи *ni*, как правило, не ставится (Ungnad, ZDMG, 74, 420): *natmu GĪR^{MES}-aš kattan hālijandat; BĒLINI-ūannaš le hārnikti nuūannašza BĒLINI ĪR-anni da* (XIV, 15; III, 46 и сл.) „и мне в ноги поклонились (со словами): господин наш, не уничтожай нас и возьми нас, господин наш, себе (§ 252) в рабство!“

Но в отдельных случаях *ni* все же встречается в начале речи (Sommer, AU, 165): *ĪM-ša tezzi nučaran kuit handa UL ōemijatten* (VBoT, 58; I, 23) „и грозное божество говорит: и так как вы его не нашли...“ И даже при кратких вопросах (Sommer, HAB, 38): *ni kuit* (2 BoTU, 8; II, 9) „ну что?“

312. В древнем языке употребление *ni* было более ограниченным:

а) *ni* могло иногда отсутствовать при сочетании однородных предложений: *takku LÚ-is GUD-aš katta uçaštāi hūrkiil akiaš LUGAL-an aški uçatezzi* (Ges., § 187) „если человек согрешит с коровой, (это) смертный грех. (И) доставит его ко двору царя“ и т. д.

б) Бессюзное сочетание однородных предложений встречается чаще всего в ритуальных текстах: *ni PANI⁴ DAG-ti Ū PANI⁴ Zababa 1-ŠU dai hašši, 1-ŠU^{G1SG} DAG-ti, 1-ŠU^{G1SG} AB-ja, 1-ŠU^{G1SG} hattalayaš GIŠ-ruī 1-ŠU^{G1SG} namma hašši tapušza 1-ŠU^{G1SG} dai. UGULA LÚ^{MES} MÚHALDIM išpanduzzišar GĒSTIN LUGAL-i parā epzi.*

LUGAL-uš QATAM dai (КВо, IV, 9; II, 45 и сл.) „и перед треном и перед богом Цабаба один раз положит, на очаг один раз, на трон один раз, на окно один раз, на деревянную задвижку один раз; затем около очага один раз положит. Главный из поваров сосуд с вином царю подаст, царь руку положит“.

в) В законодательных текстах обращает на себя внимание прежде всего бессоюзное сочетание, стоящее в начале сложного предложения: takku DUMU-SAL LÚ-ni taranza tamaišan pittenuzzi (Ges., § 28 A) „если девушка мужчине обещана (и если) другой ее уведет“.

г) Особенно характерно для древнего языка присоединение второго предложения (§ 310 б) без *nu*: takku IR-an KA X KAK-šet kuiški daki 3 ZU KÙ. BABBAR pai (Ges., § 14) „если рабу нос его кто-нибудь откусит, 3 сикля серебра даст“; *nu* GIM-an luk-katta UTÙ-uškan kalmaraz uit Kišišiš šuppijaz šaštaš araiš (XVII, 1; II, 14 и сл.) „и когда рассвело и солнечное божество из-за горизонта (?) вышло, Кишшиш с чистого ложа поднялся“.

313. В некоторых случаях *nu* может отсутствовать и в новом языке:

а) В начале большого периода (§ 311 б).

б) В запретительных предложениях, в частности при наличии двух запретов, при приказе и запрете, а также при наличии повествовательного предложения после запрета (Sommer, AU, 388, 391; Sommer, HAB, 69): nuçakan ŠA(G) URUJjalanda tuel UKÙ-an le kuinki cemijami /ziqqaçazakan EGIR-pa anda le kuinki tarnatti/ammēla IR^{MES} ukila EGIR-an šanaḥmi (Tav., I, 18 и сл.) „и пусть в городе И. никого из твоих людей не найду! И ты обратно никого не впускай! О моих рабах я сам позабочусь!“; arupça UKÙ-an dā, leçaran arḥa datti (Tav., II, 10) „того человека прими, не убирай его!“

в) При наличии эмпазы, особенно при эмпатическом и риторическом вопросе (Sommer, AU, 54, 104, 151): eṣḥar INA KUR URUKÙ. BABBAR-ti ara (Tav., II, 8) „кровь (т. е. кровопролитие) в стране Хатти (разве это) справедливо?“; UKÙ-aš DINGIR^{MES}-ašša ZI-anza tamaiš kuiški UL (XIII, 4; I, 21) „разве у человека и у богов дух (дыхание, сердце, желания) другой какой-либо? Нет!“

Но при риторическом вопросе после придаточного предложения *nu* встречается (Sommer, AU, 95): ŠEŠ-tar kuiš kuēdani ḥatreškizzi nukan UL aššijanteš kuēš nu I-aš I-edani ŠEŠ-tar ḥatreškizzi (XXIII, 102; I, 10 и сл.) „(когда) один другому (буквально: кто кому) о братстве пишет, то (разве это) не друзья, которые один другому о братстве пишут?“

г) Во вставных, поясняющих предложениях (Sommer, AU, 54, 67, 129, 138, 153, 189; HAB, 59, 117, 183): *kašma* ^{LU}KARTAPPU kuiš ŠA SAL.LUGAL-za kuit ŠA MÁŠ^{TU.M} ḥarzi INA KUR URU Ḥatti ŠA SAL.LUGAL MÁŠ^{TU.M} mekki šalli našmu UL imma ^{LU}ḤADANU (Tav., II, 73 и сл.) „а этот придворный конюший, который (жену) из рода царицы имеет — в стране города Хатти род царицы весьма велик, — он мне вроде как (буквально: не совсем) зять“.

д) В предложениях „состояния“ (называемых так в семитической и египетской грамматиках), которые частично соответствуют предложениям вышеприведенной группы („в то время как, благодаря тому что, вроде того что“ и т. п.): *pamnakan man* ^{ISTU}KUR URU Ḥatti kuiški idaluš memijaš ŠA BAL šara išparzazi KUR^{TUM} kuitki arahza ANA ^{UTU}ŠI kururijaḥzi ITTI ^{UTU}ŠI-ma ḥūman SIG₆-in nu AḶAT ^{UTU}ŠI ḥuški (Kur., § 16 C, 26 и сл.) „если затем в стране города Хатти какой-либо злой разговор о мятеже поднимется, (вроде того что) какая-то соседняя страна против Солнца воевать начинает, а у Солнца все хорошо, то жди повеления (буквально: слова) Солнца!“; *nu man* ^{DU}.^{DU} DUMU-ŠU ANA PANI ^{ABIRATTA}ABIŠU kuitki ūštaī ABASU ḤUL-anni sanḥazi (KBo, III, 3; II, 14 и сл.) „и если ^{DU}.^{DU}, его сын, против Абираташа, отца своего, как-либо согрешит, (вроде того что) отцу своему повредить попытается“; *nu* KUR-ja andan kāšza kišati DUMU. LÚ. GĀL. LU^{MES} DINGIR^{MES}-ša kištantit ḥarkijanz (XVII, 10; I, 17 и сл.) „и в стране наступил голод, (так что) люди и боги от голода погибают“.

е) Рядом с частицей ирреальности *man* (Friedrich, KIF, I, 293 и сл.): *nuḥarašmukan šullait nuḥamu* IR^{MES}-JA kattan ḥarnam-niāt manḥamu menaḥḥanda kururijaḥta nuḥarašmu pīran arḥa pīd-daiš (Kur., § 6 D, 47 и сл.) „и он со мною ссорился и у меня рабов моих подстрекал, (и) против меня воевать бы начал, и он от меня бежал“; *mankan man* ANA ^{UTU}ŠI kuḥari ḤUL-ḥanni kittat manta ^{UTU}ŠI arḥa peššijanun mantakkan È ABIKA arḥa dahḥun (Kur., § 21 D, 28 и сл.) „если бы у Солнца это как злое было понято (буквально: ко вреду, ко злу легло), я, Солнце, мог бы тебя изгнать и отнять у тебя дом твоего отца“; ср., напротив, при реальном значении: *kinunakan* ANA ^{UTU}ŠI kuit ḤUL-ḥanni UL kittat nutta arḥa UL peššijanun nuttakkan È ABIKA arḥa UL dahḥun (Kur., § 22 E, 14 и сл.) „теперь же, так как у Солнца это не было понято злобно (ко злу не легло), то я тебя не изгнал и у тебя дом отца твоего не отнял“.

ж) В ряде предложений с *kuitman* „пока“ (§ 329 г, 2).

314. а) Периоды с *kuit* „так как“ (§ 326) обычно имеют ну как в начале предложения с *kuit*, так и в переходном положении к главному предложению (Sommer, AU, 83): *nuṣamtu IBILA kuit NU.GĀL* 'Kupanta-^dKAL-aštamtu DUMU ŠEŠ-*IA* nuṣaganṣu EN-*IA* DUMU-anni rāi (Kur., § 4 D, 25 и сл.) „и так как у меня наследника нет, а К.—сын моего брата, то дай его мне, господин мой, в усыновление (т. е. позволь его усыновить)“.

б) Однако предложение с *kuit* может и не иметь частицы ну (Sommer, AU, 83): *ABUKA-mu kuit tuel ŠUM-an memiškit nutta ariddan EGIR-an šan(a)hḥun* (Dupr., § 7, строка 12 и сл.) „так как твой отец мне твое имя говорил, то поэтому я о тебе позаботился“.

в) При переходе к главному предложению ну также может отсутствовать: *ANA PANI DINGIR^{MES} kuit parā ḥandandanni ijaḥḥaḥat ŠA DUMU.NAM.LÚ.GĀL.LU.UTTI ḤUL-lu uttar UL kuṣarikkī ijanun* (Hatt., I, 48) „так как перед лицом богов я согласно их велений поступал (буквально: ходил), (то) я злого дела людей никогда не совершал (т. е. не делал зла, как это обычно делают люди)“.

315. Глаголы *uṣa-* „приходить“ и *rā-* „идти“ (с формами императива *it* „иди!“ и *itṣen* „идите!“; § 182) ставятся часто перед другими глаголами. В таких случаях они ассиндетически помещаются перед следующим глаголом и могут привлекать к себе в качестве наречий частицы, вводящие предложения (Friedrich, Staatsv., I, 162 и сл.): *uṣṣma* 'Tetteš 'EN-urtašša *ITTI* ^dUTU^Š *kururijaḥḥir* (КВо, III, 3; I, 7 и сл.) „пришли Теттин и EN-urtaš (и) стали воевать против Солнца“; *nuṣa uizzi zilatiṣa ANA KUR^{TI} EN-aš* (Kur., § 4 D, 27) „и придет (и) в будущем в стране господином (будет)“; *iṣamtu karšin memiṣan zik EGIR-*pa* uṣa* (КВо, V, 6; III, 22) „иди и принеси мне, ты, назад верное известие!“; *rāiṣenuṣaganṣan kuṣennuṣṣeni* (КВо, VI, 29; II, 25) „пойдем его уьем!“

Эти глаголы могут помещаться также между переходным глаголом и стоящим впереди дополнением к нему в винительном падеже: *nan uṣamṣi* ^{LC}KUR-aš *iṣar ual(a)ḥmi* (Kur. § 9 C, 35) „приду, на него (вышеназванный город) как враг нападу“.

316. а) В предложении типа „могло бы произойти нечто, но в силу какой-то причины случилось иначе“, нашему „но“ в хеттском языке обычно соответствует ну (Friedrich, KIF, I, 293): *man-takkan kuennir, nu zik i:parzasta* (Man., § 1, строка 5 и сл.) „они бы тебя убили, но ты ускользнул“; *manši pāun mānan arḥa ḥar-ninkun numukan AMA-ŠU menaḥḥanda parā naišta* (XIV, 15; IV,

27 и сл.) „я бы пошел на него, уничтожил его, но он мне мать свою навстречу выслал (с просьбой о мире)“.

б) -та „но“ встречается в подобных случаях лишь единично: man IVA KUR URU Azzi tanipumanzi paun maḥḥanna LÚ^{MES} URU Azzi ištamaššir (КВо, IV, 4; IV, 42 и сл.) „я бы пошел в страну города Асси, чтобы навести порядок, но когда люди страны Асси услышали (они подчинились добровольно)“.

317. а) ну и -та „но“ в повествовательных предложениях стоят рядом очень редко (Sommer, AU, 77): nu amḥukina GIM-an pakkešta numuza ḥanli kuḥariki ešta UL-muza GAM-an ešta (КВо, IV, 14; II, 7 и сл.) „но когда мне было тяжело (буквально: меня тяготило), ты отдельно от меня где-то был, со мною не был“.

б) В то же время сочетание ну... -та очень употребительно при продолжении вопроса (§ 291 б).

318. паппа „далее, затем, опять“ образует с ну сочетание ну паппа „итак, поэтому, следовательно, после этого“, которое может быть нарушено лишь вставкой по середине энклитических словечек (Sommer-Ehelolf, Pap., 6 и сл.): numu MU.KAM-za kuīt šer tepaēššanza ešta nu paḥḥa KUR URU Azzi 'L daninun (КВо, IV, 4; IV, 38 и сл.) „и так как год мне для этого укороченный был, то я поэтому страну Асси в порядок не привел“; nu maḥḥan 'Uḥḥa-LÚ-iš GiG-at našnu, paḥḥa zaḥḥi ja menaḥḥanda UL uīt (КВо, III, 4; II, 21 и сл.) „и когда У. заболел, то поэтому он против меня на бой не вышел“.

3. ta и šu „и“

319. В древнем языке и в близком к нему языке законодательных и ритуальных текстов ta употребляется, повидимому, в том же значении, что и ну. Оно ставится:

а) Для сочинения предложений: ср. чередование ну, ta, и бессоюзного сочинения в ритуальном тексте (Friedrich, RHA, 3, 157 и сл.): LÚ^{MES} GIBANŠUR-kan 2 NINDA mitgaimiūš danzi taš LUGAL SAL.LUGAL-ri pianzi ta paršijanzi LÚ^{MES} GIBANŠUR-kan 2 NINDA mitgaimiūš appanzi naškan appa šuppajaš GIBANŠUR^{H.L.A.}-aš tianzi (X, 21; III, 7 и сл.) „стольники (буквально: люди стола) берут 2 хлеба mitgaimi и их царю (и) царице дают и разламывают. Стольники берут 2 хлеба mitgaimi и кладут их на чистые столы“, и почти буквально так же, но с иным распределением союзов: LÚ GIBANŠUR... NINDA mitgaimiūš dai LUGAL-i pāi LUGAL-uš paršija tuškan LÚ GIBANŠUR appa šuppai GIBANŠUR-i dai (XXVI, II, 50 и сл.) „стольник берет... хлеб mitgaimi (и) царю дает, (и) царь разламывает. И стольник опять его на чистый стол кладет“.

б) При введении главного предложения после придаточного: takku İRMES-ŞU GEMEMES-ŞU kuelqa ħurkel ijanzi tuş arpuñanzi (Ges., § 196) „если чьи-нибудь рабы (и) рабыни мерзкое дело совершат, то их удалят“.

в) О том, что местоимение 3-го лица в винительном падеже может остаться необозначенным после ta, см. § 249.

320. Реже и притом только в текстах „Древнего царства“ встречается šu, засвидетельствованное в том же употреблении, что и nu и ta (Sommer, HAB, 78): ukça attimi UL aššuš šuça URUĤat-tuši ħingani paun (2 BoTU, 13; II, 20 и сл.) „я отцу моему не мил, и в город Хаттуш я на смерть пошел“; ¹İšputašinarima piir šanašta İŞTU Ē.EN.NUM tarnir (2 BoTU, 12 A; II, 18 и сл.) „к Ишпуташинаришу послали и его затем (š-an-ašta) из тюрьмы выпустили“.

4. Прочие сочинительные союзы

321. -та соответствует „но, же“, однако здесь это значение (подобно греч. δὲ) выступает несколько слабее¹.

а) Союз -та по большей части энклитически присоединяется к первому ударенному слову в предложении: maĥĥanmazakan ⁴UTUŠI ANA GISGU.ZA ABIIA ešĥat (KBo, II, 4; I, 19) „когда же я, Солнце, на трон отца моего воссел“.

б) В условных и относительных предложениях -та обычно присоединяется ко второму слову предложения, стоящего впереди (Ungnad, ZA, NF 2, 104): mānkan ERĪNMES-ma ANŠU.KUR.RA^{MES} ĥarri UL arnusi (Targ., § 4, строка 22 и сл.) [наряду с mānakan ERĪNMES ANŠU.KUR.RA^{MES} ĥarri UL arnutti (Kur., § 19 D, 6, вариант) „если же пехоту (и) боевые колесницы на помощь не приведешь“; [takku kešširašma ĥaštāi (Ges., § 111) „если же рука согрешит“; kuišan appama uqatezzi (Ges., § 23) „но кто его обратно доставит“].

в) В таком же сочетании -та иногда повторяется дважды (Ungnad, ZA, NF 2, 105): mānmaštakkan ŠĀ(G) KUR-KA-ma uizzi (XXIII, 1; IV, 18) „если же он к тебе в страну твою придет“.

322. В некоторых случаях, когда на -та в предложении, стоящем позади, падает незначительное ударение, оно часто не переводится: GIM-anmaza ŠEŠ-IA DINGIR^{LIM}-iš DŪ-at 'Urĥi-⁴U-uranma DUMU ŠEŠ-IA šara ĥaĥĥun (KBo, IV, 12; I, 20 и сл.) „когда (же) брат мой богом стал, я взял Урхи-Тешупа, сына брата моего“.

¹ Ср. русск. „же“. — *Прим. перев.*

323. а) Нашему „или“ обычно соответствует *pašma*: *İR-an pašma GEME-an* „раба или рабыню“; *mān tukma kuiški 'Targaš-nallin pašma DUMU-KA kunanna šanhanzi (!)* (Targ., § 8, строка 41) „если же кто-либо тебя, Таргашналлиша, или сына твоего убить попытается“.

б) „Либо — либо“ передается с помощью *paššu* — *pašma*: *paššu LÚ URUḪatti kuiški pašma LÚ URUArzaqa kuiški* (Кур., § 18 С, 23 и сл.) „либо какой-нибудь человек из Хатти, либо какой-нибудь человек из Арзавы“; *paššucaḳan LUKUR aruš kuindu pašmacaḳan LUKUR aruš kunandu* (Targ., § 12, строка 31) „либо враг пусть их убьет, либо они врага пусть убьют“.

324. Иногда *paššu* имеет разделительное значение, соответствуя „или“: *EBURMES-ṣamukan pīran, paššu kušata, paššu KAS-aš, pašma tamai kuitki uttar* (XIII, 4; II, 58 и сл.) „жатва передо мной (т. е. предстоит мне), или плата за невесту, или путешествие, или другое какое-нибудь дело (которое потребует издержек)“ (Sommer, AU, 100 и сл.).

Таким образом, *paššu* с самого начала соответствовало „или“ (нем. *entweder* или *oder*), а *pašma* (из кое-где засвидетельствованного *paššuma*) содержит уже знакомое нам *-ma* (§ 291б).

ТИПЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

325. Финальных и консекүтивных предложений в хеттском языке нет. Вместо них хеттский пользуется простым сочинением при помощи союза *nu*: *paš UL tarnahḫun pankan UL kuennir* (КВо, VI, 29; II, 27 и сл.) „и я их не допустил, и они его не убили“= „я не допустил, чтобы они его убили“; *takku LÚ-an pašma SAL-an ELLAM ṣal(a)hzi kuiški paš aki* (Ges., § 3) „если кто мужчину или женщину свободную ударит и он (она) умрет“= „так что он (она) умрет“; *nu taškurāi nu URU-aš dapijanza išdampašzi* (XXIV, 7; IV, 46) „и закричи, и весь город услышит“= „так что весь город услышит“.

326. Каузальные предложения вводятся посредством *kuit* „так как“ (Friedrich, Staatsv., I, 30), причем предложение с *kuit* ставится обычно впереди (Sommer, AU, 83): *nu ABUJA genzu-ṣalaš kuit ešta paš ŠA SAL⁷ memijani kari tijat* (КВо, V, 6; IV, 13 и сл.) „так как отец мой благожелателен был, то он согласился со словами женщины“; *annišanma kuit ANA 'Mašhuluṣa IBILA NU.GÁL ešta nuza tuk 'Kupanta-ḳKAL-an DUMU ŠEŠ-ŠU IBILA-anni šarā dān ḫarta* (Кур., § 7 С, 12 и сл.) „так как у М. прежде не было наследника, то он! тебя, К., сына своего брата, к наследованию взял (т. е. сделал наследником)“.

Относительно постановки или отсутствия *pi* в каузальных предложениях см. § 314.

327. *kuit* может соответствовать также „что, чтобы“ (Friedrich, ZA, NF 2, 279 и сл.; Sommer, AU, 76); в этих случаях *kuit* ставится обычно позади, а именно:

а) если *kuit* имеет значение „тем, что“: *ammel kāšpīt l-aš dammešhaš kijan l-an dammešhanunin IŠTU Ē.GAL^{LIM}-pitkan kuit katta ujanun* (KBo, IV, 8; II, 12 и сл.) „и это у меня одно наказание; тем одним я ее наказал, что из дворца выгнал“;

б) после глаголов восприятия: *maḥḥanina LU^{MES} URU^{URU}Azzi auer URU^{AS. AS. NI.A} BĀD-kan kuit zaḥḥijaz katta daškiḥan tehḥun* (KBo, IV, 4; IV, 28 и сл.) „когда же люди города Асси увидели, что я укрепленные города с боем брать стал“.

328. От глаголов *sentiendi* и *dicendi* может зависеть оборот с предикативным причастием или именем, что дает значение, соответствующее конструкции с „что“: *ammukūqaran akkantan IQBI* (XIII, 35; III, 17) „мне сказал его умерший“= „мне сказал, что он умер“; *maḥḥanma KUR.KUR^{MES} LU^{KUR}Īrnuandan ŠEŠ-IA irman ištamaššir* (KBo, III, 4; I, 6 и сл.) „когда же враждебные страны моего брата Арнуанду услышали больного“= „когда они услышали, что А. болен“ (επεὶ δ' οἱ πολέμοιο τῶν ἐμῶν ἀδελφῶν νοσῶντος ἤκουσαν).

329. Временные предложения вводятся посредством:

а) *maḥḥan* „когда, как, как только“: *maḥḥanina ḥamešḥanza kišat* „когда же наступила весна“; *maḥḥanma UZU^{IA} zejari* „как только жир закипит“.

б) В древнем языке *mān* „когда“ вместо *maḥḥan* (Sommer, HAB, 71¹): *mānšan I¹Telipinuš INA GIS¹GU.ZA ABU¹IA ešḥat* (2 BoTU, 23 A; II, 16) „когда я, Телипинуш, на трон отца моего сел“.

в) *kuṣari* „в то время как, тогда как“: *puza ABU¹IA kuṣari DINGIR^{LIM}-iš DÜ-at* (= *kišat*) (KBo, III, 4; I, 4) „в то время как отец мой сделался богом“.

г) *kuitman* (= лат. *dum*): 1) „пока, до тех пор, в то время как (нем. *solange, als, während, bis*): *nu kuitman ABU¹IA INA KUR^{URU} Mitanni ešta* (KBo, III, 4; III, 47) „и пока отец мой в стране Митанни был“; *nu Ē-rišši anneškizzi kuitmanaš SIG₅-attari* (Ges., § 10) „и будет работать в его доме, пока он выздоровеет“. Следующие друг за другом предложения с „пока“ соединяются асиндетически (§ 313ж; Sommer, AU, 135 и сл.): *nuṣašši kaš LU¹ KART¹APPU pidiši ešaru kuitmanaš uizzi kuitmanas arija EGIR-pa uizzi* (Tav., II, 71 и сл.) „и этот придворный конюший на своем месте пусть сидит, пока он придет (и) пока он туда не вернется“.

д) Иногда *kuit* встречается со значением „так как, по случаю того что“: *puza KUR URU*Arzaḫa *kuit ḫunan tar(a)ḫḫun puza* ⁴UTU³⁷ *kuiN* NAM.RA *INA* É LUGAL *uḫatenun naš anda 1-etta 66 000 NAM.RA ešta* (КВо, III, 4; III, 32 и сл.) „и так как страну Арзава я всю покорил, то я, Солнце, (тех) которые (вин. п. ед. ч.) пленные (были), во дворец привел, и это было всего 66 000 пленных“.

Иногда у *kuit* можно наблюдать колебания между темпоральной и каузальной функциями: *kinuna apel TI-tar idalacešta TI-anza kuit* (КВо, IV, 8; II, 18) „и хуже стала теперь ее жизнь, раз (она) еще живая?“

330. а) Реальное условное предложение вводится обычно при помощи *mān* „если“: *mānkan* ^{LU}MUNABTUM *ištu KUR-ka KUR URU*Ḫatti ^{LU}pittijantili *uizzi nanta EGIR-ḫa UL riḫanzi* (Al., § 18, строка 62 и сл.) „если беглец из твоей страны, спасаясь, в страну Хатти придет, то его тебе обратно не отдадут“; *mānkan* ŠĀ(G) *KUR*⁷⁷ *akkiskittari nat mān kururaš kuiški DINGIR*^{LU}*M ijan ḫarzi nu kiššan ijami* (HT, I; II, 17 и сл.) „если в стране умирается (т. е. большая смертность) и если это какое-нибудь враждебное божество сделало, то я так поступлю“.

б) Архаическое *takku* „если“ встречается чаще всего в законодательных и реже в других текстах¹: *takku LÚ-an ELLUM šul-lanpaḫa kuiški dašcuḫḫi 1 MA.NA KU.BABBAR paī* (Ges., § V) „если кто-нибудь свободного человека в споре ослепит, одну мину серебра даст“.

331. а) Иногда союз вовсе отсутствует (Sommer, HAB, 182, с указ. лит.): *INA* ITU.12.KAM *DUMU-aš miḫari apāš DUMU-aš* ^{LU}SU.GI-ešzi (VIII, 35; I, 9) „(если) в 12-м месяце сын родится, (то) этот сын будет жить до старости; *ḫašdul kuelqa autti... puza rankun EGIR-ḫa ruḫuški* (2 ВоТУ, 8; III, 59 и сл.) „если проступок у кого-нибудь увидишь, ... (то) панкуш опять запроси“.

б) Весьма распространенное *našma* часто означает также „или если“ (Sommer, HAB, 182): *našma ERIN*^{MES} *ANŠU.KUR.RA*^{MES} *ANA* ⁴UTU³⁷ *ḫekti nutta našḫu* ⁴UTU³⁷ *ERIN*^{MES} *ANŠU.KUR.RA*^{MES} *uppaḫḫi našinatta KUR-eaš ZAG-aš EN-aš EGIR-an uizzi* (Targ., § 12, строки 25, 27 и сл.) „или если ты пехоту (и) боевые колесницы у Солнца просишь, то тебе либо я, Солнце, пехоту (и) колесницы пошлю, либо правитель (господин) области с тобой (буквально: за тобой) пойдет“.

¹ В древнем языке условное *mān* вообще не представлено, а есть только темпоральное *man* (§ 329 б; Sommer, HAB, 711).

- Наряду с *pašma* употребляется также *pašma mān*: *pašma mān KUR^{70.M} kuitki zaḥḥijaza LUGAL KUR^{URU} ḥatti anda ḥatkišnuzzi* (Dupr., § 16, строка 23 и сл.) „или если царь страны Хатти какою-нибудь страну войной притеснять будет“.

332. а) В ирреальном условном предложении употребляются обычно *mān* „если“ и частица ирреальности *mān* (§ 275 и сл.), в последовательности *mān mān* (Friedrich KIF, I, 289 и сл.): *mānkan mān ANA ḥAttaršija ḥuišetenna kaštitaman akten* (Madd., I, 12) „если бы вы и уцелели от Аттаршия, то от голода вы бы умерли“ (ср. также § 313е, второе предложение). С написанием *mān* вместо *mān* (Friedrich, KIF, I, 286 и сл.; Sommer, AU, 73¹; Sommer, HAB, 135 и сл.): *mānkan mān ANA ḥPittagatallipit ʿarpa teḥḥun manmu^{LU}aurijaluš kuit SA ḥPittagatalli auer mānmu piran arḥa tarnāš* (KBo, V, 8; III, 15 и сл.) „так как меня, если бы я поход на П. направил, увидели бы сторожевые П., то он бы от меня ушел“.

б) Однако и здесь союз может отсутствовать; в этом случае предложение, стоящее впереди, содержит только частицу *mān* (иногда с написанием *mān*): *EGIR-anman kuʿari apedaš ANA NAM. RA^{MES} tijanun mān ḥUTU^{ŠI} EGIR-an tijanun* (KBo, III, 3; III, 6 и сл.) „(если) бы я об этих, о пленных, стал когда-нибудь заботиться, то я (т. е. я сам лично), Солнце, позаботился бы“; *ammukmanʿa kuʿari DUMU-IA eša ammukmanʿa ammēl RAMA-NIIA ammella KUR-eaš tepnumar tametani KUR-e ḥatranun* (KBo, V, 6; III, 53 и сл.) „будь у меня когда-нибудь сын, (разве) написал бы я в другую страну о моем собственном и о страны моей унижении (буквально: умалении)?“

333. а) После ирреального или потенциального первого предложения второе может иногда иметь реальное значение (Sommer, AU, 117): *manmaza DAM-IA ANA SAL. LUGAL išijahḥiškattallaš kišat nu idalu kuitki ijat* (XIV, 4; III, 16 и сл.) „если бы жена моя стала за царицей наблюдательницей, (разве) она плохое что-либо (этим) сделала?“

б) При наличии в фразе каких-либо угроз и клятв предложение, следующее позади, может опускаться: *našmakan ḥUTU^{ŠI} kuʿedani anda idalu ištamašti natmukan mān šannatti natmu UL mematti arunnamu antuḥšan UL tekkuššanuši nan anda imma tunnaši* (Ḥuqq., § 4, строка 27 и сл.) „или если ты о Солнце (т. е. царе) от кого-либо злое услышишь, (то горе тебе) если это от меня утаишь и об этом мне не скажешь, и того человека мне не покажешь и даже его укроешь!“; *mānmaʿa^{GI}ŠKARA is-kallahḥun našmaʿa^{NA}KIŠIB duʿarnahḥun našmaʿaʿa^{GI} dahḥun kuitki*

(XIII, 35; IV, 24 и сл.) „(будь я проклят), если я веревку порвал или печать сломал, или себе что-нибудь взял!“

334. а) Уступительные предложения вводятся обычно при помощи *mān-a* „если же“ (Friedrich, Staatsv., I, 32 и сл., 180): *'Urġi-^dU-upašmamu mān HUL-lušša ešta ammukma UL karuššjanun* (КВо, IV, 12; I, 24 и сл.) „если же Урхи-Тешуп ко мне плох был (т. е. плохо относился), то и я не бездействовал“; *nuza mān irmalanzaša (§ 25 б) ešta ^dUTU^{sl}-matta ANA AŠAR ABIKA tittanununpit* (Dupp., § 7, строка 16 и сл.) „и хотя болен был, я, Солнце, тебя на место отца твоего поставил“.

б) В качестве уступительного союза может стоять также и одно *mān* „если“ (Friedrich, Staatsv., I, 159; Sommer, AU, 172): *zikmaza 'Kupanta-^dKaL-aš ANA 'PiS.TUR-ца kuit DUMU-ŠU ešta mānza UL manga ɯašdulaš ešta mantakkan É ABIKA KUR-KA-ia UL arġa dāir* (Кур., § 7 С, 18 и сл.), „а так как ты, К., был сыном Машхуилуваша, то хотя ты сам по себе не виновен был, разве не отняли бы у тебя дом отца твоего и страну твою?“

335. Косвенно-вопросительные предложения, если они не вводятся с помощью вопросительного местоимения (*kuiš* „кто?“, *mašičanza* „как велик?“ и т. д.) или вопросительного наречия (*kuṣarī* „где? когда?“, *kuṣat* „почему?“ и т. д.), начинаются с *mān* „ли“: *nu 'Urġi-^dU-upaš kuit arija nap punuš mān kišan mān UL kisan* (XXI, 38; I, 11 и сл.) „так как Урхи-Тешуп там, спроси его, так ли (это) или не так“.

336. а) Относительные предложения строятся в хеттском языке не по обычному для нас способу, например: „человк, которого ты видел, мой отец“, но по типу: „которого человека ты видел, тот мой отец“. Таким образом, относительное предложение предшествует главному, а имя, которое у нас ставится в главном предложении и от которого зависит относительное, в хеттском языке включается в конструкцию относительного предложения; в следующем за относительным главным предложении с этим именем соотнесено местоимение (*Götze, Hatt.*, 86): *nuza ^dUTU^{sl} kuin NAM.RA INA É.LUGAL uṣatenun naš 15 500 NAM.RA ešta* (КВо, III, 4; II, 41 и сл.) „и которых пленных (собираательно) во дворец я, Солнце, привел, это было 15 500 пленных“; *našmatta URUḪU.BABBAR-šaš ZAG-aš kuiš BELU maninkuṣan nu ERIN^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{MEŠ} apədani ɯekti* (Targ., § 12, 25 и сл.) „если же (буквально: или же) какой-либо (буквально: который) владыка Хаттуша к тебе близок, можешь потребовать у него пехоту (и) боевые колесницы“; *pedimakan kue*

KUR.KUR^{MES} daliĵanun nušmaš ZAG^{HLA}-uš teĥhun (Кур., § 3 D, 16 и сл.) „которые же страны я на месте оставил (не тронул), им я границы установил; nu kuis tān pedaš DUMU^{RU} nu LUGAL-uš araš kišaru (2 ВоТУ, 23 А; II, 37 и сл.) „который сын второй очереди (от наложицы), пусть тот царем станет“; nimu aḡaḡzenaš KUR.KUR^{LÜKÜR} kueš kururijaḥḥir nu ANA KUR^{LÜKÜR} paĵi kuitman kuēdanikki pāun (КВо, III, 4; I, 19 и сл.) „и (те) которые соседние вражеские страны со мной воевали, прежде чем я еще на какую-нибудь из вражеских стран не пошел“.

б) В качестве примера нескольких зависимых друг от друга относительных предложений можно привести: ⁴U-aš kuēdani UD-ti ḥatuga tethšikit... nu TÚG.NÍG.LÁM^{MES} kuē apēdani UD-ti ʔaššan ḥarkun ANA^{GÍSGÍGIR}-jakan kuēdani apēdani UD-ti arḥaḡat nu kē TÚG.NÍG.LÁM^{MES}... ^{GÍSGÍGIR}-ja turijaḡ apatta dāir (Murš. Sprachl., II, 23 и сл.) „в день, когда грозное божество страшно гремело... то одежды, те, которые в тот день я надевал, и колесницу, на которой в тот день я стоял, то те одежды... колесницу запряженную — и это взяли (боги)“.

в) Примеры продолжения относительных предложений при посредстве союза „и“: IR^{MES}-IA-ʔaza kueš daš nuʔaraškan kattanta peḥutet nuʔarašmu arḡa uppi (КВо, III, 4; III, 77 и сл.) „которых рабов моих ты себе взял и их увел, то их ко мне отошли!"; NAM.RA^{HLA} kueš ABUJA arnut amnuqqat arnunun numikan mān apēl kuiški ŠA NAM.RA^{MES} ḥuʔaizzi (Duppr., § 13, строка 38 и сл.) „которых пленный отец мой увел, то если у меня из этих пленный кто-либо убежит“.

г) Относительно отсутствия согласования у местоимения главного предложения с именем предшествующего подчиненного см. Sommer, HAB, 53 и сл.

АККАДСКИЕ И ШУМЕРСКИЕ ФОРМЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ

337. Для полного понимания аккадских и шумерских элементов в хеттских текстах следует обратиться к специальным работам по аккадской и шумерской грамматике, например: Ungnad, *Babylonisch-assyrische Grammatik*, 2-е изд., Мюнхен, 1925 (*Clavis linguarum semiticarum*, т. 2); Poebel, *Grundzüge der sumerischen Grammatik*, Росток 1923. Здесь мы приводим лишь важнейшие моменты, отмечая при этом особенности употребления аккадских форм хеттами.

338. а) Шумерскими окончаниями множественного числа имени являются MEŠ и ҢI.A; при этом ҢI.A употребляется главным образом для названий предметов и животных. Примеры: EN^{MEŠ} „господа“, DINGIR^{MEŠ} „боги“, UD.KAM^{ҢI.A} „дни“, NAM.RA^{ҢI.A} „пленные (из мирного населения)“, ERIN^{MEŠ} ANŠU.KUR.RA^{ҢI.A} „пешие войска (и) боевые колесницы“.

б) Реже встречаются окончания множественного числа: AŠ.AŠ.ҢI.A: URU^{AS.AS.ҢI.A} „города“, иногда ҢUR.SAG^{AS.AS.ҢI.A} „горы“ или MEŠ.ҢI.A: ERIN^{MEŠ.ҢI.A} „пешие войска“.

в) Множественное число образуется с помощью удвоения имени: KUR.KUR (и KUR.KUR^{MEŠ}) „страны“, DINGIR^{MEŠ} GAL.GAL „великие боги“, URU^{AS.AS.ҢI.A} GAL.GAL^{7/1M} „большие города“.

г) Иногда множественное число вовсе не обозначается или обозначается лишь частично: NAM.RA^(ҢI.A) GUD UDU „пленные (из мирного населения), быки, овцы“, LÚ^(MEŠ) ŠU.GI „старика“, 5 GUD „5 быков“, MU.KAM GÍD.DA „долгие годы“.

339. а) Шумерское окончание род. п. -a(k), не будучи понятием хеттам, заключено в сочетаниях, например: ANŠU.KUR.RA „лошади“ (собственно: „осел [anšu] горной страны [kur-a]“), KÁ.DINGIR.RA „Вавилон“ (собственно: „ворота [ká] бога [dingir-a]“).

б) Обычно, однако, определение ставится после определяемого слова без какого-либо особого обозначения: MĀŠ LÚ „род мужа“. GAL GEŠTIN „главный виночерпий (буквально: наибольший вина)“.

340. а) Шумерское прилагательное также стоит обычно позади определяемого им существительного: MUŠEN GAL „птица большая“, во множественном числе: DINGIR^{MES} GAL. GAL „боги великие“ (ср. DINGIR^{MES} TUR „боги малые“).

б) Иногда прилагательные имеют особое окончание -а: IĀ. DUG. GA „масло хорошее“ (dug „хороший“), MU^{1-1A} GÍD. DA „годы долгие“ (gíd „долгий“).

341. Парадигмы аккадской именной флексии:

а) Существительное

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>		<i>Дв. ч.</i>
Им.	māru(m) „сын“	mārtu(m) „дочь“	mārū	māratu(m)	uznān „уши“
Род.	māri(m)	mārti(m)	mārī	mārāti(m)	uznēn
Вин.	māra(m)	mārta(m)	mārī	mārāti(m)	uznēn ²

б) Прилагательное: ṭabu(m) „хороший“.

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>	
Им.	м. р. ṭabu(m)	ж. р. ṭabtu(m)	м. р. ṭabutu(m)	ж. р. ṭabātu(m)
Род.	ṭabi(m)	ṭabti(m)	ṭabuti(m)	ṭabāti(m)
Вин.	ṭaba(m)	ṭabta(m)	ṭabuti(m)	ṭabāti(m)

в) Формы с -m (mārum, ṭabum и т. д.) являются древнеавилонскими. В начале второго тысячелетия до н. э. -m исчезает, однако так называемая мимация часто сохраняется в написании. Поэтому в хеттских текстах мы встречаем рядом формы и *ELLUM* „свободный“ и т. д.

342. а) Форма аккадского родительного падежа, как и вообще семитического, всегда стоит после определяемого имени. Оба слова образуют единство в акцентологическом отношении, причем ударение стоит на определении. Безударное определяемое находится в так называемом status constructus, т. е. полностью теряет краткие падежные окончания, а также претерпевает и другие изменения:

	<i>Ед. ч.</i>		<i>Мн. ч.</i>		<i>Дв. ч.</i>
Им.	mār „сын“	mārat „дочь“	māru, marāt	uznā „уши“	
Род.	mār	mārat	mārī, marāt	uznē	
Вин.	mār	mārat	mārī, marāt	uznē	

Примеры: *mār šarri(m)* (идеографически DUMU LUGAL) „сын царя, царевич“, *paḡām* ^дU „любимец (paḡamu) грозового божества“, *bēl bīti(m)* (идеогр. *BEL Ê^{Т/М}* или *EN Ê^{Т/М}*) „господин (belu(m)) дома (bītu(m))“, *ištu aḡāt abika* „по слову (aḡātu(m)) отца твоего“, *unut siparri(m)* (идеогр. ZABAR) „утварь (unutu(m)) из бронзы“, *māt* ^{URU}Hatti (идеогр. KUR ^{URU}Hatti) „страна (mātu(m)) Хатти“.

б) Получающееся в результате образования *status constructus* скопление согласных в конце слова разрезается вставкой между ними гласного: *šulmu(m)* „благополучие“, st. c. — *šulum*; *ašru(m)* „место“, st. c. — *ašar*.

в) Сочетание двух одинаковых согласных в этом же положении или упрощается, например *šarru(m)* „царь“, st. c. — *šar*, или же после них появляется краткий гласный: *tupru rikilti* „таблица (таблетка) договора“, *ina libbi* (идеогр. *INA ŠA(G)^{В/Г}*) *māti(m)* „посреди страны“.

343. а) Вместо сочетания *status constructus* значение родительного падежа может быть передано также при помощи определительного местоимения *ša* „тот же“: *ša mānīti(m)* „тот клятвы“ = „ленник“; *šarru(m) ša māti(m)* „царь тот (что) страны“ = *šar māti(m)* „царь страны“.

О случаях опущения в хеттских текстах *ša* см. § 362.

б) В то время как сочетание со *status constructus* (с постановкой родительного падежа) позади определяемого слова противоречит хеттской тенденции ставить родительный падеж перед определяемым словом (§ 221а), аккадский способ выражения отношения родительного падежа при помощи *ša* дает возможность характерной для хеттского языка препозиции родительного: *ŠA* ^{URU}Halila ḡarṇinkuḡar (КВо, III, 4; I, 36) „уничтожение города Халила“; *ŠA* ^дUTU ^{URU}Arinna EZEN^{Н/Л} (КВо, III, 4; I, 17 и сл.) „празднества солнечной богини города Аринна“; *ŠA* 1-EN (читается *īsten*) *taparijaš* (КВо, III, 4; III, 74) „господство одного единственного“, *ŠA* ^{LU}MUDI DAM-ašša aššīatar (Ḥatt., III, 3) „мужа и жены любовь“.

Однако родительный падеж с *ša* часто стоит также и позади определяемого: *metijaš ŠA BAL* (Targ., § 3, строка 10 и вообще часто) „слово мятежа“.

344. а) Отношение притяжательности выражается в аккадском, как и в других семитических языках, путем присоединения специальных суффиксов к имени в *status constructus* по следующей схеме:

Имя в единственном числе

<i>Им.-вин. п.</i>		<i>Род. п.</i>	
mār-ī	„мой сын, моего сына“	māri-ja	„моего сына“
mār-ka	„твой (м. р.) сын, твоего сына“	māri-ka	„твоего (м. р.) сына“
mār-ki	„твой (ж. р.) сын, твоего сына“	māri-ki	„твоего (ж. р.) сына“
mār-šu	„его сын, его сына“	māri-šu	„его сына“
mār-ša	„ее сын, ее сына“	māri-ša	„ее сына“
mārā-ni	„наш сын, нашего сына“	māri-ni	„нашего сына“
mār-kunu	„ваш (м. р.) сын, вашего сына“	māri-kunu	„вашего (м. р.) сына“
mār-kina	„ваш (ж. р.) сын, вашего сына“	māri-kina	„вашего (ж. р.) сына“
mār-šunu	„их (м. р.) сын, их сына“	māri-šunu	„их (м. р.) сына“
mār-šina	„их (ж. р.) сын, их сына“	māri-šina	„их (ж. р.) сына“

Имя во множественном числе

<i>Им. п.</i>		<i>Род.-вин. п.</i>	
mārū-ja	„мои сыновья“	mārī-ja	„моих сыновей“
māru-ka	„твои (м. р.) сыновья“	mārī-ka	„твоих (м. р.) сыновей“
mārū-ki	„твои (ж. р.) сыновья“	mārī-ki	„твоих (ж. р.) сыновей“
mārū-šu	„его сыновья“	mārī-šu	„его сыновей“
māru-ša	„ее сыновья“	mārī-ša	„ее сыновей“
māru-šunu	„их (м. р.) сыновья“	mārī-šunu	„их (м. р.) сыновей“

Имя в двойственном числе

<i>Им. п.</i>		<i>Род.-вин. п.</i>	
uznā-ja	„мои уши“	uznē-ja	„моих ушей, мои уши“
uznā-ka	„твои (м. р.) уши“	uznē-ka	„твоих (м. р.) ушей, твои уши“
uznā-ki	„твои (ж. р.) уши“	uznē-ki	„твоих (ж. р.) ушей, твои уши“
uznā-šu	„его уши“	uznē-su	„его ушей, его уши“

и т. д.

б) В суффиксах 3-го лица *s* после зубных звуков переходит в *š*, которое, по древнеавилонской манере, обычно пишется *z*. При этом зубной согласный большей частью ассимилируется последующему *s* (*z*): *māt-su „его страна (*mātu*)“ > *mātsu* > *māsu* (*māzu*, в хеттских текстах идеогр. KUR-ZU¹), *qāt-su „его рука (*qātu*)“ > *qātsu* > *qassu* (*qazzu*), *arad-su „его слуга (*ardu*)“ > *arad-su* > *arassu* (*arrazzu*, идеогр. IR-ZU), *mārat-ša* „ее дочь (*mārtu*)“ > *mārat-sa* > *mārassa* (*mārazza*, идеогр. DUMU-SAL-ZA), *lubšat-sunu „их платье (*lubuštu*)“ > *lubšat-sunu* > *lubšassunu* (*lubšazzunu*, идеогр. TUG-ZUNU).

345. В шумерском языке отношение притяжательности также выражается с помощью суффиксов, например: *ki-lal* „вес“, *ki-lal-bi* „его вес“.

346. а) В аккадском языке употребительны абстрактные образования на *-utu(m)* (в хеттском часто пишется *-uttu(m)*): *šarrutu(m)* (идеогр. LUGAL-U(T)TU(M)) „царствование“ (от *šarru(m)* „царь“), *bēlutu(m)* (идеогр. EN-UTU(M)) „господство“ (от *bēlu(m)* „господин“); также *1-NUTUM*, т. е. *istenutu(m)* „единство, единица“ (от *isten* „один“).

б) В шумерском языке этим образованиям соответствуют образования с префиксом *nam-*: *nam-lú-gál-lu* „человечество“ (от *lú-gál-lu* „человек“) = акк. *amēlutu(m)* (от *amēlu(m)* „человек“).

347. По аккадскому образцу в хеттском языке склонялись не только вставлявшиеся в тексте аккадские слова, но также, и прежде всего, многочисленные малоазийские и вообще иноязычные имена собственные. При этом имя остается в форме чистой основы, без падежных окончаний, независимо от того, оканчивается ли основа на гласный или на согласный (ср., с одной стороны, ¹*Šuppiluliuma*, ¹*Mursili*, ¹*Telipinu*, с другой — ⁴*Gisgimmas*, ^{URU}*Neriq*, ^{URU}*Ḫargamiš*).

С такого рода фактами мы встречаемся:

а) В писавшихся всегда по-аккадски заглавиях (Sommer-Eheolf, Pār., 1): *UM.MA* ⁴*UTU*^{SI} ¹*Šuppiluliuma* LUGAL KUR ^{URU}*Ḫatti*, т. е. по-аккадски *umma* ⁴*Šamsi* ¹*Šuppiluliuma* *šar māṭ* ^{URU}*Ḫatti* „так (говорит) Солнце Шуппилулиума, царь страны Хатти“; *UM.MA* ¹*Pāpanikri* ^{LU}*patili* ŠA KUR ^{URU}*Ḫummanni* (Pār., I, 1) „так (говорит) Папаникри, патили страны Кумманни“: *AUAT*

¹ Род. п. ед. ч. *INA KUR-ŠU*. т. е. акк. *ina māti-su* „в его стране“; ср. с комплементом *INA KUR*^{TI}-*ŠU*.

^LU Zarpija A.ZU KUR ^{URU}Kizzuātna (HT, 1; II, 13 и сл.) „слова Царпия, врача страны Кизватна“; ¹Anitta DUMU ¹Pithana LUGAL ^{URU}Kuššara KIB/MA (2 BoTU, 7, 1) „Анитта, сын Питхана, царя Кушшары (говорит): объявляю (следующее)!“

б) В названиях стран, вводимых посредством шумер. KUR = акк. mātu(m) „страна“ (st. c. — māt), например: KUR ^{URU}Hatti „страна Хатти“, KUR ^{URU}Arzaqa „страна Арзава“, KUR ^{URU}Kargamiš „страна Каргамиш“ и т. д., которые передают аккадские сочетания status constructus: māt Hatti, māt Arzaqa, māt Kargamiš и т. д.

То же и в других географических обозначениях, например: ^LU^{MES} ^{URU}Tartina, т. е. акк. aēlut ^{URU}Tartina „люди из Таптины“, или ⁴U ^{URU}Hatti „грозовое божество города Хатти“, ⁴UTU ^{URU}Aginna „солнечная богиня города Аринны“.

348. Одно и то же имя может встретиться в тексте как с хеттской флексией, так и, по аккадскому образцу, без флективных окончаний, например: ^{URU}Iahreššaš (КВо, IV, 4; III, 29) (им. п.) наряду с ^{INA} ^{URU}Iahrešša (там же, 30); им. п. ¹Hattušiliš (КВо, IV, 12; II, 5) и вин. п. ¹Hattušilin (Hatt., I, 10) наряду с NUMUN ¹Hattušili (Hatt., IV, 81) „потомство Хаттушилиша“; вин. п. ⁴GIŠ.GIM.MAS-un (VIII, 57, 4, 5) наряду с акк. дат. п. ANA ⁴GIŠ.GIM.MAŠ (VIII, 55, 7; § 355). Формы без окончаний особенно часто употреблялись в качестве родительного падежа после идеограмм (читающихся как акк. status constructus), а также после аккадских предлогов (особенно после ANA „к“ и ¹NA „в“; § 355), но также встречаются они иногда и в других сочетаниях: zik ¹Alakšandu (Al., § 17, строка 32) наряду с более употребительным zik ¹Alakšandus „ты, о Алакшандуш“, ¹Zidi LÚ.ZABAR. DIB ešta „Цитиш был виночерпий“ (2 BoTU, 12 A; II, 1; но 12 C; I, 11 ¹Zidiš).

349. а) Аккадские падежные формы употреблялись хеттами часто неправильно. Так, например, форма род. п. DINGIR^{LIM} = акк. ili(m) выступает как им. п. ед. ч. „бог“; 1-EN (т. е. išten) HALZI — как вин. п. ед. ч. „крепость“; им. п. ед. ч. ^LUMUN-^{NA}BUTUM используется как вин. п. „беглеца“; им. п. ед. ч. ABUKA „отец твой“ как род. п. ед. ч. в сочетании ¹ŠTU AQAṬ ABUKA (Al., § 6, строка 72) „по слову отца твоего“; им. п. мн. ч. BELU^{MES}.IA „господа мои“ как род. п. мн. ч. в сочетании ANA DINGIR^{MES}.BELU^{MES}.IA (Pestgeb., II, § 1, 1) „к богам, господам моим“; им. п. дв. ч. UZNĀŠU как вин. п. „его уши“ (Ges., § 99); вин. п. ед. ч. LÚ ELLAM как им. п. „свободный человек“ (Ges., § IV), но также и LÚ.GĀL.LU-aš ELLAM (Ges.,

§ 15) и даже $L\acute{U}'\text{-G}\acute{A}L.L'\text{-a}\acute{s}$ *ELLAM-aš* (Ges., § 11, вариант) как род. п. ед. ч. „свободного человека“.

б) Иногда лишенная окончаний форма *status constructus* употреблялась и помимо сочетаний генетивного характера: *BEL G\acute{A}L* — как вин. п. ед. ч. (XIII, 20; I, 14) „господина великого“, $L\acute{U}^{MES}$ *LIM* „1 000 человек“.

в) Следует упомянуть еще о том, что иногда хетты употребляли (с этимологической точки зрения неправомерно) *TIM* (и *TI*) в качестве детерминатива множественности (параллельно *MES* и *HI.A*; см. § 338 а, а также Sommer, AU, 343; Sommer, HAB, 195 и сл.). Исходя из закономерных написаний типа *KUR.KUR^{TI.M}* (XXIV, 4; I, 16), т. е. акк. *mātātīm* „страны“ (род.-вин. п. мн. ч.), они переносили *TI(M)* также на такие случаи, как *BE^{LU}^{TI.M}* (XIII, 1; IV, 4) и *BE^{LU}^{MES.TI.M}* (X, 13; IV, 20) „господа“ (акк. *belu!*), *A^UA^TE^{MES.TI}* (2 *BoT^I*, 8; IV, 70) „слова“. Подобного рода написания встречаются также и в аккадских текстах из Нуги.

350. Так как в хеттском языке различия между мужским и женским родом не было, то хетты обычно, даже там, где в аккадском требовался женский род, ставили мужской род (*Friedrich, Staatsv.*, II, 147 и сл.). Так, например, наряду с правильным вин. п. ед. ч. *SAL-an ELLITAM* (Ges., § 175) „свободную женщину“ мы находим более употребительные *SAL-an ELLAM* (Ges., § 3) и *SAL-an ELLUM* (Ges., § 35), обе формы также в значении винительного падежа. Притяжательный суффикс *-ša* „ее“ также встречается очень редко [иногда *S\acute{A} L.BBISA* (Ges., § 77 а, вариант) „ее внутреннее“ = „ее плод“] и обычно замещается через *-šu* „его“: *SAL.LUGAL ŠU^{MES}-ŠU* *anši* (KBo, IV, 9; II, 36) „царица вытирает свои руки“; *annaš DUMU-ŠU* *penništa* (XVII, 10; IV, 24) „мать вела свое дитя“. Также и во 2-м лице ед. ч. притяжательное местоимение м. р. -ка употребляется вместо местоимения ж. р. -ki: $L\acute{U}$ *MUDIKA* (XV, 1; III, 10) „твоей супруг (по отношению к царице)“.

351. Иногда хетты воспринимали аккадское сочетание *status constructus* как одно слово, имеющее при себе детерминатив. Так, например, сочетание со значением род. п. $L\acute{U}$ *TEMI* = акк. *aṣil ṭemi* „муж (*aṣil*, ст. с. — *aṣil*) посольства (*ṭemi*, мн. ч. *ṭemeti*)“ было воспринято как $L\acute{U}$ *TĒMU* „посол“, что и выразилось в соответствующем обращении с этой формой (Sommer, HAB, 121): вин. п. ед. ч. $L\acute{U}$ *TEMA* (KBo, III, 4; II, 9), им. п. мн. ч. $L\acute{U}^{MES}$ *TEME* (Man., § 4, строка 40), вин. п. мн. ч. $L\acute{U}^{MES}$ *TE-MUTIM* (Al., § 3 B, 15).

352. При употреблении хеттами аккадских притяжательных местоимений встречаются следующие ошибки:

а) Неправильное применение падежных форм (§ 349 а): род. п. ед. ч. *BELI/A* как им. и вин. пп. „господин мой, господина моего“, соответственно род. п. ед. ч. *BELINI* — как им. п. „господин наш“; *QADU MIMMUGA* (Al., § 21, строка 35) „с твоим имуществом“, где *MIMMU*, им. п. ед. ч., употреблялось в качестве род. п. после предлога (§ 355), а *-GA* вместо *-KA* (§ 21).

б) Образование из формы род. п. ед. ч. *abi/a* „отца моего“ новой формы им. п. ед. ч. *ABU/A* „отец мой“ (вместо правильного акк. *abi*) с неправильным употреблением ее в качестве род. п. „отца моего“ (например, Al., § 6 A, 72).

в) Если суффикс ед. ч. *-šu* „его, ее“ стоит при существительном во множественном числе, то он может также получить множественное число, т. е. вместо *-šu* здесь появляется *-šunu* (Götze, Madd., 119 и сл.; Sommer, AU, 159): *ŠUMES-ŠUNU anši* (XI, 35; II, 8) „руки свои (буквально: их) вытирает“; *DUMUMES-ŠUNU* (КВо, III, 4; II, 51) „его (буквально: их) сыновья“.

И наоборот, *-šu* иногда стоит там, где следовало бы ожидать *-šunu* (Friedrich, Staatsv., II, 149 и сл.): *ŠUMES-ŠU GİRMES-ŠU* (Sold., I, 26) „руки их (и) ноги их (воинов Арзавы)“ наряду с правильным *GİRMES-ŠUNU ŠUMES-ŠUNU* (там же, 23 и сл.). Также мы находим хетт. *-šiš* „его“ вместо *-šniš* „их“ (§ 258 а).

г) Функция аккадского притяжательного местоимения, так же как и хеттского (§ 258 б), может быть совершенно стерта: *UTUŠI* „Солнце мое“ в качестве титула хеттских царей может просто означать: „солнце, величество“.

353. а) Отношение притяжательности для существительных, написанных по-аккадски или по-шумерски, часто может получать двойное обозначение — при помощи присоединяемого к существительному аккадского суффикса и, кроме того, в сочетании с родительным или дательным падежом хеттского ударенного или энклитического личного местоимения (Hrozný, Spr. d. H., 99 и сл., 107 и сл., 111 и сл., 114 и сл.): *ammēl LUMUDI/A* (КВо, V, 6; IV, 4 и сл.) „(у меня) мой супруг“; *tuel DUMUMES-KA*, „(у тебя) твой сыновья“; *DUMU-ŠU-maçaššizakan kuiš ANA GISGU.ZA ABIŠU ešat* (КВо, III, 4; I, 11 и сл.) „сын же (-ina) его (-ŠU) у него (ši), который (себе, -za) на трон отца своего сел“; *nuṣatta ERÍNMES-KA ANŠU.KUR.RAMES-KA tēpaçeššanza* (XIX, 29; IV, 17 и сл.) „и твои пешие войска (и) боевые колесницы у тебя (-ta) уменьшились“; *nušmašat INA ĒMES-KUNU re ḫarteni* (XIII, 4; I, 51 и сл.) „и (если) вы это (вам, -šmaš) в домах ваших держать будете“.

б) Равным образом при существительном, к которому относится аккадский притяжательный суффикс, может стоять и возвратное местоимение *-za* (§ 252 и сл.; Friedrich, OLZ, 1936, 307 и сл.): **kaṃrušipašza ANSU.KUR-RA^{HI.A}-ŠU turit* (КВо, III, 8; III, 17) „богиня К. запрягла себе коней своих“; *puza AŠAR-ŠUNU arpaṅzi* (КВо, IV, 9; II, 5 и сл.) „и они берут себе место свое“; *pučarašza INA Ē-IA pennaḥḥun* (XIII, 35; II, 27) „и я их себе (-za) в дом свой доставил“; *ITTI LU^{MES} URU^{UR}paḥḥuamaza QATI^{HI.A}. KUNU šumeš ḥudāk ešḥarnuttin* (XXIII, 72; II, 29) „у людей города П. вы себе (-za) руки ваши сразу окрываете“.

354. Из числа аккадских ударенных личных местоимений можно отметить *šu* „он“ и *šupu* „они“ в формулах *UMMA ŠUMA* „так (сказал) он“ и *UMMA ŠUNU(M)MA* „так (сказали) они“ (относительно *uṣma...-ma* см. § 373).

355. В отличие от хеттского аккадский язык обладал предлогами, а не послелогами. Аккадские предлоги обычно управляют родительным падежом. Часто употребляются следующие аккадские предлоги:

ina „в“, в правильном аккадском языке только на вопрос „где?“: *ina ali(m)* „в городе“.

ana „к, в“, в правильном аккадском языке только на вопрос „куда?“: *ana ali(m)* „к городу, в город“. Также для обозначения дательного падежа: *ana šarri(m)* „царю“.

ištu „из“: *ištu māti(m)* „из страны“, в хеттских текстах также „с“ (ср. § 358 б).

itti „с“: *itti nakrūti(m)* „с врагами“.

qadu „с“: *qadu bitišu* „со своим домом“.

356. а) Наряду с этими предлогами в собственном смысле слова существовали и производные предлоги (т. е. застывшие именные формы, типа нем. *wegen, zwecks, infolge*).

Таковыми являются: *šapal* „под“ (собственно ст. с. от *šaplu* „нижняя часть“): *šapal bitī(m)* „под домом“; *maḥar* „перед“ (ст. с. от *maḥru* „передняя сторона“): *maḥar šarri(m)* „перед царем“; *libbi* „посреди“ (ст. с. от *libbu* „сердце, середина“): *libbi māti(m)* „в середине страны“; *pan* и *pani* „перед“ (ст. с. ед. и мн. ч. от *panu* „лицо“): *pan(i) abiḥa* „перед отцом моим“.

б) Производные предлоги часто имеют впереди себя еще настоящий предлог: *ina libbi māṭ URU^{UR}Ḥatti* (идеогр. *INA ŠĀ(G)^{BI} KUR URU^{UR}Ḥatti*) „посреди страны Хатти“; *ina pani ilim* „перед богом“ (где?); *ana pani ili(m)* „пред богом (куда?)“; *ina maḥar šarri(m)* „перед царем“ (где?); *ana maḥar šarri(m)* „пред царем“ (куда?).

Такого рода сочетанием является также *aššum* „ради, во имя“ (< *ana šum „во имя“): *aššum beluti(m)* „ради, во имя власти“.

357. В то время как в аккадском языке „где?“ и „куда?“ различались четко, хетты в своем языке (§ 241 в), а также и при употреблении аккадского не проводили этого различия. Таким образом, в хеттских текстах *ina* употреблялось также на вопрос „куда?“: *ina mat URUḪatti* (*INA KUR URUḪatti*) „в стране Хатти“ и „в страну Хатти“; и наоборот, *ana* употреблялось также при ответе на вопрос „где?“: *ana ali(m)* „к городу, городу (дат. п.)“ и „в городе“.

Соответственно этому и в сложных сочетаниях: *ina libbi ma-ti(m)* „в середине страны“ и „в середину страны“, *ana pani ili(m)* „перед бога“ (куда?) и „перед богом“, *ana šaral MULḪi.A* „под звезды“ и „под звездами“.

358. Следует упомянуть еще о следующих особенностях в употреблении аккадских предлогов:

а) *ANA TUPPI* (Man., § 19, строка 35) „на таблетке“, *ANA ABUJA* цекта (КВо VI, 29; I, 8) „у отца моего потребовал“, *ANA ERIN^{MES} ḫatrāes* „о пеших войсках написал“.

б) *iŠTU GEŠTIN šunnanzi* „вином наполняют“, *iŠTU AUĀT DINGIR^{LIM}* (Hatt., III, 59) „по слову божества“.

в) *ITTI UTUŠI* „с Солнцем, у Солнца, к Солнцу“, также „против Солнца“ (например, Кур., § 11 D, 26).

г) *ANA PANI ABJA* „при отце моем“.

359. Чередование порядка слов в выражениях *GAM NIŠ DINGIR^{LIM}* и *NIŠ DINGIR^{LIM} GAM*, которые оба означают „под клятвой“, связано с тем, что первый порядок отражает акк. *šaral niš ilim*, а второе — хетт. *linkija katta(n)* (в последнем случае нередко встречается написание *GAM-an*).

360. Предлоги *INA* и *ANA* в хеттских текстах могут иногда опускаться, даже за счет ясности понимания предложения. Объясняется это, по видимому, тем, что хетт при написании иноязычного слова имел в виду реально произносимую хеттскую форму дательного-местного падежа без послелого (Friedrich, Staatsv., II, 38 и сл.). Примеры: *nušmaškan G^{IS}ḫulali G^{IS}ḫuesanna QATIŠUNU* *tijandu* (Sold., II, 53/III, 1) „и им веретено и зеркало в руки их (хетт. *keššeraš-šaš*) пусть положат“ (ср. Sold., I, 41: *pašta GAB LĀL uzuiĀ.UDU-ja INA QAT.ŠUNU* *dāi* „и затем воск и сало в руки их кладет“); *GUD SIG₅ BEL GUD* *pāi* (Ges., § 74) „быка здорового хозяину (хетт. *išḫi*) быка даст“.

361. И наоборот, иногда перед именем, уже достаточно охарактеризованным при помощи хеттского окончания местного падежа, плеонастически ставится еще акк. *INA* или *ANA*, видимо, в связи с тем, что писец, сталкиваясь с такими случаями, как акк. *ina qati* = хетт. *keššeri* „в руке, в руку“, привык к тому, что аккадский предлог мог не иметь хеттского соответствия (Sommer-Eheloif, Pär., 19). Примеры: *.NA URU*Hattusi (КВо, IV, 4; III, 55) „в Хаттуше, в Хаттуш“, *ANA GIŠBANŠUR-i* (КВо, II, 9; IV, 4) „на столе, на стол“, *PANI TUG*kurešni „перед головной повязкой“.

362. Иногда может также отсутствовать частица род. п. *ŠA*, так что отношении родительного падежа остается здесь формально не обозначенным: *kuššan ITU.1.KAM* (Ges., § 24, вариант) „плата за 1 месяц (буквально: плата одного месяца)“; ср. *kuššan ŠA MU.1.KAM* „плата за год (буквально: „плата одного года)“; *LÚ.UR.ZÍR UR.ZÍR-an* (Ges., § 88, вариант) „собаку собачника“.

363. Описанное в § 223 употребление родительного падежа в значении „того чего-либо... то чего-либо...“ (нем. *der des... das des...*) для определения другого имени относится также к существительным, написанным по-аккадски или по-шумерски и имеющим впереди себя частицу *ŠA: ŠA MAMETI* „тот (что) клятвы“ = „связанный клятвой“; *ŠA DUMURi* (КВо, V, 6; IV, 15) „то (что) сына“ = „дело сына“; *ŠA BIRTI* (КВо, IV, 4; IV, 14) „то (что) крепости“ = „принадлежащее крепости“, *ŠA KAS^{N/M}* (HT, I; II, 47) „то (что) дороги“ = „дорожное питание“; *ŠA UTUŠi* (Hуqg., § 3, строка 21) „партия Солнца, т. е. царя“; *ŠA LUMUNNABTI* (Al., § 18, строка 61) „вопрос о беглецах“.

364. а) В шумерском языке порядковые числительные образуются путем добавления *-kam* к количественным: *DUB.1.KAM* „первая таблица, доска (глиняная)“.

б) Хетты часто не учитывали специальной функции этого суффикса и писали *MU.1.KAM* в значении „целый год“, *INA MU.1.KAM* „в течение одного года“, *UD.7.KAM* „в течение семи дней“.

365. Основа сильного аккадского глагола спрягается по следующей схеме: *šarācu(m)* „послать“ :

	Презенс	Претерит	Пермансив (статив)
<i>Ед. ч.</i>			
1.	ašap(p)ar „я посылаю“	ašpur „я послал“	3. ед. ч. šapir „он поручает“
2. м. р.	tašap(p)ar	tašpur	Императив 2. ед. ч. šupur „пошли!“
2. ж. р.	tašap(p)arī	tašpurī	
3. м. р.	išap(p)ar	išpur	
3. ж. р.	tašap(p)ar	tašpur	
<i>Мн. ч.</i>			Инфинитив
1.	nišap(p)ar	nišpur	šapāru(m) „посылать“
2. м. р.	tašap(p)arū	tašpurū	Причастие 1. šāpiru(m) „посылающий“ 2. šapru(m) „порученный“
2. ж. р.	tašap(p)arā	tašpurā	
3. м. р.	išap(p)aru	išpuru	
3. ж. р.	išap(p)arā	išpurā	

366. Внутри основы у различных глаголов гласные чередуются. Примеры:

kašādu(m) „достигать, завоевывать“; през. akaš(š)ad, прет. akšud, императ. kušud.

raqādu(m) „приказывать“; през. araq(q)id, прет. arqid, императ. riqid.

šabātu(m) „схватывать“: през. ašab(b)at, прет. ašbat, императ. šabat (2-е прич. šabtu(m) „схваченный“).

labāru(m) „стареть“: през. alab(b)ir, прет. albur, императ. lubur.

balātu(m) „жить“: през. abal(l)uṭ, прет. abluṭ, императ. buluṭ.

367. Глаголы, начинающиеся на п, ассимилируют это п в претерите последующему согласному: padānu(m) „давать“; прет. addin „я дал“ < *andin, iddin „он дал“; но през. anad(d)in, inad(d)in, 3-е лицо мн. ч. inad(d)inu.

368. Глаголы, начинающиеся на ' (элиф), утрачивают этот согласный в претерите при удлинении предшествующего гласного: 'amāru(m) „видеть“: прет. āmur „я видел“ < *a'mur, imur „он видел“ < *i'mur, pīmur „мы видели“ < *ni'mur; през. ammar, immar и т. д.

369. Глагольные основы, оканчивающиеся на ', i и u, утрачивают эти согласные: banū(m) „строить“ (< *banāju(m)): през. aban(n)i, iban(n)i, прет. abni, ibni. Так же qabū(m), qebū(m)

„говорить“: през. aqab(b)i, прет. aqbi, iqbi; gedû(m) „гнать“: прет. irdi; semû(m) „слышать“: прет. asme.

Императив от qabû(m) „говорить“: qibi „говори!“ Пермансив от qatû(ni) „заканчивать“: qati „он закончился“.

С' в начале и в конце: edû(ni) „знать“: прет. 3-го лица ед. ч. îdi „он знает“.

370. Из числа производных спряжений упомянем каузатив с префиксом ša-: šabātu(m) „схватывать“; каузатив sušbutu(m) „дать, заставить схватить“: през. usašbat „я даю схватить“, usašbat „он дает схватить“, прет. 1 и 3-го лица ед. ч. ušašbit „я (он) дал схватить“.

Из неправильных каузативных форм назовем ušken „он склоняется, кланяется“, 3-е лицо мн. ч. uškepu „они₃склоняются“.

371. Шумерские спрягаемые глагольные формы встречаются в хеттских текстах очень редко. Можно привести от UG₆ „умирать“: BA.UG₆ „умирает, умер“ (основа ug₆ с элементом флексии ba), а также причастную форму ^LŠU.DIB „пойманный“, ₃которая на правильном шумерском языке должна бы звучать šu-dibba „рукой схваченный“ (šu „рука“, dib „схватывать“).

372. Аккадское наречие URRAM ŠERAM „рано утром“ употребляется в хеттском языке в значении „на будущее“ (2 BoTU, 23 A; II, 40).

373. итта „так“ в значении „так (говорит) такой-то“ в правильном аккадском языке требует еще -та при подлежащем: итта ʾHammurabi-та „так (говорит) Хаммураби“. В хеттском языке так же иногда пишется UММА LUGAL.GAL-МА (2 BoTU, 12 A; I, 1) „так (говорит) царь великий“; UММА ŠUNU(M)МА „так (сказали) они“; но обычно заключительное -МА опускается: UММА ʾHattušili (Hatt., I, 1) „так (говорит) Хаттушилиш“.

374. Из числа аккадских союзов следует назвать прежде всего ù „и“ и lu — lu „либо — либо“.

УКАЗАТЕЛЬ¹

I

- Аблатив: образование 65, значение 225; затемненный аблатив в наречиях 226; чередование с инструментальным падежом 228—229а; аблатив с послелогами 243в, 244а; аблатив сравнения 233, разделения 225б
- Аблаут 18, 72а, 86—89, 91 (aiš); у глаголов 171
- Абстрактные имена: хеттские 49, аккадские и шумерские 346
- Аккадские элементы в хеттском контексте 4а, 337 и сл.; аккадская именная флексия 341 и сл.; аккадские именные комплементы 46; отсутствие различия аккадского рода в хеттском языке 350; спряжение аккадского глагола 365—370
- Аккадское склонение малоазийских имен 347 и сл.
- Активные глаголы как замена пассивных 199
- Анаколуф 333а
- Аппозиция партитивная 224
- Ассимиляция п последующему согласному 34 (в спряжении аккадских глаголов 367); t последующему согласному 36 и др.
- Безличные глаголы 250
- Бессоюзное сочетание однородных предложений в древнем языке 312б, 319а, сложных предложений в законодательных текстах 312в, словесных пар 306б; в новом языке 313, 315
- Будущее время, передаваемое презенсом, 269а; futurum exactum, передаваемое презенсом, 269а; то же перфектом 270а
- Винительный падеж в виде наречия 216; послелоги с винительным падежом 246; винительный пути 214в, 215б; винительный в роли именительного у имен 67, 231, у местоимений 98а, 121б, 129; „внутренний винительный“ 214
- Вневременная конструкция инфинитива 282
- Возвратные глаголы 254
- Возвратные местоимения 103, 251—255; двойные возвратные местоимения в предложении (аккадские и хеттские) 353б
- Волюнтактив: окончания 167, употребление 273б, 274б

¹ Цифры указывают на параграфы книги.

- Вопрос 291; краткий вопрос 291*в*, двойной вопрос 291*б*, 317*б*, 324, риторический вопрос 313*в*; косвенно-вопросительные предложения 335
- Времена глаголов 160; их употребление 269—273
- Временные предложения 329
- Вспомогательные гласные 27, 34
- Вставка гласного в сочетании согласных 27
- Вставные поясняющие предложения 313*г*
- Выравнивание спряжений на -*mī* и -*hī* 164; именительного и винительного падежей у имен 67, 231, у местоимений 98*а*
- Выражение отношения взаимности 256
- Гапология 47
- Географическое обозначение по аккадскому образцу 347*б*
- Герундив 206
- Герундий 204—205
- Глагол „быть“; его отсутствие в презенсе 212*а* и императиве 212*б*, но не в претерите 212*в*
- Глаголы восприятия 327*б*; глаголы движения с аблативом и инструментальным падежом 229*б*, с -*kan* и -*san* 297—303; глаголы для выражения длительного (или повторного) действия 150, их связь с итеративами 154; глаголы, содержащие понятие болезни, 213; глаголы *sentiendi* и *dicendi* 328; глаголы *uā-* „приходить“, *ra-* „идти“ 315
- Глагольные основы на гласные: *mī-* 174—177, *hī-* 186—189, *medium* 196
- Глагольные прилагательные 283*б*
- Глагольные существительные 203, 279*а*
- Глагольные формы: аккадские 365—370, шумерские 371
- Грамматическое неразличение мужского и женского рода 55, 59; при употреблении аккадских форм 350
- Дательный падеж личных местоимений (неправильный) 98*а*, аккадский с предлогом *apa* „к, в“ 355; употребление дательного падежа 217—219; дательный падеж действующего лица при пассиве и дательный цели 220; дательный с послелогами 242—243, 245—246; дательный сравнения 233; дательный в плеонастическом употреблении (*Dativus ethicus*) 219
- „Два“, его склонение 141
- Двойное обозначение притяжательных местоимений в аккадском и хеттском языках 353
- Двойной вопрос 291*б*, 317*б*, 324
- Двойственное число у имен 60 и глаголов 162
- Депоненс 159, 266 = активу 267
- Детерминативы 1, 5*а*; детерминативы позади слова 5*б*
- Диссимилиация глагола *ṣarāni* 198

- Дополнение при инфинитиве 281; перемещение дополнения в предложении 315
- Древние окончания медиопассива 168
- Древний язык: присоединение второго предложения без *pi* 312; употребление частицы *-ца(r)*- 295; введение предложения с помощью *ta* 319*б* и *su* 320
- Единственное число вместо множественного у существительных с собирательным значением 208*б*, 210, у числительных 211*а*; 3-е лицо ед. ч. у притяжательных местоимений вместо 3-го лица мн. ч. 253*а*, 352*в*
- Заглавия (аккадские) 347*а*
- Залоги 159; их употребление 266—268
- Запретительные предложения 313*б*
- Затемнение языковых фактов при написании 203*а*
- Идеограмма 1—2, 3*б*; идеограммы для выражения различных в фонетическом и грамматическом отношении форм 208*а*
- Именительный и винительный падежи; выравнивание у имен 67, у местоимений 93*а*, 121*б*, 129; *nominativus cum infinitivo* 281
- Именные основы на согласные звуки и их склонение 80 и *сл.*; глагольные основы на согласные звуки: спряжение на *-mi* 169—173, на *-hi* 184—185; медиум 195
- Именные предложения в презенсе (не в претерите) 212; именные предложения с *-za* 255
- Императив: неправильное образование 167, 182—183; императив в качестве опатива 273*а* и волюнтатива 273*б*; императив для выражения запрета 274
- Инструментальный падеж: на *-it* и *-ta* 66; его употребление 227, 229; употребление вперемежку с аблативом 229*а*; у притяжательных местоимений вместо аблатива 229*в*; аблатив орудия 228
- Инфинитив 203—205; употребление 279—282; дополнение при инфинитиве 281; *nominativus cum infinitivo* 281
- Ирреальное значение 275, 277*а*; без *pi* 313 и *сл.*; ирреальное условное предложение 332
- Итеративные глаголы 154; спряжение 179
- Итерация у имен 57
- Каузальные предложения 326; с *pi* или без него 314
- Каузатив в аккадских словах 370
- Каузативные глаголы 152—153; спряжение 178, 180
- Колебания: в склонении имен 348; в спряжении глаголов 164—167, 189, 191—193; колебания в роде и числе 208*а*, 209
- Консекutiveные предложения 325
- Косвенный вопрос 335
- Краткий вопрос 291*в*

- „Куда“ в дательном и местном падежах 217; то же в винительном падеже 215a
- Личные местоимения в винительном падеже, опускаемые в тексте законов, 248 и при наличии *ta* 249; личные местоимения вместо притяжательных в партитивной аппозиции 224b; личные местоимения, заменяемые притяжательными местоимениями после *riḡaḡ*, *arra(n)* и др., 259b; аккадские личные местоимения 354
- Личные окончания глагола 163, 165—168
- Лувийские глагольные окончания 207
- Лувийские формы винительного падежа множественного числа на *-anzà* 93b
- Медум 159; спряжение 194—198, употребление 266—268
- Междометие *eḫ* в роли императива 183
- Местный падеж 116, 64, 217—220; без окончания 64b; хуррийский местный падеж на *-tī* 93b
- Место отрицания 289b
- Место союза *-ta* 321
- Местоименные прилагательные 123, 131; местоименные наречия 122; местоименное склонение 117 и сл.; подлежащее-местоимение в именных предложениях 212a
- Местоположение подлежащего-личного местоимения в именных предложениях 212a; употребление подлежащего-существительного среднего рода во множественном числе со сказуемым в единственном числе 210
- Местоположение слов 212a, 221, 222b, 288 и сл., 315, 321, 332, 336, 342a, 343b, 359
- Мимазия в аккадских именах 341b
- Множественное число шумерских слов 338; множественное число подлежащего в среднем роде со сказуемым в единственном числе 210
- Название стран в аккадских конструкциях 347b
- Названия частей тела; их колебания в роде 209a
- Наклонения у глаголов 160, 273 и сл.
- Написание идеограмм 2
- Написание смешанное 3a, ребусное 8; написание произносимых гласных 22 и сл., 172, 185
- Наречия 235—240; производные наречия 122, аккадские 372—373, числовые наречия 146; аблатив в наречиях 226; формы винительного падежа в наречии 216
- Наречия: времени 236b; образа действия, степени и др. 236b; наречия типа *ḫattīli* „по-хаттски“ 240
- Недостаточное склонение местоимений 125, *mekki-* „много“ 209b
- Неизменяемые местоимения 126
- Неправильное применение аккадских и шумерских падежных форм в хеттском языке 349—352, 357—362, 364b

- Неправильный глагол *au(s)*- 190
Непроизносимое и слабо артикулируемое г 31
Обобщающие относительные местоимения 130
Обозначение мер в дательном-местном падеже 218б; в партитивной аппозиции 224в
Обозначение средства или орудия с помощью инструментального падежа 227 и аблатива 228
Обозначение числительных с помощью цифр 138; числовые наречия 146; числительные с существительными в единственном или множественном числе 211а; шумерские числительные 364
Образование имен по месту происхождения 56, 131б
Образование по аналогии у основ на -*ai*- 72б; в склонении прилагательных 74б, 77б, в склонении местоимений 120а, 121
Образование „полуфлектируемых“ основ 125—126; колебание в форме *mekki-* „много“ 209в
Объединение функций в дательном падеже („где“ и „куда“) 217, 241в, 242; то же при употреблении аккадских слов 357
„Один“, склонение числительного 140
Определение имени с помощью конструкции с родительным падежом 223, 363
Определение места, выражаемое посредством -*kan*, 298—301; то же посредством -*šan* 302—303
Определительное местоимение *ša* в значении родительного падежа 343
Оптация, выраженный с помощью императива, 273а
Опущение последующего предложения при наличии в фразе выражений, передающих клятвы или угрозы; 333б
Опущение предлогов *INA* и *ANA* 360; то же частицы *ŠA* 362
Относительные предложения 336
Отрицание 285—290; отрицание в императиве 274; отрицание при запрещении 287
Отсутствие различия мужского и женского рода 59 (ср. 55); неправильное применение аккадских падежных форм 350
Отыменные глаголы 149, 151, 153; склонение 173
Падеж имен 61 и сл.; формы падежей в виде наречий 21б, 22б, 237—240 и вместо наших предлогов 241б; неправильное употребление аккадских падежных форм 349; глагольное управление несколькими падежами 230
Парадигмы аккадской именной флексии 341 и сл.
Партитивная аппозиция 224
Пассив 159, спряжение 194—198; замена пассива активными и медиальными глаголами 199, путем сочетания *eš-* с причастием 200; дательный действующего лица при пассиве 220б
Первичные наречия 236а

- Переходные глаголы 268
- Перфект, выраженный посредством *ḥar(k)*- с причастием, 201
- Плеонастическое написание *INA* и *ANA* 361; то же гласных 26, 172, 185
- Плюсквамперфект, выраженный посредством *ḥar(k)*- с причастием, 201
- Подлежащее, выраженное личным местоимением; его местоположение в именных предложениях 212a
- Подчинительные союзы 326—335
- Показатели множественности 56, 338a, б, 349в
- „Полуфлектируемые“ местоимения 125
- Порядковые числительные 144—147; шумерские числительные 364
- Послелоги 241—247; замена их падежными формами 2416
- Поссесивный дательный падеж 218a; поссесивный родительный падеж 218в
- Потенциальное значение 275—278
- „Почти“ (*beinalhe*) 278
- Поясняющие вставные предложения 313g
- Превосходная степень и ее распознавание 234
- Предлоги в аккадском языке 355—361
- Предложения состояния 313d
- Презенс вместо будущего времени 269a
- Претерит вместо презенса в эпистолярном стиле и указах 272
- Префиксы *u-* „сюда“ и *re-* „туда“ при глаголе 157
- Прилагательные 54 (53в), склонение 70, 74—75, 77—78; производные местоимения 123, 131; шумерские 346
- Примысливание глагола „говорить“ при его отсутствии в цитируемой речи 294
- Присоединение второго предложения в древнем языке 312g; то же посредством *ta* 319б и в новом языке посредством *ni* 310б; опущение последующего предложения при наличии в фразе выражений угрозы или клятвы 333б
- Приставки 156
- Притяжательные местоимения в древнем и новом языках 112 и *с.л.*; склонение сочетаний с притяжательными местоимениями 116, их употребление 257—260; употребление местоимения 3-го лица ед. ч. вместо 3-го лица мн. ч. 258a, 352в (и наоборот 352в); притяжательные местоимения для выражения значения родительного падежа 222; местоимение в инструментальном падеже вместо аблатива 229в; двойное обозначение для выражения притяжательности 353; притяжательные местоимения вместо личных после *riḡan* и др. 259б; аккадское притяжательное местоимение 344; особые случаи употребления местоимений в хеттском языке 352; шумерские притяжательные местоимения 345

- Производные наречия 237—240; аккадские производные предлоги 353
- Произношение аккадских слов в хеттском контексте 4а; произношение хеттских фонетических знаков 6
- Простые времена 160, 200—202
- Простые и удвоенные согласные 20
- Протохаттский суффикс -šaga- 55
- Разделительное значение 324
- Распространение отрицания на следующие предложения 290
- Реальное условное предложение 330
- Ребусные написания 8
- Редупликация у имен 57 и глаголов 155
- Результативное состояние 269б
- Риторический вопрос 313в
- Род 55, 59; колебания в роде 208а1, 209; отсутствие различия рода в аккадских словах 350
- Родительный падеж: на -an 68; его выражение путем добавления притяжательного местоимения 222; с послелогами 243б, 244б, 247; употребление родительного падежа 221—224; определение с его помощью других имен 223, 363; постановка родительного падежа перед и после управляемого слова 221—222; родительный падеж аккадских имен 342 и сл.; ложное восприятие аккадского родительного падежа 351; шумерский родительный падеж 339; поссесивный родительный падеж 218б
- Сказуемое в единственном числе в применении к подлежащему-существительному среднего рода во множественном числе 210
- Склонение аккадской именной флексии 341 и сл.; склонение по образцу притяжательного местоимения 115—116; „полуфлектируемые“ формы местоимения 125—126 и формы от tekkī „много“ 209в; склонение указательных местоимений 117 и сл.
- Склонение причастия 81; его употребление 283
- Слабое согласование в хеттском языке 208
- Слабые согласные в спряжении аккадских глаголов 367—369
- Слова женского рода на -šaga- 55
- Сложные слова 58
- Смешение различных классов склонения 92; смешение спряжений на -ni и -hi 164, 191, 193
- Собирательные имена 53; конструкции с согласованием в единственном и множественном числе 208а2, б, 210
- Согласные простые и удвоенные 20; сочетания согласных 22 и сл.; согласные в начале слова 24, в конце 25, в середине 23; со вставкой между ними гласного 27; согласный при присоединении энклитики 43

- Согласование *208* и сл.; согласование по смыслу *208б*, в
 Соединение отдельных слов и словесных пар посредством союза
 -(i)а *305—308* и сочетание целых предложений с помощью
 союза *ни 309—318*
 Союзы сочинительные *305—324*; подчинительные *326—335*; аккад-
 ские союзы *374*; бессоюзные условные предложения *331, 332б*
 Спряжение глаголов *158*
 Сравнение прилагательных с помощью синтаксических средств
94, 232—234
 Стиль указов *272б*
 Супин *202, 279а, г*
 Суффикс сравнительной степени -zi- *95*
 Существительное среднего рода множественного числа в роли
 подлежащего со сказуемым в единственном числе *210*
 Ударенные формы личных местоимений *97, 99, 110*
 Удвоение: отрицания *289а*, местоимений -as, -at *109, -(i)а 305,*
-та 321в; удвоение шумерских имен во множественном числе
338а
 Удвоенные и простые согласные *20*
 Указательные местоимения (kā-, arā-) *263—264*
 Употребление времени при наличии в подчиненном предложении
пацi 271
 Употребление сказуемого в единственном числе при подлежа-
 щем-существительном среднего рода во множественном
 числе *210*
 Употребление словесных пар без союза *306б, 121б, 129*
 Условные предложения *330—333*
 Уступительные предложения *334*
 Утрата притяжательных местоимений *258б, 352г*; утрата -та *322*
 Финальные предложения *325*
 Фонетические комплементы: хеттские *3а*, аккадские *4б*
 Фразово-фонетические изменения *39—47*
 Хеттская клинопись *1*
 Хеттское будущее время *269а*
 Хуррийский дательный-местный падеж на -iī *93в*
 Цитируемая речь с частицей -ца(r)- *31б, 42, 292—295*; то же с *ни*
 или без нее *311в*
 Частицы *292—304*; частицы в цитируемой речи *31б, 42, 292—295*
 Чередование -ai- с -e(-i-) *13а*, -ai с -ā- *13б*, -aja- с -a- *15*, e с a
11а, -(i)ia- с -e(-i-) *14а*, u с ú *12*, -ue(-ui-) с -u- *1б*, -(u)ца-
 с -ue- *17б*, -(u)ца- с -u- *17а*
 Чередование гласных в аккадском глаголе *36б*
 Число: в имени *60*, в глаголе *162*; колебания в числе *208*
 Шипящие звуки *28, 29*
 Шумерское написание идеограмм *2*; шумерские слова в хеттском
 контексте *4а, 338—340, 345, 346б, 364, 371*

Эмфаза 289б, 313в

Энклитические слова 34, 292—308, 321 и сл.; фразово-фонетические изменения 39—47; энклитические формы личных местоимений 101—109, 111; то же притяжательных местоимений 113—116

Эпистолярный стиль 272а

II

-а- в склонении прилагательных с основами на -i- и -u- 74а, 77а

-а- в чередовании с -е- 11, с -аја- 15

-а- и -ā- основы 69—70

-а- и ја „и“ 46а, б

-а- и -п- основы; колебания в склонении 92а

-а- „и“ с причастием 25б

-āi- в чередовании с -е- 13а, -āi- в чередовании с -ā- 13б

-ai- основы 72—73

-aja- в чередовании с -а- 15

-ap в окончании родительного падежа (мн. и ед. ч.) 68

-ant- 53

aš — tās 7

-atar (у абстрактных имен) 49б, склонение 87

Badal (араб.) 224

-du- вместо -ta- перед -za 45, 101

е в хеттской клинописи 9а, 10

е и і (колебания в их написании) 10

-е-, чередующееся с -а-, 11а, с -ai- 13а, с -(i)ja- 14а

-ešsar (в абстрактных именах) 49в, склонение 88

Figura etymologica 214б

h, произношение 30

-hš- и -hr- 29

i-, не произносимое в начале сочетаний из согласных, 24

i- основы, существительные и прилагательные, 74—75

і и е (колебание в их написании) 10

-ja и -а „и“ 46

-(i)ja-, чередующееся с -е-, 14а

-ila „сам“ 100

-ili = DINGIR^{LJM} 8

-kap (частица, употребляемая при определениях места) 298—301

kuiš и kuiški; склонение 127, 134, употребление 265

kuit в значении „тем, что“ 327а

l-основы, склонение 83

-m- вместо -u-, после u 19а и перед u 19б

-maš вместо -ma-šmaš 47а

media и tenuis 21

mekki- „много“ 209в

(m)eš 7

- п- и -а- основы, колебание в склонении 92а
 -п- основы, склонение 82
 п, ошибочное написание 33; ассимиляция последующему согласному 34 (в спряжении аккадских глаголов 367); слабая артикуляция звука 32
 pāci „еще нет“, временная конструкция 271
 nomina actionis 50, n. actoris 51, n. instrumenti 52
 -nt- основы, склонение 81
 ну; периоды с ну в начале или без него 311, 313а
 -nza, чередование с -nzan 38
 о в хеттской клинописи 66, 96
 -pit 296
 -г- основы 84; -г/п- основы 85—89
 š, ego произношение как s 286
 š->s(-z-) у аккадских притяжательных местоимений 3446
 -ša вместо -a „и“ после причастия 256
 ŠА для выражения аккадского родительного падежа 343, 362—363
 -šan (указательная частица) 302; -šan в глаголах со значением „сидеть“, „стоять“ и „лежать“ 303; -za + -šan 44
 -šaga-, протохаттский суффикс женского рода 55
 -šh- и -zh- 29
 status constructus 342
 σχήμα καὶ ὄλον καὶ μέρος 224
 -t-, ego ассимиляция следующего согласному 36, 37
 -t и -ta в 3-м лице ед. ч. претерита 25а
 -ta вместо -(a)šta 476
 -tar-, суффикс для образования абстрактных имен 496; склонение 87
 tās вместо āš в звучании 7
 tenuis и media 21
 -tī в дательном-местном падеже единственного числа у слов хуррийского происхождения 93в
 tt- основы 490, склонение 80
 -tu- вместо -ta- перед -za 45
 ц и п после и перед и 19
 и и ú 66, 12
 ц- основы; существительные 76, прилагательные 77—79
 -u-, чередующееся с -ue- (-ui-), 16
 -ца и -цаг как частицы цитируемой речи 316, 42, 292—295
 -цаг, склонение 89
 -цаг, суффикс именных глагольных форм 163, 203—206, 279а
 -ue- (-ui-), чередующееся с -u-, 16
 үі 7
 -um- вместо -uц- 19а
 -umna-, суффикс для образования имен по месту происхождения 56, 1316

- uš вместо -ušaš в родительном падеже единственного числа основ на -u- 17a, 76
- uца-, чередующееся с -ue-, 17б; -(u)ца-, чередующееся с -u-, 17a
- z, произносимое как ts, 28a; то же как звонкое s(?) 29
- za вместо -ts 25a, 252
- zap < -za + -šap 44, 302
- zaša вместо -ts-a 25б
- zé (произношение) 6б
- zḥ- и -šḥ- 29
- zi- (суффикс сравнительной степени) 95, склонение 96

СОКРАЩЕНИЯ

- AfOr = Archiv für Orientforschung.
Al. = Alakšanduš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., II, 5).
Arch. Or. = Archiv Orientalní.
AU = Sommer, Die Ahhijavā-Urkunden, München, 1932 (= Abh. d. Bayer. Ak. d. Wiss., Philos.-hist. Abt., NF 6).
Bo = Boghazköitexte nach Museumsnummern (неопубликованное).
2 BoTU = Die Boghazköi-Texte in Umschrift von E. Forrer, B. 2, Leipzig, 1926 (= 42 WVDOG).
C. H. = Hrozný, Code Hittite, I, Paris, 1922.
Dupp. = Duppi-Tešup-Vertrag (Friedrich, Staatsv., I, 1).
Ges. = Hethitische Gesetze (Paragrafenzählung nach Hrozný, C. H.).
HAB = Sommer und Falkenstein, Die hethitisch-akkadische Bilingue des Ḫattušili I (Labarna II), München, 1938 (= Abh. d. Bayer. Ak. d. Wiss., Philos.-hist. Abt., NF 16).
Ḫatt. = Götze, Ḫattušiliš, Leipzig, 1925 (= MVAG, 29, 3).
Heth. = 1) Friedrich, Hethitisch und „kleinasiatische“ Sprachen, Berlin — Leipzig, 1931 (= Geschichte der idg. Sprachw., II, 5, 1).
2) Sommer, Hethitisches, Leipzig, 1920 (= Boghazköi-Studien, III, 4); Sommer, Hethitisches, II, Leipzig, 1922 (= там же, H. 7).
Hirtfestschr. = Germanen und Indogermanen, Festschr. für Herman Hirt, Heidelberg, 1936.
Hitt. = H. Pedersen, Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen, Kopenhagen, 1938 (= Det Kgl. Danske Videnskabernes Selskab, Hist.-filol. Meddelelser, XXV, 2).
HT = Hittite Texts in the Cuneiform Character, London, 1920.
Ḫuqq. = Ḫuqqanāš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., II, 6).
IF = Indogermanische Forschungen.
JA = Journal Asiatique.
JSOR = Journal of the Society of Oriental Research.
KB = Keilschrifttexte aus Boghazköi, B. 1—4, Leipzig, 1923 (= 30 WVDOG); B. 5 und 6, Leipzig, 1921 (= 36 WVDOG).
KIF = Kleinasiatische Forschungen.
KUB = Keilschrifturkunden aus Boghazköi, Berlin, 1921 ff.
Kup. = Kupanta-KAL-Vertrag (Friedrich, Staatsv., I, 3).

- Madd. = Götze, Madduwattaš, Leipzig, 1928 (= MVAcG, 32, 1).
 Man. = Manapa-Dattaš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., II, 4).
 MDOG = Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
 Meissnerfestchr. = Altorientalische Studien Br. Meissner gewidmet, Leipzig, 1928 f. (= Mitt. d. Altorient. Ges., B. IV).
 Mél. Ped. = Mélanges Linguistiques offerts à M. Hlg. Pedersen, Aarhus, 1937 (= Acta Jutlandica, IX, 1).
 Murš.-Ann. = Götze, Die Annalen des Muršiliš, Leipzig, 1933 (= MVAcG, 38).
 Murš. Sprachl. = Götze und Hlg. Pedersen, Muršiliš Sprachlähmung, Kopenhagen, 1934 (= Det Kgl. Danske Videnskaberne Selskab; Hist.-filol. Meddelelser, XXI, 1).
 MVAcG = Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft.
 NBr = Götze, Neue Bruchstücke zum großen Text des Hattušiliš, Leipzig, 1930 (= MVAcG, 34, 2).
 OLZ = Orientalistische Literaturzeitung.
 Ortsadv. = L. Zuntz, Die hethitischen Ortsadverbien arḫa, parā, pīran als selbständige Adverbien und in ihrer Verbindung mit Nomina und Verba, Münchener Dissertation, 1936.
 Pāp. = Sommer und Ehelolf, Das hethitische Ritual des Pāpanikri von Komana, Leipzig, 1924 (= Boghazköi-Studien, H. 10).
 Pestgeb. = Götze, Die Pestgebete des Muršiliš (KlF. I, S. 161—251).
 RHA = Revue Hittite et Asiatique.
 Sold. = Friedrich, Der hethitische Soldateneid (ZA, NF I, S. 161—191).
 Spr. d. H. = Hrozný, Die Sprache der Hethiter, Leipzig, 1917 (= Boghazköi-Studien, H. 1 und 2).
 Staatsv. = Friedrich, Staatsverträge des Hatti-Reiches, I, Leipzig, 1926 (= MVAcG, 31, 1); II, 1930 (= MVAcG, 34, 1).
 Targ. = Targašnalliš-Vertrag (Friedrich, Staatsv., I, 2).
 T. Atch. = Hethitischer Brief aus Tell Atchana (Nordsyrien); veröffentlicht von S. Smith, The Antiquaries Journal, 19, 1939, S. 38—48, bearbeitet von J. Friedrich, Orientalia, NS 8, 1939, S. 310—316.
 Tav. = Tavagalava-Brief (Sommer, AU, Kap. I).
 Tunn. = Götze, The Hittite Ritual of Tunnawi, New Haven, 1933 (= American Oriental Series, vol. 14).
 VBoT = Verstreute Boghazköi-Texte, hrsg. von Götze, Marburg, 1930.
 WDOG = Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft.
 ZA = Zeitschrift für Assyriologie.
 ZDMG = Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.

Из двух важнейших изданий хеттских текстов КВ0 отмечается во всех случаях, КUB — только там, где возможны сомнения. Цифры без обозначения указывают на КUB.

СОДЕРЖАНИЕ

О хеттском языке (вступительная статья)	3
ПИСЬМО И ФОНЕТИКА (§ 1—47)	43
Типы клинописных знаков 1 — Идеограммы 2 — Фонетическая или идеографическая передача: фонетические добавления (комплементы) 3 — Аккадские слова в хеттском тексте 4 — Детерминативы 5 — Произношение и звучания 6, 7 — Ребусное написание имен 8 — Гласный е 9, его чередование с i 10 и а 11 — Чередование и и ú 12, -ai- и -e- или же -a- 13, -ija- и -e- 14, -ajā- и -a- 15, -ue- и -u- 16, и-а- и -u- (-ue-) 17 — Аблаут 18 — Чередование -иц- и -ип-, также -ци- и -ти- 19 — Колебания между двойными и простыми согласными 20, между tenuis и media 21 — Написание сочетаний согласных 22 и сл.: в середине слова 23, в начале слова 24 и в конце слова 25 — Излишнее написание гласных 26 — Вставные гласные 27 — Шипящие звуки 28, 29 — ħ 30 — r 31 — Слабо артикулируемые п 32, 33, ассимиляция последующим согласным 34, ошибочные обратные образования 35 — -tn- > -nn- 36 — t, ассимилированное последующим согласным, 37 — -nza и -nzan 38 — Фонетика предложения 39 и сл.: ni 40, ta и šu с энклитическими местоимениями 41, -ца- и -цар- 42 — Удвоение согласных при сочетании с энклитиками 43 — -za + -šan > -zan 44 — -ta + -za > -du-za 45 — -a и -ja 46 — Гаплоглогия 47.	
МОРФОЛОГИЯ (§ 48—207)	55
Имя (§ 48—96)	55
1. Словообразование (§ 48—58)	55
Абстрактные имена на -an, -ātar, -eššar, -ašti, -att-, -Ima-, -ul-, -ur 49 — Nomina actionis на -āi-, -ul-, -šġa-, -zēl 50 — Nomina actoris на -tara-, -talla-, -ala- 51 — Nomina instrumenti на -ul-, -uzzi-, -alli- 52 — Имена на -ant- 53 — Прилагательные на -ala-, -ili-, -cant-, -zi- 54 — Имена женского рода на -šara- 55 — Имена происхождения на -иппа- 56 — Удвоение и повторение 67 — Сложные слова 58.	
2. Склонение (§ 59—93)	57
Род 59 — Число 60 — Падежи 61 — Падежные окончания 62 — Дат.-местн. п. ед. ч. на -ai 63, -a и без окончания 64 —	

Абл. ед. ч. на -apza 65 — Твор. п. ед. числа на -ta 66 — Смещение им. и вин. пп. мн. ч. 67 — Род. п. мн. ч. (и ед. ч.) на -ap 68 — Основы на -a- (и -ä-): существительные 69, прилагательные 70 — Основы на -i-: существительные на -i- 71 и -äi- 72, 73, прилагательные 74, 75 — Основы на -u-: существительные 76, прилагательные 77, 78 — udnê- 79 — Основы на -(t)- 80, -nt- 81, -n- 82, -l- 83, -r- 84 — -r/n- 85 и сл.: различные 86, на -(a)tar 87, -ešsar 88, -цар 89 — Основы на различные согласные 91 — Неправильности 92 — Аккадские, лувийские и хурритские элементы в хеттском склонении 93.		
3. Способы выражения степеней сравнения (§ 94—96)		71
Местоимение (§ 97—137)		72
1. Личные местоимения (§ 97—111)		72
Ударенные формы 97—99 — ila 100 — Эклитические формы дательного и винительного падежей 101, 102 — Возвратное местоимение 103 — Эклитическая местоименная основа -a- 104—107 — netta 108 — Удвоение -aš и -at 109 — Ударенное местоимение šî- 110 и мнимое местоимение ša- 111.		
2. Притяжательные местоимения (§ 112—116)		75
В новом языке 112 — В древнем языке 113—115 — Ошибки в склонении 116.		
3. Указательные местоимения (§ 117—126)		76
Окончания местоименного склонения 117 — kâ- и arâ- 118, 119 — Единичные формы 120, 121 — Наречия kiššan и arêniššan 122 — kiššuant- и arêniššuant- 123 — a- 124 — enl-, uni-, anni- 125 — ašî 126.		
4. Вопросительные и относительные местоимения (§ 127—131)		78
kui- 127 — kuat, kuatta(n) 128 — Им. и вин. п. мн. ч. 129 — Обобщающие относительные местоимения 130 — maši(quant)- и kuenzumna- 131.		
5. Неопределенные местоимения (§ 132—137)		79
kuiški и kuišša 132—134 — kuiš (- kuiš) 135, 136 — tamai- 137.		
Числительное (§ 138—147)		80
Общие сведения 138 — Известные числительные 139 — Склонение „одного“ 140, „двух“ 141, „обоих“ 142, „трех“ 143 — Порядковые 144, 145 — Числовые наречия 146 — dajuga- 147.		
Глагол (§ 148—207)		81
1. Словообразование (§ 148—157)		81
Производные с элементами -ahh- 149, -appâi- 150, -eš- 151, -nin- 152, -ni- 153, -šk- и -šš- 154 — Удвоение в глагольном словообразовании 155 — Приставки 156 — u- (ue) и re- 157.		
2. Спряжение (§ 158—207)		84
Два вида спряжения 158 — Залоги 159 — Времена и наклонения 160 — Глагольные имена 161 — Числа 162 — Личные окончания 163 — Выравнивание между спряжениями на -mi и на -hi 164 — Особенности личных окончаний 165—168.		

Спряжение актива (§ 169—193)	87
<i>Спряжение на -mi (§ 169—183)</i>	87
1. Корневые основы на согласные (§ 169—173)	87
Односложные основы на один согласный 169 — То же с -s- между основой и окончанием 170 — То же с аблаутом 171 — Односложные основы на два согласных 172 — Многосложные основы 173.	
2. Основы на гласные (§ 174—175)	95
Многосложные 174 — Односложные 175.	
3. Основы на -āi- (§ 176)	96
4. Основы на -ija- (§ 177)	97
5. Основы с инфиксом -nip- (§ 178)	99
6. Итеративные глаголы с основой на -šk- (§ 179)	100
7. Каузативные глаголы с основой на -pi- (§ 180)	101
8. Глаголы, не относящиеся ни к одной из групп (§ 181—183)	103
ḥag(k)-, rāi-, -uca- 181 — Императив it, itten 182 — Междометие eḥi как императив 183.	
<i>Спряжение на -ḥi (§ 184—190)</i>	105
1. Основы на согласные (§ 184—185)	105
На один согласный 184 — На два согласных 185.	
2. Основы на гласные (§ 186—189)	107
dā- 186 — dāi-, rāi-, nāi-, zāi-, ḥalzāl- 187 — С -u(m)- в 1-м лице мн. ч., в инфинитиве и супине 188 — С тенденцией образовывать 3-е лицо мн. ч. презенса по типу глаголов на -ia- 189.	
3. Неправильный глагол au(š)- (§ 190)	113
<i>Смещение спряжений на -mi и -ḥi (§ 191—193)</i>	114
Спряжение медиопассива (§ 194—199)	116
1. Основы на согласные (§ 195)	116
2. Основы на гласные (§ 196)	118
3. Редкие медиальные и пассивные формы (§ 197—199)	119
ṣagāni 198 — Замена пассива переходным глаголом 199.	
4. Составные глагольные формы (§ 200—202)	121
Образование пассива с помощью eḥ- и причастия 200 — Образование перфекта и плюсквамперфекта с помощью ḥag(k)- и окаменелого причастия 201 — Выражение значения „собираться, быть готовым“ 202.	
5. Именные глагольные формы (§ 203—206)	122
Первый инфинитив как глагольное существительное 203 — Склонение первого инфинитива 204, 205 — Герундий и герундив 206.	
6. Лувийские глагольные формы (§ 207)	123
СИНТАКСИС (§ 208—336)	124
Согласование (§ 208—212)	124
Род 209 — Число 210, 211 — Verbum substantivum 212.	

Употребление падежей (§ 213—231)	128
1. Винительный падеж (§ 213—216)	128
Глаголы болезни 213 — Внутренний винительный 214 — Винительный на вопрос „куда?“ 215 — Винительный как наречие 216.	
2. Дательный-местный падеж (§ 217—220)	129
Вопросы „кому?“, „где?“, „куда?“ 217 — Поссесивный дательный (и родительный) 218 — <i>Dativus ethicus</i> 219 — Дательный цели и действующего лица при пассиве 220.	
3. Родительный падеж (§ 221—224)	130
Местоположение 221 — Родительный с добавлением притяжательного местоимения 222 — „ <i>тот</i> “ + родительный падеж 223 — Партитивная аппозиция вместо родительного падежа 224.	
4. Аблатив и творительный падеж (§ 225—229)	132
Аблатив места, разделения и причины 225 — Аблативные наречия 226 — Творительный падеж — 227 — <i>Ablativus instrumenti</i> 228 — Смещение аблатива и творительного падежа 229.	
5. Общие замечания о синтаксисе падежей (§ 230—231)	133
Глаголы со многими падежами 230 — Уравнивание форм именительного и винительного падежей — 231.	
Сравнение прилагательных (§ 232—234)	134
<i>Dativus</i> (и <i>ablativus</i>) <i>comparationis</i> 233 — Описательное построение превосходной степени 234.	
Наречия (§ 235—240)	135
Первичные и производные наречия 236—238 — Наречия на <i>-li</i> 239 — Наречия, обозначающие речь на определенном языке 240.	
Послелogi (§ 241—247)	136
Общие замечания 241, 242 — Отдельные послелogi и их конструкция 243—247.	
Местоимения (§ 248—265)	138
1. Личные местоимения (§ 248—256)	138
Опускание форм винительного падежа <i>-an-</i> , <i>-at</i> и т. д. 248, 249 — Безличные глаголы 250 — Личные местоимения в роли возвратных 251 — Возвратная частица <i>-za</i> 252—255 — Отношение взаимности 256.	
2. Притяжательные местоимения (§ 257—260)	140
Местоимение 3-го лица ед. ч. во множественном числе 258 — <i>ripan</i> , <i>appa</i> , <i>šer</i> , <i>katta</i> и т. д. с притяжательными и личными местоимениями 259, 260.	
3. Указательные местоимения (§ 261—264)	141
<i>kā-</i> с указанием на последующее, <i>en-</i> с указанием на предшествующее — 261, 262 — <i>kā-</i> — деиктически „я“, <i>aṛ-</i> — деиктически „ты“ и „тот“ 263, 264.	
4. Неопределенные местоимения (§ 265)	142

Глаголы (§ 266—284)	142
1. Залоги (§ 266—268)	142
2. Употребление времен и наклонений (§ 269—278)	142
Простые времена 269 — Составные формы 270 — Времена при <i>pač</i> 271 — Стиль письма и указа 272 — Императив как опта- тив и волюнтарив 273 — Отрицательный императив 274 — По- тенциалис и ирреалис 275—277 — „почти“ 278.	
3. Употребление глагольных имен (§ 279—294)	145
Инфинитивы и супины 279, 280 — Выражение объекта при втором инфинитиве и супине 281 — Вневременность инфинитива и супина 282 — Причастие 283 — Герундий 284.	
Отрицание и вопрос (§ 235—291)	147
Отрицание в предложениях суждения 285, 286 и запрещения 287 — Местоположение отрицания 288, 292 — Действие отрица- ния на последующее предложение 290 — Простой и двойной вопрос 291.	
Частицы (§ 292—304)	149
- <i>ča(r)</i> - частица, вводимая в цитируемую речь, 292—295 — - <i>pit</i> 296 — - <i>za</i> , - <i>kap</i> , - <i>šap</i> 297 и сл.: - <i>kap</i> 298—301; - <i>šap</i> 302, 303 — -(<i>a</i>) <i>ša</i> и -(<i>a</i>) <i>pa</i> 304.	
Сочинительные союзы (§ 305—324)	154
1. - <i>a</i> , - <i>ja</i> (§ 305—308)	154
2. <i>ni</i> (§ 309—318)	155
Общие замечания 309 — Поздний язык 310, 311. — Древний язык 312 — Отсутствие <i>ni</i> в позднем языке 313 — <i>ni</i> в перио- дах с <i>kuit</i> 314 — Асиндетическое присоединение глаголов <i>ša</i> - <i>pa</i> - 315 — <i>ni</i> после ирреалиса 316 — <i>ni</i> в соединении с - <i>ma</i> 317 — <i>ni</i> <i>namma</i> 318.	
3. <i>ta</i> и <i>šu</i> (§ 319—320)	160
4. Прочие сочинительные союзы (§ 321—324)	161
- <i>ma</i> 321, 322 — <i>našma</i> 323 — <i>naššu</i> 324.	
Типы придаточных предложений (§ 325—336)	162
Финальные и konsekutive предложения 325 — Каузальные предложения 326 — <i>kuit</i> 327 — Предикативное имя, соответ- ствующее конструкциям с „что“ после <i>verba sentiendi</i> и <i>dicendi</i> , 328 — Временные предложения 329 — Реальные условные пред- ложения с союзом и без союза 330, 331 — Ирреальные услов- ные предложения 332 — Неправильности 333 — Уступительные предложения 334 — Косвенно-вопросительные предложения 335 — Относительные предложения 336.	
АККАДСКИЕ И ШУМЕРСКИЕ ФОРМЫ В ХЕТТСКИХ ТЕКСТАХ (§ 337—374)	168
Шумерские окончания множественного числа при имени 338 — Шумерский родительный падеж 339 — Шумерские прилагатель- ные 340 — Аккадская именная флексия 341 — Аккадское сочетание <i>status constructus</i> 342 — Описательная конструкция аккадского родительного падежа с помощью <i>ša</i> 343 — Аккад- ские и шумерские притяжательные суффиксы 344, 345 — Аккад- ские и шумерские абстрактные образования 346 — Аккад-	

зирующее склонение хеттских и иноязычных имен 347, 348 —
 Неправильное употребление аккадских падежных форм 349 —
 Замена аккадского женского рода мужским 350 — Неправиль-
 ное понимание аккадских сочетаний *status constructus* 351 —
 Неправильное употребление аккадских притяжательных суф-
 фиксов 352 — Двойное выражение притяжательного отношения
 353 — Ударенные аккадские личные местоимения 354 — Аккад-
 ские предлоги 355, 356 — Ошибки в их употреблении 357—359 —
 Опускание *INA* и *ANA* 360 — *INA* и *ANA* перед хеттскими
 именами 361 — Отсутствие генетивной частицы *ŠA* 362 — Нем.
 „*der des...*“ при именах, написанных по-аккадски, 363 — Шу-
 мерские порядковые числительные 364 — Спряжение сильного
 аккадского глагола в главной основе 365, 366 — Слабые аккад-
 ские глаголы 367—369 — Производные спряжения 370 — Шу-
 мерские глагольные формы 371 — Аккадские наречия и союзы
 372—374.

Указатель	181
Сокращения	192

Редактор В. В. ФРЯЗИНОВ

Художник Г. А. Крацов

Технический редактор Б. М. Ильин

Сдано в производство 13 VI 1952 г.
Подписано к печати 1 X 1952 г.
А-06946. Бумага 60 × 92¹/₁₆ мм, 6,1 бум.
л., 12,6 печ. л. Уч.-издат. л. 1¹/₄. Изд.
№ 13/930. Цена 8 р. 75 к. по пре-
скуранту 1952 г. Зак. 3618

Набрано в Первой Образцовой типографии имени
А. А. Жданова Главполиграфиздата
при Совете Министров СССР, Москва,
Важовая, 28.

Отпечатано в типографии Трудрезервиздата.
Москва, Хохловский пер., 7. Зак. 1373.

